

послѣ Рождественскихъ святокъ (къ новому году,) также около Крещенія, и весною, въ началѣ великаго поста. Хозяева вообще для договора и найма выбираютъ то время, когда крестьянинъ нуждается въ деньгахъ, слѣдовательно, при взносѣ податей, оброковъ, во время рекрутскаго набора и проч. Они пріѣзжаютъ для этого всегда въ опредѣленное мѣсто, куда передъ тѣмъ собираются изъ окрестныхъ селъ и деревень и крестьяне, занимающіеся бурлачествомъ. Въ Вятской губерніи сборнымъ пунктомъ служитъ городъ Орловъ; хозяева пріѣзжаютъ туда къ Крещенію. Костромскіе и нижегородскіе бурлаки рядятся большею частію весною, при началѣ великаго поста, судохозяева пріѣзжаютъ рядить ихъ въ посадъ Пучежъ, въ Чернорѣцкую волость, Балахнинскаго уѣзда; въ Лысково, и т. п. Въ другихъ мѣстахъ (въ Тамбовской губерніи напр.,) рядятся даже осенью. Чаще всего однако ряда совершается раннею весною, въ началѣ судоходства. Бурлаки подряжаются или поодиначкѣ или цѣлою артелью. Въ послѣднемъ случаѣ, артель, составившаяся дома, выбираетъ изъ среды своей десятника и посылаетъ его въ извѣстное мѣсто, гдѣ находится бурлацкій базаръ: въ Нижній Новгородъ, Прозино городище и т. п. прискаты ряду. Иногда такимъ посыльнымъ бываетъ простой артельщикъ, не десятникъ; десятникъ же назначается послѣ присканія ряду.

Лѣтомъ бурлаки рядятся въ приволжскихъ и прикамскихъ городахъ и селахъ: въ Рыбинскѣ, Нижнемъ, Лысковѣ, Чистополѣ, Лаишевѣ, Симбирскѣ, Балаковѣ, Саратовѣ и т. д. Подрядившіеся окончательно отправляются обыкновенно сейчасъ въ шинокъ запивать ряду и получаютъ задатокъ, изъ котораго часть, слѣдующая на уплату податей, поступаетъ въ руки присутствующаго тутъ же сборщика податей или старосты. Разумѣется, это бываетъ только съ бурлаками зимними и то съ тѣми, которые подряжены дома, въ своемъ селѣ.

Въ задатокъ выдается обыкновенно половина договорной платы, иногда и больше, а иногда и меньше. Величина

задатка много зависитъ отъ степени довѣрія хозяина къ работникамъ; артельщикамъ, которые ручаются другъ за друга, выдаются бѣльшіе задатки, нежели тѣмъ, которые не могутъ дать такого ручательства. Но преимущественно на увеличеніе задатка имѣетъ вліяніе мѣра потребности въ деньгахъ со стороны подряжаемаго: обыкновенно, чѣмъ больше задатокъ, тѣмъ меньше самая наемная плата. Поэтому-то наибольшіе задатки берутъ зимніе бурлаки, какъ особенно нуждающіеся въ деньгахъ, а наименьшіе получаютъ рабочіе, нанимающіеся лѣтомъ; имъ выдается въ задатокъ $\frac{1}{3}$ наемной платы, иногда даже 2 и 3 р. сер. Лѣтомъ, когда бурлакъ уже побывалъ на работѣ и запасся всѣмъ нужнымъ, онъ иногда нанимается и безъ задатка; но тогда беретъ уже высшую заработную плату. Такіе случаи впрочемъ бывають иногда и весною у запасливыхъ. Задатокъ необходимъ бурлаку для тѣхъ затратъ, какія онъ долженъ сдѣлать до поступленія на судно: изъ задаточныхъ денегъ уплачиваются подати, оброкъ, повинности, покупаются лапти, лямка и т. п. Рогожныя лапти стоють 4 к. сер., хорошая лямка отъ 2 до 3 руб. асс., подержанная 30 к. сер.

Договаривавшіяся стороны, т. е. съ одной стороны судохозяинъ, съ другой—судорабочіе, заключаютъ между собою письменный контрактъ, заявленный у маклера судоходной расправы. Съ одной стороны именуется наниматель, а съ другой—всѣ лица, составляющія артель. (*) Предъ отправкой, бурлаки обыкновенно приходятъ міромъ къ начальнику водяной коммуникаціи, чтобы убѣдиться, вѣрно-ли прописаны въ контрактѣ словесныя условія. На тихвинкѣ, впрочемъ, бурлаки подряжаются безъ контрактовъ, по однѣмъ тетрадамъ, имѣющимъ силу договора.

Не смотря на такого рода обязательство, иногда, если наемныя цѣны поднимаются на базарѣ, бурлаки, нанятые

(*) Контракты бывають различной формы, смотря по роду судна. Въ нихъ съ мельчайшими подробностями высчитаны и опредѣлены обязанности судорабочихъ, хотя онѣ и не исполняются.

прежде по дешевымъ цѣнамъ, приходять къ хозяину и объясняютъ, что на суднѣ они идти не могутъ, потому-что больны; однако, при этомъ забранныхъ въ задатокъ денегъ, если онѣ и неотработаны ими, не возвращаютъ, говоря, что издержали. Хозяева рѣдко преслѣдуютъ такіа плутни законнымъ порядкомъ, увѣряя, что формальный искъ невыгоденъ для нихъ.

Судно приводится въ движеніе четырьмя способами: бичевою, завознымъ якоремъ, веслами и парусомъ при попутномъ вѣтрѣ.

Бичевою называется веревка, которой одинъ конецъ укрѣпляется на возвышенности мачты, а другой протягивается чрезъ воду на берегъ, гдѣ бурлаки, захлеснувъ за веревку лямки (*) и, налегая на нихъ всѣмъ корпусомъ, чтобъ тяжестью тѣла пособить усиліямъ ногъ, идутъ мѣрнымъ шагомъ, таща за собою судно. У судна малаго размѣра бываетъ только одна шеренга бурлаковъ; у судна большаго размѣра бичева раздѣляется на два конца; ее тянуть гусемъ двѣ шеренги лямочниковъ.

Чтобъ не кряхтѣть отъ изнеможенія, не дремать и не спотыкаться отъ усталости, они бодрятъ другъ друга разными понуканіями и, главнымъ образомъ, развлекаются пѣснями.

Бурлаки выступаютъ впередъ только правой ногой: тяжесть труда не дозволяетъ имъ заносить лѣвую ногу далеко впередъ. Придвинувъ лѣвую ногу къ правой, они снова дѣлаютъ маленькій шагокъ правой ноги. Отъ этого равномернаго шаганья, сопровождаемаго для развлечения притопываніемъ, общее колебаніе цѣлой шеренги бурлаковъ то вправо, то влѣво чувствительно для cadaго. Но если случится, что который-нибудь изъ нихъ, забывшись или за-

(*) Лямкою называется кожа, вырѣзанная въ длину $2\frac{1}{2}$ и болѣе аршина, а въ ширину посрединѣ на четверть и по концамъ на вершокъ; концы ея соединяются веревкой, которая посредствомъ привязанной къ ней палочки захлестывается за бичеву. Отъ слова лямка, бурлаковъ называютъ также *лямочниками*.

дремавъ на ходу, перемѣнить ногу, то такое отступленіе не можетъ укрыться отъ товарищей. Чтобъ заставить соннаго идти въ ногу, но въ то же время чтобы не терять времени на то, чтобъ остановиться, оборотиться и отыскать виновнаго, артель перестаетъ пѣть начатую уже пѣсню, и затягиваетъ общимъ-же хоромъ извѣстный припѣвъ:

Сѣно — солома!

Сѣно — солома!

Сѣно — солома!

и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока шаганье не приведется въ надлежащій порядокъ.

Нѣтъ ничего обременительнѣе, какъ тянуть бичеву въ сильный противный вѣтеръ, при которомъ судно подвигается впередъ въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ едва на нѣсколько верстъ (при благоприятныхъ обстоятельствахъ бурлаки проходятъ бичевою около 40 верстъ въ сутки.) Иногда порывы вѣтра отбрасываютъ бурлаковъ назадъ, и тогда ужъ нужно бросать якорь, чтобъ не уничтожить плодовъ тяжелой работы, ибо судно, не повинуюсь ихъ успліямъ, дѣйствіемъ вѣтра и теченіемъ подвигается назадъ.

Не разъ приходится видѣть и то, что бурлаки, въ погоду, выбившись на берегу изъ силъ, не могутъ слѣзть впередъ ни шагу подъ бичевою. Судно парусило въ мачту (которая спланивается изъ пяти и изъ семи деревъ сажень въ 12 длины) и несло на низъ; бичева тащила за собой бурлаковъ,—но они не уступали. Перекинувъ лямки вмѣсто груди на спину, бурлаки обращались лицомъ къ уносимому напоромъ воды судну, и длинною шеренгою усаживались по береговымъ пескамъ; нивалившись всѣмъ корпусомъ на лямку, они жалобно, не смотря ни на дождь, ни на вѣтеръ, пѣли:

Охъ, матушка Волга,

Широка и долга!

Угачала, уваяла —

У насъ силушки не стало.

Нужно имѣть очень крѣпкое здоровье и особенно крѣпкую грудь, чтобъ вынести тяжкую работу: отъ ступанія съ усиліемъ по мягкому, рассыпающемуся песку, у бурлаковъ на ногахъ растягиваются жилы; каменный грунтъ бываетъ причиною, что они портятъ себѣ ноги, накалывая или вывихивая ихъ; отъ сильнаго налеганія грудью на ляжку развивается чахотка, а отъ постоянного наклоненія головы, къ ней притекаетъ кровь, отъ чего у бурлаковъ портятся глаза. При суводняхъ и вообще быстрыхъ теченіяхъ отъ нѣкоторыхъ мѣстъ, обыкновенный комплектъ бурлаковъ для судна бываетъ недостаточенъ, и хозяева на этотъ случай увеличиваютъ число ихъ.

Другой способъ движенія судна — завозня; она состоитъ въ томъ, что двѣ маленькія лодки на веслахъ поочередно завозятъ впередъ судна якорь, бросая его на дно; одинъ конецъ каната, къ которому привязанъ якорь, остается на суднѣ, гдѣ бурлаки, привязавъ къ канату свои лямки, ходятъ въ длину судна по палубѣ, подвигая судно къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ якорь; въ это время лодка успѣетъ уже завезти на значительное разстояніе другой якорь, къ которому бурлаки такимъ-же образомъ подтягиваютъ судно, и такъ далѣе; одна и та же работа повторяется безъ измѣненій, пока берега Волги не сдѣлаются удобными для того, чтобы тянуть судно бичевой. Завозня употребляется въ такомъ только случаѣ, когда берега круты, обрывисты и чрезвычайно высоки, такъ что тянуть бичеву не довольно безопасно, или когда они покрыты лѣсомъ, гдѣ бичеву нужно часто ссаривать или отдавать назадъ.

Когда судно идетъ вверхъ завозомъ, то самое интересное зрѣлище, смѣсь смѣха и горя, представляетъ этотъ случай, когда судно сядетъ на мель, и бурлаки силятся на якоряхъ перетащить большую расшиву чрезъ огрудокъ. Лоцманъ, обыкновенно въ красной рубахѣ и разряженный впухъ, разгорячаетъ усердіе бурлаковъ къ болѣе усиленному труду. Они должны непременно весело хоромъ распѣвать удалыя бурлацкія пѣсни, не падать духомъ и во что

бы ни стало сдвинуть судно съ мели. Лоцманъ, не отходя отъ своихъ креслъ, не выпуская изъ рукъ правила, самъ поддѣваетъ народу, громко командуетъ: «веселѣ братцы,» надсѣдается отъ крику, и время отъ времени утѣшаетъ провозглашеніемъ, что судно двинулось. «Пошелъ! батюшки, пошелъ!! пошелъ ходомъ!!! Пой, ребята, пой веселѣй!!»

И ребята, доселѣ полуугрюмо распѣвавшіе сильными голосами извѣстные припѣвы: «Нейдетъ! Нейдетъ!! Ау, да ухъ!!» собираются съ новыми силами, и, перемѣнивъ старую погудку на новый ладъ, вмѣсто:

Пошли да повели,
Правой лѣвой заступи!

поютъ уже:

Вотъ пошелъ, таки пошелъ.
Онъ пошелъ, да и пошелъ!
Онъ и ходомъ, ходомъ, ходомъ,
Ходомъ на ходу пошелъ!

Если бурлаки, вытягивая снасть, вытаскаютъ якорь, насколько не отдалившись отъ земли, они снова приходятъ въ уныніе, снова принимаются за старую пѣсню:

Ой разъ, ой разъ,
Еще разикъ; еще разъ!
Вглянись, другъ,
Возмись вдругъ,
Да и у — ухъ!!

А если и тутъ неудача, то для приданія куражу поддѣваютъ хоромъ.

Сорвали, сорвали,
Сорвали, да сорвали,
Ты опять говори,
Что сорвали, сорвали!

Но усилія все перевозмогаютъ, и судно, тѣмъ ли, дру-

гимъ ли, подачей ли, (*) неволей ли, или свойкой, или чигенемъ, (**) снимается таки съ земли.

На веслахъ бурлаки спускаются по теченію большею частью въ весенній разливъ.

Бѣгъ на парусѣ — самая счастливая пора для бурлака: онъ въ это время свободенъ отъ великихъ занятій, и отдыхаетъ отъ тяжкихъ трудовъ своихъ; поэтому неудивительно, что самая жаркая молитва бурлака — молитва о попутномъ вѣтрѣ.

И что за счастливое созданіе бурлакъ, когда, послѣ утомительныхъ дней тяжкаго труда, Господь пошлетъ попутный вѣтеръ: лети, отдыхай и спи сколько угодно душѣ; а для истомленнаго бурлака это истинная благодать! Попутный вѣтеръ въ одномъ плесѣ; боговой вѣтеръ, дующій совершенно наось, можетъ быть одинаково попутенъ и для судна, идущаго съверху, и для судна, отправляющагося къ низу; но такъ какъ попутный вѣтеръ гораздо нужнѣе для этого послѣдняго, то про встрѣчное судно, идущее на парусахъ въ то время, когда низовое судно принуждено ихъ, по бесполезности, спустить, говорится, что оно идетъ чужимъ вѣтромъ.

На Волгѣ мнѣ часто попадались встрѣчныя суда: лямочки, издали еще завидѣвъ дымокъ нашего парохода, сообщали объ этомъ открытіи лоцману: «глядька, дядя, огнёва бѣжитъ». И лоцманъ, подтянувши синій кушакъ, расправивъ усы и бороду, съ усмѣшкою выжидалъ появленія огнёвы, которую всѣ бурлаки считали близкой родней чертовой кобылѣ, какъ зовутъ у насъ на Руси паровозы.

— Миръ, Богъ на помощь! кричали мы расшивъ неизмѣнную фразу волжской вѣжливости.

— Вамъ Богъ на помощь! отвѣчали въ одинъ голосъ улегшіеся брюхомъ по борту бурлаки.

— Чье судно? спрашивали мы, желая удовлетворить естественное любопытство.

(*) Косыкъ каната съ якоремъ, по которому ведутъ судна вверхъ рѣки.

(**) Стигъ или бревно, которымъ сдвигаютъ лодки съ мелей.

— Нижегородско! отвѣчалъ обыкновенно водоливъ, всегда почти сиплымъ голосомъ.

— Да чье нижегородско? Съ чѣмъ оно?

— Балахниньско! пояснялъ водоливъ.

— Да чье балахнинское?

— Кузмича дяди Антропа!

Пароходъ подвигался впередъ, росшиву уносило, мы расходились и не узнавали ничего. И всякій разъ намъ были одни и тѣже отвѣты.

Встаютъ для работы бурлаки утромъ чрезвычайно рано, до свѣта; въ восемь часовъ они завтракаютъ, послѣ завтрака до двухъ часовъ опять работаютъ, въ два часа обѣдаютъ, потомъ, до заката вечерней звѣзды—зарницы, опять на работѣ; поужинавъ, ложатся спать.

Время сна бурлаковъ измѣняется зажженною на ночь свѣчою; какъ скоро половина свѣчи сгорѣла, водоливъ будитъ бурлакскъ, прерывая самый сладкій сонъ, который не успѣлъ еще укрѣпить ихъ силъ, и они снова должны идти на работу.

Пища ихъ состоитъ изъ щей, каши и солонины; запасаются также бурлаки на дорогу квасомъ и медомъ, который составляетъ ихъ необходимое лакомство.

Счастье бурлаковъ, если, съ помощію попутнаго вѣтра, они скоро достигнутъ мѣста, издержавъ на харчи небольшую часть своей заработной платы; но при постоянно противныхъ вѣтрахъ, которые заставляютъ ихъ часто стоять на одномъ мѣстѣ, у нихъ немного остается отъ заработка.

Горе тому бурлаку, котораго въ этихъ страшныхъ трудахъ застигаетъ болѣзнь! Безжалостные хозяева отдають ему заработанныя деньги и паспортъ, и высаживаютъ на берегъ, гдѣ ни попало. Не удивительно поэтому, что бурлаки дорогу свою по Волгѣ называютъ путиной: не легко пройти имъ отъ Астрахани до Нижняго, куда должны прибыть въ 70 или 75 д., обыкновенно къ Ильину дню. Такъ какъ они нанимаются по контракту и обязываются поставить товаръ въ срочное время, то чѣмъ ближе этотъ срокъ,

тѣмъ болѣе купецъ старается понуждать бурлаковъ, и они въ это время въ сутки спать не болѣе двухъ часовъ, а иногда менѣе. Послѣ столькихъ лишеній, послѣ столькихъ ночей проведенныхъ безъ сна, какъ не увлечся бурлагу бѣдными наслажденіями, какія представляются ему въ городахъ! Очень часто бурлакъ проматываетъ весь свой ничтожный заработокъ, для котораго онъ рисковалъ жизнью. Но ни одинъ изъ городовъ не пользуется между бурлаками такою славою, какъ Астрахань, гдѣ нерѣдко, облитыя ихъ собственнымъ потомъ и кровью, деньги проживаютъ они въ нѣсколько дней. Край ихъ производитъ одинъ только хлѣбъ; въ Астрахани по дешевой цѣнѣ продается рыба, любимая ихъ пища, разнообразные плоды, виноградное вино; на каждомъ шагу соблазны. Вотъ отчего они прозвали Астрахань «разбалуй-городкомъ.»

Бурлакъ, побывавшій въ Астрахани, повидавшій Нижній и на своемъ вѣку видавшій всякіе виды, теряетъ ту смиренную фантазію, которая характеризуетъ мирнаго пахаря. Веселое разгулье большихъ городовъ, увертливые повороты на суднѣ во время плаванія, разнаго рода знакомства «въ жегуляхъ» съ жегулевскими промышленниками, безпрестанный отпоръ опасностей отъ бурь и садки на мель, — все это снимаетъ съ неотесаннаго мужика прежнюю кору неподатливости и необщительности, и обращаетъ его въ ловкаго, развязнаго, а подъ часъ и забубеннаго хвата. «Мы наволожились», хвастливо говоритъ бурлакъ и этимъ даетъ замѣтить, что теперь онъ не дастъ никому себя провести, а самъ понимаетъ, «чему, гдѣ и какъ быть надоть!»

Грамотныхъ между бурлаками почти нѣтъ; нѣкоторые изъ нихъ увѣряли меня, что такихъ никогда и не бываетъ, потому что грамотный всегда найдетъ работу получше бурлацкой лямки; по этому же самому классъ судорбочихъ и представляется въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ съ точки зрѣнія административной: невѣжество дѣлаетъ бурлаковъ упорными противниками всякихъ улучшеній, какъ частныхъ, такъ и государственныхъ, если только они видятъ въ

нихъ даже временную и кажущуюся личную потерю. По всему поволожью, бурлаки дружно возстаютъ противъ пароходства, желѣзныхъ и даже шоссеинныхъ дорогъ, иногда противъ коноводныхъ машинъ, противъ густаго населенія края, гдѣ они работаютъ, и даже попадались такіе, которые считали пожаръ прямою для себя пользою. Жалобы и мнѣнія подобнаго рода особенно сильно выражаются по близости къ Астрахани, въ нижнемъ поволожьѣ, гдѣ оригинальныя сужденія высказывались съ наибольшею горячностью.

Бурлаки по возвращеніи домой, съ своихъ лѣтнихъ работъ въ плесѣ занимаются различными ремеслами, если кто что-нибудь умѣетъ: такъ кузнецъ зимою снова принимается за кузнечную работу; портные, какъ напр. нехайковцы, Муромскаго уѣзда, зимою занимаются крестьянскимъ портняжничествомъ; въ Костромской губерніи многіе бурлаки зимою прядутъ ленъ; въ Чебоксарахъ пилать дрова, что даже продолжаютъ и лѣтомъ, отправляясь на суда только весною; муромскіе бурлаки скупаютъ, по примѣру отцовъ, у крестьянъ Зарайскаго и Михайловскаго уѣздовъ деревья, изъ которыхъ гнутъ дуги, сплавляемые ими потомъ къ нижегородской ярмаркѣ на собственныхъ, купленныхъ складчиною, или чужихъ судахъ; но главная масса бурлаковъ, какъ-то тамбовскіе, пензенскіе, симбирскіе и самарскіе, зимою ничего не дѣлаютъ, кромѣ молотбы, рубки дровъ и другихъ домашнихъ работъ, и то, если крайне необходимо. Бурлачество здѣсь, хотя и съ трудомъ, доставляетъ довольно для прожитія семьи, чего нельзя сказать про сѣверныя губерніи, менѣе плодородныя, но болѣе развитыя по своимъ потребностямъ.

Бурлачествомъ занимаются только тѣ изъ крестьянъ, которые не могутъ иначе употребить времени, свободнаго отъ ихъ полевыхъ работъ; часто промышленное населеніе или жители богатыхъ землями и угодьями мѣстностей не участвуютъ въ этомъ занятіи. Ни матеріальныя выгоды, ни моральныя условія этого промысла не представляютъ его осо-

бенно вожделеннымъ для государства. Бурлачество образуетъ бродячее, невѣжественное, представленное случайностямъ населеніе, истрачивающее свои силы на такое занятіе, которое большею частію можетъ быть исполнено животными или машинами: бурлакъ замѣняетъ собою лошадь или вола, и вообще можетъ быть поставленъ въ категорію тяглового скота. Поддерживать поэтому бурлачество искусственнымъ образомъ значило бы поддерживать самое невыгодное для государства употребленіе силъ въ то время, когда чувствуется недостатокъ въ трудѣ и рабочихъ во многихъ отрасляхъ нашей промышленности.

18. Лѣсопромышленники.

Пишу къ вамъ изъ гнѣзда раскольниковъ-старообрядцевъ, изъ мрачныхъ хвойныхъ лѣсовъ, съ крутаго берега извиистой, прихотливой въ своемъ теченіи рѣки Кѣрженца. Эта рѣка принадлежитъ почти исключительно Нижегородской губерніи, Семеновскому уѣзду. Лѣса, покрывающіе берега Кѣрженца и его притоковъ, кормятъ большую часть населенія цѣлаго уѣзда. Столичный или степной житель съ трудомъ представитъ себѣ и пойметъ ту глушь и дичь, которая царствуетъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, даже теперь, въ настоящее время, когда постоянная рубка и пожары сильно разрядили прежнія непроходимыя лѣсныя чащи, привольныя мѣста для медвѣдей, оленей, раскольниковъ и дѣлателей фальшивой монеты, давшихъ самому Семенову свою особенную мѣстную пословицу: «Хорошъ городъ Семеновъ, да въ немъ денюжка мягка!»

Изъ большаго, бойкаго села Воскресенскаго на Ветлугѣ, я вздумалъ проѣхать въ Хохалы, деревню, гдѣ помѣщается лѣсничество Лыковской дачи, прилежавшей къ Кѣрженцу и его притокамъ. Проѣхавши одну станцію по большой торговой дорогѣ отъ Воскресенскаго въ Семеновъ, для сокращенія пути мы свернули на проселокъ, и ѣхали верстъ 25 непрерывнымъ лѣсомъ, не встрѣчая ни одного селенія.

Всѣ крестьяне Лысковской волости занимаются исключительно рубкою лѣса, который потомъ вяжутъ въ плоты, и сплавляютъ ихъ до устья Керженца, впадающаго въ Волгу. Это ихъ единственный промыселъ, принятый ими въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и затѣмъ они не знаютъ никакого другаго кромѣ охоты, которую, впрочемъ, занимаются очень немногіе. Въ своемъ единственномъ промыслѣ они дошли до совершенства, и хотя, повидимому, немного нужно искусства, чтобы срубить и обтѣсать дерево, но нельзя не полюбоваться, съ какой необыкновенной чистотой, посредствомъ одного топора, снимается кора съ дерева: поверхность его остается такъ гладка, какъ у восковой свѣчи: ни зарубки, ни затѣсинки, все бревно какъ будто отполировано.

По берегамъ Керженца и поблизости къ нему всѣ крупныя, большемѣрные деревья уже повырублены, и въ настоящее время рубка идетъ по притокамъ, рѣчкамъ Черной и Вишнѣ, отъ селеній верстъ на 20 и на 30. Рубка лѣса, какъ извѣстно, производится зимою, и потому все мужское населеніе деревень, занимающихся этимъ промысломъ, какъ только промерзнутъ болота и установится хорошій зимній путь, переселяется въ лѣса и живетъ тамъ до вскрытія рѣкъ въ зимницахъ; въ деревняхъ остаются только бабы да ребятишки. Здѣшій крестьянинъ радъ ранней и морозной зимѣ, ибо чѣмъ длиннѣе зима, тѣмъ больше времени для работы, дающей средства существованія.

Мы пріѣхали въ Хохалы около 10 декабря, и узнали, что только дня за два крестьяне имѣли возможность переночевать въ лѣса, и то только самые заботливые и отважные, потому что болота еще не промерзли. Мнѣ хотѣлось на мѣстѣ видѣть рубку и жизнь этихъ лѣсныхъ дикарей. Не обинуясь оставляю это названіе за здѣшними обитателями: мнѣ удалось быть въ мѣстахъ, не менѣе лѣсныхъ и глухихъ на Ветлугѣ, но тамъ болѣе жизни, болѣе движенія, болѣе предприимчивости и коммерческихъ оборотовъ; тамъ строятся большія суда—бѣляны, на которыхъ сплавляются

лѣсныхъ издѣлія до Дубовки, и рѣдкій изъ тамошнихъ крестьянъ не сплывалъ внизъ по Волгѣ; здѣшній же крестьянинъ, напротивъ, кромѣ своихъ лѣсовъ, своей Черной и Керженца, ничего не видалъ и не знаетъ: единственное окошко, черезъ которое онъ разъ въ годъ смотритъ на остальной міръ Божій—село Лысково, капиталисты котораго скупаютъ лѣсъ, срубленный руками лысковскаго мужика.

Лѣсничій нашелъ мнѣ извозчика, который брался довести къ зимницамъ на Черной, но признавался, что былъ тамъ всего одинъ разъ и дорогу плохо помнить.

Мы пріѣхали къ зимницамъ ночью; начали окликать находившихся въ зимницѣ, но утомившійся на работѣ народъ спитъ крѣпко, и мы насилу могли вызвать хозяина. Оказалось, впрочемъ, что до той зимницы, въ которой мы предполагали ночевать, было съ добрую версту, но это не бѣда; намъ указали дорогу, и мы скоро добрались до ночлега.

Въ темнотѣ ночи я не могъ разсмотрѣть внѣшняго вида зимницы; замѣтилъ только, что мы остановились передъ небольшимъ и невысокимъ зданіемъ. Черезъ окошко или, попросту сказать, дыру, въ аршинъ величиною, которая служила окномъ и входомъ, свѣтился яркій огонь съ теплины, разложенной внутри зимницы, и густыми клубами вылеталъ дымъ. Привѣтливо манилъ къ себѣ этотъ ярко пылавшій внутри землянки огонекъ, и отраду обѣщалъ нашимъ прозябшимъ членамъ.

Я спѣшилъ обратиться къ нему, но съ непривычки это было несовсѣмъ легко; долго принаравливался я, какъ бы пролѣзть черезъ дыру, служившую входомъ, пока не догадался, что сначала надобно просунуть одну ногу, за ней другую, и потомъ, по возможности согнувшись, вдвинуться внутрь всѣмъ тѣломъ.

Поступивши такимъ образомъ, я очутился внутри зимницы, но въ ту же минуту долженъ былъ присѣсть, потому что подъ потолкомъ стоялъ дымъ, который захватывалъ дыханіе и невыносимо ѣлъ глаза. Почти ползкомъ сталъ я пробираться по земляному полу тѣсной зимницы, отыскивая

какое-нибудь помѣщеніе; отыскалъ у стѣны маленькій древесный отрубокъ и сѣлъ на немъ около очага. Пріятная теплота огня и сухость воздуха мгновенно согрѣли меня, дымъ струился надъ головою, не касаясь ея; я протеръ глаза, изъ которыхъ текли слезы, и свободно уже могъ наблюдать предстоящую картину.

Въ землѣ вырывается яма около аршина глубиною и сажени двѣ квадратныхъ въ окружности. Въ нее запускается соотвѣтствующій мѣроу бревенчатый срубъ, вышиною въ ростъ человѣка. Пола не настиляется, потолокъ же выводится изъ бревень нѣсколько сводомъ. Въ одной стѣнѣ, вплоть надъ землею, прорубается окно или, вѣрнѣе, дверь около аршина величиною.

Лазейка эта имѣетъ створчатыя дверцы размѣромъ въ вышину на четверть меньше противъ самаго отверстія, для того, чтобы, когда онѣ затворены, оставался свободный выходъ для дыма поверхъ дверецъ, и въ то же время загражденъ былъ притокъ холоднаго воздуха снаружи, чрезъ что зимница очень скоро нагрѣвается даже отъ малаго количества дровъ. Къ стѣнѣ, противоположной входу, черезъ всю зимницу дѣлаются нары около сажени шириною. На аршинъ отъ нихъ ближе къ двери, устраивается очагъ слѣдующимъ образомъ: дѣлается небольшой срубъ въ аршинъ вышиною и аршина полтора шириною, и наполняется до краевъ землею. Этотъ очагъ замѣняетъ печь: на немъ всю ночь непрерывно горитъ огонь, нагрѣвая своею теплотою и дымомъ убогую хату; на немъ же варится пища. Вотъ общій внутренний видъ и устройство зимницы.

На другой день утромъ я разсмотрѣлъ, что по бокамъ зимницы придѣлываются хлѣвы для лошадей, довольно просторные и кажется, даже болѣе удобные, нежели то помѣщеніе, которое устроилъ человѣкъ для себя. Все это убогое зданіе покрыто одной кровлей, которая выступаетъ впередъ его навѣсомъ; подъ нимъ хранится сѣно для корма лошадей.

Въ зимницѣ, которую мы избрали своимъ ночлегомъ, я увидѣлъ человѣкъ шесть, лежавшихъ на нарахъ. Нары были покрыты грязными рогожами, овчинные полушубки служили изголовьемъ, дырявые сѣрые зипуны—одѣяломъ, грязные лапти и онучи висѣли надъ головами на закоптѣлыхъ жердяхъ и валялись между лежавшими. Потолокъ, стѣны, два котелка, въ которыхъ варится пища, были покрыты копотью на палецъ. Лица хозяевъ были черны отъ грязи и дыма. Когда я черезъ четверть часа пребыванія въ зимницѣ дотронулся до лица платкомъ, то увидѣлъ, что и на мнѣ лежалъ уже слой копоти. И въ этомъ дыму, въ этой тѣснотѣ, грязи и копоти можетъ жить русскій человѣкъ большую половину жизни!....

Старшій хозяинъ зимницы былъ высокій, тощій, костлявый старикъ, лѣтъ 80-ти. Онъ лежалъ съ краю и не измѣнилъ своего положенія при нашемъ приходѣ, даже не привсталъ. Сынъ его такой же высокій, но широкоплечій, здоровый мужикъ, лѣтъ подъ 50, съ добрымъ лицомъ и длинной рыжей бородой, поднялся съ мѣста и встрѣтилъ насъ, какъ хозяинъ. Остальные, лежавшіе на нарахъ, были работники хозяина. Они молча посматривали на насъ, но мы знали, чѣмъ рѣзывается языкъ русскаго человѣка, и приказали принести изъ саней большую бутылъ, взятую нарочно съ этою цѣлью. Впрочемъ, къ крайнему моему удивленію и удовольствію, ни старикъ—хозяинъ, ни его сынъ, ни двое работниковъ не хотѣли даже попробовать вина, не смотря на всѣ наши убѣжденія. Спутникъ мой, знавшій всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ, послалъ звать ихъ изъ сосѣднихъ зимницъ, но пьющими оказалось только трое или четверо; между ними особенно отличался бывшій ратникъ, сначала очень забавлявшій, а потомъ надоѣвшій мнѣ своими рассказами о томъ, какъ они стояли съ дружиною въ Хохлахъ.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ мало пьютъ водки, и въ праздничныя гулянья ограничиваются больше брагой и хмѣльнымъ медомъ.

Мало-по-малу завязалась оживленная бесѣда. Не отвергнувшіе нашего угощенія уже затѣвали пѣсню, но и прочіе, видя нашу простоту и радушіе, оросили осторожность и повели откровенный разговоръ; одинъ только нашъ старикъ-хозяинъ оставался молчаливъ и, какъ видно, недоволенъ совершавшеюся передъ его глазами пирушкой.

— Вотъ пить да гулять, такъ, пожалуй, на всю ночь рады, а работать такъ насъ нѣтъ! брюзжалъ старикъ.

— Небось, мы на все поспѣемъ,—возражалъ ратникъ.— Вотъ какъ, бывало, у насъ ротный....

— Ладно, ротный. Знай про себя: слышали!

— Что, видно, братъ, дѣдушка-то не любитъ вамъ давать воли: не даетъ лѣниться-то! сказалъ я.

— Да ему что, сполагоря: отъ него только и есть, что ну, да проворнѣй! до свѣта поднимаетъ, заснуть не дастъ, а самъ-отъ небожно за топоромъ кланяется, только понукаетъ людей да покрикиваетъ!... отозвался одинъ изъ работниковъ.

— Ладно! поживи съ мое, да поломайся съ мое, а тутъ и говори,—сердито возразилъ старикъ.

— Да мнѣ-то что? все едино: я не на него работаю, на себя,—продолжалъ ратникъ.—Пущай ты,—обратился онъ къ одному парню:—ты коренной работникъ, на жалованьи, а я что вывезъ, за то и денежки получилъ.

Въ это время слуга подавалъ мнѣ трубку.

— Да ты уголекъ подай ему,—обратился къ нему ратникъ.—Какъ мы бывало въ походѣ или въ Хохлахъ, у насъ эти трубки.... сколько! все уголькомъ раскуривали.

— Ну, ребята, давай запоемъ нашу ратницу..... Я начну..... слушай.

— Ну, зазѣваль! сердито промолвилъ старикъ, непріязненно поглядывая на расходившагося ополченца.—Деньги забирать али орать, такъ мастеръ, а къ работѣ нѣтъ.

Я попросилъ сына старика растолковать мнѣ, на какихъ условіяхъ работаетъ на него ратникъ и прочіе его работники.

— У насъ, видишь ты, какой порядокъ заведенъ: вотъ я теперь знакомство веду съ лысковскими торговцами, это по нашей лѣсной части. Вотъ я у нихъ тамъ, у котораго ни-на-есть деньги и забираю, тамъ пятьсотъ ли, тысячу ли рублей, да вотъ этакимъ и раздаю: кому 60, кому 70 ассигнаціями: ему деньги нужны, въ домъ ли, на подушны ли, а достать не на-чемъ, вотъ онъ и забираетъ впередъ, а тутъ зимуто на меня и зарабатываетъ: рубить. Тамъ весна придетъ, какая цѣна на лѣсъ обнаружится, сколько бревенъ кто вырубить, потому его и рассчитываю. А то какъ работника нанимаю на всю зиму, на счетъ того: ужъ онъ дѣлай, что велю....

— Какъ ты говоришь, какая цѣна обнаружится? развѣ работникъ не дѣлаетъ напередъ съ тобой условія: почему ему получать съ бревна?

— Да какъ онъ сдѣлаетъ условіе? я и самъ-то не знаю, какая цѣна откроется, это ужъ какъ лысковскіе купцы какую цѣну назначать.

Такимъ образомъ вся лысковская волость или, лучше сказать, весь лѣсный промыслъ по Керженцу—жертва монополіи капиталистовъ села Лыскова.

Ни у одного изъ крестьянъ лысковской волости нѣтъ настолько денежныхъ средствъ и предприимчивости, чтобы производить выдѣлку лѣса на собственный счетъ, и потомъ, сплавивши плоты до устья Керженца или ниже по Волгѣ, продать ихъ по вольной цѣнѣ. Болѣе зажиточный, больше семейный или смышленный крестьянинъ идетъ въ Лысково къ лѣсопромышленнику и просить у него денегъ, обѣщаясь весною выставить ему примѣрно такое-то количество бревенъ. Лѣсопромышленникъ даетъ ему денегъ безъ всякихъ условій, но зато весною, когда плоты пригнаны, и когда крестьянинъ просить окончательной раздѣлки, онъ, по соглашенію съ такими же другими лѣсопромышленниками, также имѣющими своихъ должниковъ, назначаетъ произвольную цѣну, и, разумѣется, получаетъ лѣсъ крайне дешево. Точно также и крестьянинъ, забиравшій деньги непосредственно отъ лѣсопромышленника и такимъ же точно

порядкомъ раздававшій впередъ другимъ бѣднѣйшимъ мало-семейнымъ и менѣе его смышленнымъ крестьянамъ, при окончательной раздѣлкѣ старается скрыть настоящую цѣну, которую получилъ отъ хозяина, и нарочитъ разсчитать своихъ работниковъ подешевле. Однимъ словомъ, въ этой торговлѣ взаимное довѣріе основано на обманѣ и взаимный обманъ на довѣріи: я тебѣ вѣрю деньги, потому что ты даешь мнѣ возможность обмануть тебя и получаешь возможность обмануть другаго, и я тебѣ позволяю меня обманывать за то, что ты довѣряешь мнѣ деньги и тѣмъ даешь возможность обмануть другаго. Почти въ такой формулѣ можно привести отношенія лѣсопромышленниковъ по Керженцу. Разумѣется, при этомъ, гдѣ капиталистъ обманываетъ бѣдняка на рубли, тамъ бѣднякъ обманываетъ своего бѣднѣйшаго собрата на копѣйки. И эта зависимость рабочихъ рукъ отъ капиталистовъ и произволъ послѣднихъ въ опредѣленіи цѣнности труда у насъ въ Россіи встрѣчается не только здѣсь, но весьма часто.

— Сколько же можетъ выработать въ зиму мужикъ съ одной лошадыю? спросилъ я нашего хозяина.

— Да ретивый рублей сто на ассигнаціи заматаетъ черезъ зиму-то.

— Что же вы дѣлаете лѣтомъ?

— Лѣтомъ, извѣстно, около дома: хлѣбопашествомъ занимаемся, да хлѣбъ-то у насъ больно плохо родится: семьи-то не прокормишь. Плохіе наши достатки!... Только зима-то и кормить. Да вотъ нонѣ какая стоитъ: Микола прошелъ, а мы только-что въ лѣсъ-отъ выѣхали. Вотъ зимушней зимой, нечево сказать, благодаренье Богу, поработали, а нонѣ плохо.

Зима въ иныхъ краяхъ—отдыхъ для крестьянина, время лѣни и лежанья на печи, а здѣсь это самая работающая, самая страдная пора. И здѣшній мужичокъ ждетъ ее и любить ее, какъ свою кормилицу, не смотря на кровавый потъ, на всѣ лишенія и страданія, съ которыми добываетъ свой насыщенный хлѣбъ! Онъ охотно разстается и со всей семьей

и съ чистой, просторной избой, съ радостью идетъ въ эту дымную, курную лачугу для того, чтобы выработать средства существованія.

— А вѣдь, чай, тошно иной разъ по семьѣ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Ничего, не тошно! вдругъ отозвался старикъ.

— Какъ, дѣдушка, неужто не подумается о домѣ? Ну, ты вотъ старикъ, ты нажился со своей старухой, а вотъ тутъ молодые ребята, у нихъ, чай, жены остались, тоже, чай, грустится.

— Вотъ есть о чемъ! безъ бабы лучше..... Ну ихъ!..... Отъ нихъ никакого прока нѣтъ. На смерть ихъ не люблю.

— Что ты, дѣдушка, за человекъ? сказалъ я со смѣхомъ: — водки не пьешь, бабъ не жалуешь; что же ты любишь?

— Что люблю? хлѣбъ,—рѣзко отвѣчалъ старикъ.—А въ бабахъ пути нѣтъ: я вотъ со второй живу. Сказать тебѣ, я на крестинахъ былъ у теперешней-то моей хозяйки. А лучше безъ нихъ, завсегда скажу, что лучше. Да будетъ вамъ орать-то, — обратился онъ къ развеселившимся немолкавшимъ пѣсенникамъ. — Ишь, складъ-отъ какой! Ложились бы спать, а то завтра продрыхните.

— Да ты бай, бай свое! возразилъ ратникъ. — Вотъ кабы дѣдушка Петръ былъ, тотъ бы господъ позабавилъ; тотъ бы и выпить не отсталъ и пѣсенку бы завелъ, даромъ что старикъ. А вотъ, братцы, какъ въ Хохлахъ, такъ тамъ пѣсни совсѣмъ неэки, что у насъ. Вотъ нѣтъ дѣдушки Петра, вотъ бы мы съ нимъ.....

Это имя дѣдушки Петра уже поминалось не первый разъ. Между сторонними посѣтителями зимницы былъ и его сынъ, который также отказался отъ предлагаемой чарки, и промолвилъ:

— Вотъ кабы батюшка былъ, онъ бы выпилъ, ужъ и съ вами бы побаялъ.

— Ужъ бы, братъ, дѣдушка Петръ, ужъ тотъ бы, братъ,

выпилъ и господъ бы уважилъ! подтвердило нѣсколько голосовъ.

Надо полагать, что этотъ дѣдушка Петръ старикъ веселый, говорунъ и баляснигъ и человѣкъ видно бывалый. Гдѣ же онъ?

— А онъ ушелъ на лыжахъ верстъ за семь проминать дорогу черезъ болото. Гдѣ болото худо промерзло и только сверху застыло, такъ тамъ дѣдушка будетъ прорубать, чтобы болото глубже замерзло и дорога для возки бревенъ сдѣлалась удобна. Тамъ есть старая брошенная зимница; онъ и ночуетъ въ ней одинъ одинешенекъ.

— Видно, этотъ дѣдушка не только ласы точить, а и работать мастеръ?

— И, да онъ за троихъ молодыхъ сработаетъ, даромъ что старъ, — подтвердило нѣсколько голосовъ.

Жаль, что не привелось мнѣ видѣть дѣдушки Петра.

— Скажи, пожалуйста, — обратился я къ своему собесѣднику: — зачѣмъ вы строите такія дымныя, грязныя зимницы? не лучше бы построить избушку съ печью?

— Нѣтъ, изба съ печью будетъ несподручна. Вѣдь цѣлый день мы въ лѣсу, зимница стоитъ пустая, настынетъ; прїѣдешь, переязбнешь, печку надо растапливать, когда еще растопится, закроешь ее, днемъ-то изба настыла, сырость пойдетъ да угаръ. А тутъ прїѣхалъ: огонь запалилъ, зимница-то мигомъ нагрѣется, и самъ вокругъ огонька-то обогрѣешься и одѣжа просохнетъ, ни сырости, ни угару нѣтъ, — важно. Опять цѣлую ночь около огонька лежишь; къ лошадямъ ли сходить, сейчасъ огонь есть; уѣдешь утромъ-то, загребешь уголья, ночью прїѣхалъ, еще огонекъ-отъ все держится, только разгреби да вздуй. А избу—нѣтъ, никакъ невозможно по нашей работѣ.

— Развѣ вы цѣлый день не прїѣзжаете въ зимницу?

— А какъ же, цѣлый день въ лѣсу. Вотъ утромъ всталъ, пообѣдалъ да и на работу, вечеромъ прїѣхалъ, — ужинъ.

— А днемъ ничего и не ѣдите?

— Да когда ѣсть-то? Нѣтъ, не ѣдимъ.

— И хлѣба не берете съ собой?

— Нѣту. Да какъ его брать-то? морозы-то пойдуть, замерзнетъ такъ, что и не угрызешь.

— Что же вы ѣдите?

— Что? хлѣбъ, щи варимъ, когда съ забѣлой; молоко хлебаемъ, коли есть; ну, кашу когда.

— А вотъ теперь, въ постъ?

— А вотъ посмотри ужю, станемъ обѣдать. Что въ постъ-отъ? хлѣбъ, да горохъ варимъ, когда кашицу съ грибами, болотники у насъ прозываются; да, правда, рѣдко же кашу-то, все больше горохъ хлѣбаемъ.

Между тѣмъ кое-кого изъ нашего общества уже сталъ одолевать сонъ; спутники мои, пригрѣтые огонькомъ, давно уже храпѣли; изъ числа четырехъ пѣсенниковъ осталось только двое на сценѣ, и тѣ, кажется, допѣвали послѣднюю пѣсню, покачиваясь и съ полузакрытыми глазами. Я видѣлъ, что во снѣ нуждался и мой собесѣдникъ, и посовѣстился долѣе отрывать его отъ этого не послѣдняго блаженства для работающаго человѣка, да и мои глаза какъ-то тяжело смотрѣли на свѣтъ. Устроившись, какъ могъ, удобнѣе на нарахъ, я думалъ уснуть, но напрасно: и пѣсенники утихли, и долѣе всѣхъ бодрствовавшій ратникъ умолялъ, съ послѣднимъ воспоминаніемъ о Хохлахъ уткнулся головой въ стѣну и захрапѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ, и всѣ спали кругомъ, и меня сильно клонило ко сну, но явились тысячи новыхъ и такихъ дозучныхъ собесѣдниковъ, что сонъ бѣжалъ отъ глазъ, какъ я ни призывалъ его.

Съ завистью посматривая на сладко спящихъ сосѣдей, съ мучительной головной болью, развлекая себя лишъ подкладываніемъ дровъ въ теплину да наблюденіемъ за струями дыма, вившагося подъ потолкомъ, провелъ я эту безпокойную ночь, и когда часы показали пять, разбудилъ старика, и заботливо предупредилъ его, что скоро будетъ свѣтать, и я полагаю, что имъ пора готовить себѣ обѣдъ. Къ моему величайшему удовольствію, старикъ со мной согласился, разбудилъ сына и работника и самъ сталъ обуваться. Ра-

ботникъ сначала съ зажженой лучиной сходилъ задать кор-
му лошадямъ, потомъ сплеснулъ себѣ водою лицо и руки, —
послѣ чего они показались мнѣ еще грязнѣе, — перекре-
стился на маленькій мѣдный образокъ, висѣвшій у входа,
снялъ одинъ изъ котелковъ, налилъ въ него воды, всыпалъ
гороху, покрылъ крышкою и, прицѣпивши деревяннымъ
крюкомъ къ жерди, повѣсилъ его надъ огнемъ. Затѣмъ
онъ взялъ другой котелъ и началъ класть въ него что-то
изъ мѣшка.

— Что это такое? спросили мы у него.

— Гуньба.

— Что?

— Гуньба, земляная рѣпа.

— Что за земляная рѣпа? покажи-ка братъ.

Оказалось, что это былъ просто картофель. Работникъ
залилъ его водою и поставилъ къ огню варить. Далѣе я
видѣлъ, какъ онъ досталъ валяющуюся гдѣ-то мутовку и,
поплевавши на ладони, началъ ею мѣшать горохъ. Пока и
то и другое кушанье варилось, одинъ за другимъ поднялись
со сна и прочіе работники.

Проснулся и нашъ ратникъ, но уже угрюмый и молчали-
вый.... Когда варево было готово, хозяева усѣлись вокругъ
котла и принялись обѣдать; сначала ѣли горохъ, потомъ
вареный картофель съ хлѣбомъ и солью. Старикъ ѣлъ съ
большимъ аппетитомъ, не смотря на свою худобу, и я го-
товъ былъ повѣрить, что онъ точно больше всего на свѣтѣ
любитъ хлѣбъ. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ артели; хотя
работникъ, забиравшій у хозяина деньги впередъ, и живетъ
въ его зимницѣ, но пищу каждый приготовляетъ себѣ от-
дѣльно. Пообѣдавши, всѣ, по приказанію старика, стали
запрягать лошадей, и чуть стало свѣтать, уѣхали въ лѣсъ
на работу. Зимницы никогда не запираются и не было при-
мѣра, чтобы изъ нихъ что-нибудь пропало: правда, не на
что и покорыститься. Мы тоже собрались въ обратный
путь. Не далеко отъ зимницы встрѣтили нашихъ знако-
мцевъ и приостановились, чтобы попрощаться съ ними. Лица

у всѣхъ такъ были грязны и закопѣлы, какъ у угольщикова, но и при дневномъ свѣтѣ я не замѣтилъ ни на одномъ сердитаго или недовольнаго выраженія: всѣ смотрѣли добродушно, весело и привѣтливо. Сердитый и брюзгливый вчера старикъ здѣсь, въ лѣсу, оказался весельчакомъ и говоруномъ.

— Будете проѣзжать нашей-то деревней, заѣзжайте опять къ намъ, — сказала старикъ: — да слушай, баринъ, — прибавилъ вчерашній ненавистникъ женщинъ, приклонясь ко мнѣ съ лукавой улыбкой: — пугни старуху-то мою; скажи, что молъ и меня и сына подъ судъ отдашь. Ничего, пошуты, молви. Пусть ихъ думаютъ, что будетъ.

Онъ вызвался даже проводить насъ и указать кратчайшій путь. Дорогой болталъ безъ умолку: видно было, что лѣсъ, въ которомъ старикъ провелъ всю свою жизнь, веселилъ и оживлялъ его. Онъ рассказывалъ про своего дѣдушку, который нѣсколько лѣтъ провелъ отшельникомъ въ этомъ самомъ лѣсу, и умеръ на стосороковомъ году; указывалъ и мѣсто, гдѣ была хижина старца.

Какъ видно, пустынный былъ зараженъ расколомъ, потому что полиція сильно его преслѣдовала; его брали и представляли къ архіерею, но старецъ такъ былъ хилъ и изнуренъ годами, постомъ и молитвами, что архіерей, по словамъ раскащика, ужаснулся; думалъ, что къ нему привезли мертвое тѣло и велѣлъ отпустить его.

Замѣтя мое любопытство, съ которымъ я обо всемъ разспрашивалъ, старикъ обратилъ мое вниманіе на бревна, связанные въ плотъ. Плоты здѣсь собираются небольшіе, для удобства сплава по извилистому, не широкому Кѣрженцу. Берутся двѣ длинныя слѣги или толстыя жерди, поперекъ ихъ накатываютъ рядъ бревенъ, потомъ сверхъ этого ряда противъ каждой нижней длинной слѣги накладываютъ по двѣ короткихъ, но такой мѣры, чтобы концы ихъ, покрывая весь рядъ бревенъ, сходились вмѣстѣ; затѣмъ сначала связываютъ деревянными кольцами внѣшніе концы нижней и двухъ верхнихъ слѣгъ, а потомъ крѣпко стяги-

ваютъ между собою внутренніе концы каждаго двухъ верхнихъ слѣговъ,—плоть готовъ.

Кольца вьются изъ молодыхъ березокъ довольно оригинальнымъ образомъ. Березку около дюйма толщиною распариваютъ на огнѣ и, когда она дойдетъ до известной степени гибкости, тогда ее еще горячую одинъ беретъ въ руки за тонкій конецъ и крѣпко держитъ, а другой за толстый и закручиваетъ около перваго. Такимъ образомъ березка получаетъ такую гибкость, что послѣ того легко свивается въ кольцо. Ко вскрытію воды всѣ вырубленные бревна уже свезены къ рѣкѣ и связаны въ плоты. Полая вода поднимаетъ ихъ и уноситъ по теченію.

Когда ни одного плота не осталось уже на мѣстѣ, тогда рабочіе изъ сухоподстойныхъ деревъ сплачиваютъ особенный плотъ, называемый харчевымъ, и на немъ отправляются вслѣдъ за уплывшими для того, чтобы сопровождать ихъ до самой пристани: столкнутъ съ мѣста, если плотъ остановился, вновь собрать и связать, если какимъ-нибудь образомъ разобьется. Въ этомъ путешествіи тоже не мало труда и лешеній. Часто надо бываетъ лѣзть въ холодную висенную воду, чтобы столкнутъ плотъ съ мели; нерѣдко надо употреблять въ дѣло воротъ или ходить на трубку, какъ выражаются лѣсопромышленники, если плотъ такъ крѣпко засѣлъ въ береговой песокъ, что его нельзя стащить никакимъ другимъ способомъ. Въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ такимъ образомъ: вьрываютъ на берегу въ землю перпендикулярно освобожденное отъ сучьевъ бревно, на которое надѣваютъ нарочно приготовленную трубку, сдѣланную также изъ дерева, сердцевина котораго вынута; потомъ весь плотъ обвязываютъ канатомъ, одинъ конецъ этого каната привязываютъ къ толстому рычагу, посредствомъ котораго и начинаютъ завивать канатъ около трубки. Этотъ-то способъ и называется ходить на трубку. Путешествіе на харчевомъ плотѣ продолжается нѣсколько недѣль, и потому рабочіе на все это время запасаются провизіей. На немъ устраивается шалашъ и постоянно го-

рить теплина. На ходу онъ ничѣмъ не управляется и плыветъ по произволу воды; употребляются лишь одни шесты для того, чтобы оттолкнуться отъ берега или пристать къ нему.

Такъ живетъ лѣсной дикарь въ суровой и вѣчной нуждѣ и тяжелой, мало вознаграждаемой работѣ! И знать, очень тажекъ его трудъ и велика забота о насущномъ хлѣбѣ, что, не смотря на постоянную жизнь среди природы, такъ располагающую къ мистицизму, воображеніе его спитъ крѣпкимъ сномъ; здѣсь нѣтъ никакихъ повѣрій, по крайней мѣрѣ, я не могъ добиться ни отъ кого никакого представленія даже о лѣшемъ. Нельзя полагать, чтобы народъ, живущій въ лѣсной глуши, былъ чуждъ суевѣрія и языческихъ преданій; но ему некогда думать о такихъ вещахъ, нѣтъ досуга для воображенія. Зато нужда развиваетъ корыстные желанія, и здѣсь сильная вѣра въ клады; изъ устъ въ уста переходятъ рассказы, изъ рукъ въ руки какіе-то списки, въ которыхъ указываются примѣты для отысканія клада; здѣсь много крестьянъ, у которыхъ кладоисканіе превратилось въ какую-то болѣзнь.

19. Офени.

Проѣзжая по большимъ и проселочнымъ дорогамъ Россіи, вамъ, я думаю, не разъ пришлось встрѣтить неутомимыхъ ходаковъ съ большими черными коробами, привязанными крѣпкими ремнями къ ихъ выносливымъ спинамъ. При видѣ этихъ коробейщиковъ невольно возникали въ головѣ вашей вопросы: что это за люди? Отчего встрѣчаешь въ нихъ повсюду все тотъ же типъ малорослаго человѣка съ хитрымъ, осторожнымъ взглядомъ, маленькіе глазки котораго такъ пытливо на васъ устремляются, точно сразу хотятъ опредѣлить, что вы за человѣкъ и какъ надо съ вами обращаться.

И не съ одними коробами встрѣчали вы ихъ: часто сильная лошадь везетъ, около своего хозяина, цѣлую лавочку

товара, нагруженнаго на телѣгу и тщательно прикрытаго клеенкой или кожей.

И человекъ, и лошадь, и телѣга, все это знакомо, все это носить одинъ, давно вамъ извѣстный отпечатокъ.

Откуда эти люди, появляющіеся во всѣхъ концахъ Россіи, начиная нашими внутренними губерніями и кончая Сибирью и Кавказомъ,—эти вѣчные жида Россіи, никогда, кажется, не отдыхающіе?

Осенью вы ихъ встрѣтите по деревнямъ заманчиво развѣртывающихъ свой товаръ передъ сотнями мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ глазъ. И чего только у нихъ нѣтъ! Вы найдете и ситецъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и синеватый каленкоръ, и желтый миткаль, и множество пестрыхъ разной величины платковъ, а мелочей и не перечеть! Вотъ, молодая бабенка, съ раскраснѣвшими щеками, примѣряетъ цѣлую связку красныхъ, какъ ея щеки, бусъ. Дѣвушка скромно торгуетъ какую-то яркую ленту и серьги, темнозеленыя стекла которыхъ блестятъ изумрудомъ на солнцѣ. Деревенскій модникъ роется между книгъ и останавливается на заманчивомъ разсказѣ: *Гуакъ или непреборимая впрямость*; а сосѣдь его, бойкій парень, выбираетъ себѣ гармонику, мастерски что-то на ней наигрываетъ. Бабушка, вся сторбленная, пробирается во второй рядъ обступившихъ разнощика крестьянъ и, черезъ плечо какой-то худенькой дѣвчонки, подаетъ торговцу мотокъ грубыхъ нитокъ, прося вымѣнять на него образъ Козьмы-Безсребренника, рассказывая при этомъ старческимъ хриплымъ голосомъ, что она дала угоднику обѣщаніе вымѣнять его на свою пряжу. Никто разумѣется не слушаетъ старуху; всѣхъ болѣе занимаетъ зажиточный крестьянинъ, торгующій шелковый поясъ.

— Такъ по рукамъ, что-ль? говорить твердымъ, самоувереннымъ голосомъ крестьянинъ.

— Хоть еще полтинникъ прикиньте, — отвѣчаетъ кланяясь торговецъ: — вотъ те Христокъ, четвертакъ и наживаю!

— Полно, полно, борода, чай рубликъ лишній съ меня тянешь.

— По рублику бы брали, не такъ бы торговали,—замѣчаетъ, смѣясь и лукаво щурясь продавецъ.

— Ну чтожь, берешь аль нѣтъ?

— Не могу; себѣ въ убытокъ.

— Хоть грѣхъ пополамъ, четвертакъ еще накинѹ и слитки мои,—продолжалъ крестьянинъ, не выпуская изъ рукъ кушака.

— Чего лѣзете,—кричитъ онъ сердито на мальчишекъ. Но тѣ все-таки протискались и выются у росписныхъ пряниковъ и пробуютъ свистульки въ видѣ невиданныхъ птицъ, небывалыхъ звѣрей и двуногихъ коней. Баба среднихъ лѣтъ, толкая ихъ локтемъ, уноситъ росписную, лоснящуюся олифой, деревянную миску и платокъ съ синими разводами по черному полю; все это куплено ею вмѣстѣ съ пряникомъ, надъ которымъ работаютъ беззубыя десны ея груднаго ребенка.

— А ложекъ, тетка, не берешь? спрашиваетъ торговецъ, переводя свои хитрые глаза съ богатаго покупателя на удаляющуюся.

— Не беру,—отвѣчаетъ степенно баба, отступая во второй рядъ.

— Ну, кстати, всѣ за гривенникъ хошь?

— Больше четырехъ семитокъ не дамъ,—все также серьезно говорить баба.

— Эхъ тетка! Скупенька ты больно, да ну ужъ такъ и быть, давай свои четыре семитки.

Баба останавливается и подаетъ четыре крупныя двухкопеечныя монеты, которыя скоро исчезаютъ въ прочной старой кожанной кошнѣ торговца, вмѣстѣ со многими другими рублями и гривениками, долго наживаемыми крестьянами и бережно ими припрятанными на этотъ случай. Словомъ, торгъ идетъ на славу, товару для всѣхъ и про всѣхъ.

И подымается опять вопросъ: откуда это разнообразіе товара, эти размалеванныя лубочныя картины, изображаю-

щія Бобылинъ, греческихъ героинь, на ряду съ Паскевичами, Ермоловыми и мученіями грѣшниковъ въ аду? Эта росписная посуда подлѣ конфетъ съ затѣйливыми билетиками? Эта груда тесемокъ и колець на ряду съ кипами образовъ, тщательно завернутыхъ? Гдѣ, какъ и на какія деньги покупается все это?

Спросите вы малороссіянина, что это за торговецъ? Онъ назоветъ вамъ его варягомъ. Бѣлорусь—маякомъ. На сѣверо-востокѣ Россіи они слывутъ подъ именемъ торгованныхъ, въ Сибири—суздаловъ, на Кавказѣ—взяниковцевъ. Сами себя они называютъ мазыками или мясыками. Общепотребительное же ихъ названіе *офени или ходебщики*. Откуда явилось у насъ названіе «офени»—сказать довольно трудно. Тихонравовъ приводитъ для объясненія его слѣдующія три толкованія, существующія у самихъ офеней. «Офени говорятъ, во первыхъ, что гдѣ ихъ соберется двое или трое, они называютъ себя мясыками, а мясыки были народъ, кочевавшій по Волгѣ. (Дѣйствительно въ IX вѣкѣ кочеваль по Волгѣ народъ Яссы или Ясыки,) отъ котораго они будто и заимствовали свое названіе и языкъ свой. Другое преданіе говоритъ, что торговцы венгры, изъ города Офена, первые стали называться здѣсь офенями, а потомъ это названіе перешло и къ мѣстнымъ ходебщикамъ. По третьему преданію, названіе офеней производится отъ того, что греки, начавъ вести въ значительномъ размѣрѣ торговлю съ Русью, явились сюда въ видѣ переселенцевъ изъ Аѳинъ, и потому назывались Аѳенями, *Аѳиней* или по здѣшнему, мѣстному произношенію офенями. И дѣйствительно, въ XV стол. было большое переселеніе грековъ, между прочимъ и къ намъ на Русь, и названіе Аѳинянъ или офеней могло перейти отъ нихъ къ здѣшнимъ ходебщикамъ, имѣвшимъ съ ними торговыя сношенія; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и донинѣ въ искусственномъ офенскомъ языкѣ много словъ, взятыхъ прямо съ греческаго.»

Родомъ всѣ офени изъ Владимірской губерніи и большею частью бывшіе оброчные помѣщичьи крестьяне; но, чрезъ

свой промыселъ, они совершенно отдѣлились отъ крестьянъ и получили своеобразный типъ, манеру, языкъ и одежду. Последняя особенно отличается отъ крестьянской и напоминаетъ скорѣе одежду нашихъ бывшихъ дворовыхъ людей: черный сюртукъ старомоднаго покроя, такой же жилетъ съ блестящими металлическими или стеклянными пуговицами, черныя брюки и фуражка составляютъ нарядъ офена. Все это хорошо прилажено, надѣто аккуратно, систематически, такъ что, разъ взглянувъ на этого чернаго небольшого человѣчка, вы почувствуете, что, встрѣтивъ его черезъ нѣсколько лѣтъ, вы не найдете въ его внѣшности почти никакой переменны, вы сознаетесь, что онъ вполне доволенъ своимъ костюмомъ и не желаетъ измѣнять его. Та же аккуратность и нѣмецкое тупое самодовольство проглядываютъ и во всей его обстановкѣ. Проѣзжая Ковровскимъ, Вязниковскимъ и Шуйскимъ уѣздами Владимірской губерніи, уѣздами, исключительно наполненными селеніями офеней, вы встрѣтите множество домовъ, рѣдко отдѣляющихся своей постройкой отъ избъ нашихъ деревень. Эти чистенькіе домики напоминаютъ прежніе, деревенскіе помѣщичьи дома съ мезонинами. На нихъ вы найдете разныя вычурныя украшенія, въ родѣ оленьихъ роговъ, самой рѣдкой породы. На окнахъ встрѣтите миткальныя занавѣски и герань, промежъ двойныхъ рамъ разныя сухіе травы и цвѣточки. Это дома офеней. Въ этомъ уютномъ, опрятно выкрашенномъ домикѣ, плотно замкнутомъ, какъ и его хозяинъ, пришедшій на побывку, офеня чувствуетъ себя вполне хозяиномъ послѣ долгаго удачнаго или неудачнаго странствованія. Тутъ онъ можетъ надѣть свой любимый пестрый, восточнаго покроя, халатъ на ватъ и помыкать работниками и женою, разряженной въ доставленныя имъ обновы. Одѣваетъ онъ жену не въ сарафанъ, а въ платье, ситцевое, шерстяное, а иногда шелковое, и въ большой шалевоу (шерстяной) или бумажный платокъ съ пестрыми узорами. Женщины и дѣвушки надѣваютъ этотъ платокъ на голову, распуская концы его до пояса. Вообще нарядъ офенскихъ женъ

щинъ, какъ и онѣ сами, не отличается красотой. Жены и дочери офеней, по большей части, такъ же малорослы, какъ и сами офени, вертлявы и утратили совершенно типъ нашихъ дородныхъ красавицъ: нѣтъ у нихъ тоже и той статности и плавности, которыя встрѣчаешь въ другихъ деревняхъ. Самыя красивыя изъ нихъ могутъ быть названы только миловидными и больше подходятъ къ типу нашихъ мѣщанокъ. Какъ пользуется офеня своей побывкой—виднѣе всего изъ описанія г. Безобразова, которое мы и приведемъ цѣликомъ: «По дорогѣ (изъ Вязниковъ до Метеры) большею частью встрѣчаешь торгашей-ходебщиковъ, попарно съ ихъ женами. Эти, вездѣ разсѣянные по тропинкамъ и полямъ, парочки, предающіяся мирному удовольствію прогулки и погруженные въ тихую, интимную бесѣду, пріятно поражаютъ глазъ и порадовали бы насъ мыслию о тихомъ счастьѣ семейной жизни, которое вкушаетъ все это народонаселеніе, если бы такая идиллія не разлеталась мечтою при мысли, что всѣ эти домашнія радости озаряютъ офеню въ теченіе 2 и 6 недѣль, послѣ одиночнаго скитанія въ теченіе цѣлаго года, часто двухъ, трехъ, пяти лѣтъ. Это не семейная жизнь, а побывка на дому посреди вѣчнаго шатанья и холостой жизни. Не столько своей семьей, сколько побывкой наслаждается офеня. Протерпѣвъ всякія невзгоды и лишенія, вездѣ ежась и изгибаясь, онъ здѣсь самъ себѣ хозяинъ. Отраднo чувствовать себя хозяиномъ, быть у себя дома, имѣть кому приказать, передъ кѣмъ похвастаться, кого удостоить своей компаніи, наконецъ, имѣть минуты покоя, въ которыя нѣтъ обязанности напрягать всѣ свои умственные силы на плутни или на защиту отъ чужихъ плутней,—эта отрада велика для человѣка, котораго вся жизнь есть скитаніе по чужимъ домамъ и дорогамъ, пролѣзаніе во всякія щели, выпрашиваніе товара и кредита, натираніе себѣ всякихъ мозолей, физическихъ и нравственныхъ. И надо видѣть, съ какою нѣгой предается офеня наслажденію побывки. Ему важно не то, что у него есть жена, а то, что можно ее показать; и вотъ онъ наряжаетъ

и чинно выходить съ нею на показъ. Чрезвычайно забавляли меня рассказы ямщиковъ, какъ хвастливы офени, когда они возвращаются домой съ дальней стороны. Иногда нѣсколько тысячъ верстъ пройдетъ офени пѣшкомъ, а къ самому дому надо непременно подѣхать на лошадахъ. Бдутъ офени на парѣ, вдали отъ деревень хотъ и шагомъ, а въ деревню надо всегда вѣхать вскачь, пофорсистѣ; передъ вѣздомъ въ деревню часто стрѣляютъ изъ своихъ ружей, чтобы вѣздъ былъ великолѣпнѣе.»

Домой офени возвращаются, начиная съ мая мѣсяца, для того, чтобы запастись новыми товарами на холуйскихъ и другихъ ярмаркахъ, начинающихся во Владимірской губернии 9-го мая (ярмарка въ селѣ Пунгахъ, Шуйскаго уѣзда;) но большая часть изъ нихъ является только въ юнѣ, къ Тихвинской ярмаркѣ (26 юня, въ селѣ Холуѣ.) Это одна изъ самыхъ значительныхъ холуйскихъ ярмарокъ, на которую, кромѣ шуйскихъ, ивановскихъ и александровскихъ купцовъ, съѣзжается много и московскихъ. Вообще на холуйскихъ ярмаркахъ (4 раза въ году) офени преимущественно запасаются своимъ разнообразнымъ товаромъ; эти ярмарки составляютъ средоточіе офенскаго народонаселенія, и офени являются на нихъ главными покупателями. Холуй есть ничто иное, какъ небольшая слобода Вязниковскаго уѣзда (въ 4 верстахъ отъ Шуи,) красиво расположившаяся по обоимъ берегамъ рѣки Тезы (въ 6 верстахъ отъ впаденія Тезы въ Клязьму.) Имѣетъ она характеръ, общій всѣмъ нашимъ торговымъ селеніямъ: избы замѣнены въ ней двухъ-этажными, деревянными домами на манеръ постоянныхъ дворовъ, съ свѣтелками, мезонинами и пристройками. Ярмарки помѣщаются въ деревянномъ, хорошо устроенномъ гостиномъ дворѣ, 14 корпусовъ котораго заключаютъ въ себѣ болѣе четырехъ-сотъ лавокъ. Одну часть народонаселенія слободы составляютъ временно-обязанные, другую — казенные крестьяне. Но тѣ и другіе носятъ только названіе крестьянъ; никто изъ нихъ не занимается земледѣліемъ, а всѣ отъ мала до велика иконописцы и снаб-

жають офеней невѣроятнымъ количествомъ образцовъ, дешевизна которыхъ превосходить всякое вѣроятіе: за сотню иконъ въ 8 вершковъ величиною офеня платитъ только 2 рубля.

Торгъ на холуйскихъ ярмаркахъ идетъ преимущественно оптомъ, то есть продають офенямъ цѣлые куски миткалей, ситцевъ, шерстяной и шелковой матеріи (послѣднія появляются преимущественно на Тихвинской ярмаркѣ.) Въ Холуй привозятъ московскіе купцы, средней руки, всѣ залежавшіеся въ московскихъ лавкахъ товары: сукна, плисъ, шерстяныя и шелковыя ткани, а вмѣстѣ съ ними и разныя мелочи: серьги, кольца, пуговицы, гребенки, помаду, духи, перчатки, мыло отъ угрей и загару и тому подобное. Они же сюда доставляютъ чай и сахаръ, и снабжаютъ офеней безсмертными твореніями въ родѣ Милордъ Георгъ Англійскій, Битва русскихъ съ кабардинцами, Гуакъ, Анекдоты о Балакиревѣ, и разными другими не менѣе заманчивыми для народа книгами, которыя продаются тутъ десятками или на вѣсь вмѣстѣ съ пачками и стопами лубочныхъ картинъ, разнообразіемъ своихъ сюжетовъ, превосходящихъ всякое описаніе. Тутъ же шуйскіе и ивановскіе купцы снабжаютъ офеней всевозможными тканями, начиная съ запарныхъ, смывныхъ ситцевъ по 4¹/₂ коп. за аршинъ и до тонкихъ ситцевъ, доходящихъ до 28 коп. за аршинъ.

Деревянные издѣлія составляютъ также не маловажный предметъ торговли ярмарокъ. Г. Лядовъ говоритъ, что Холуй есть едва-ли не единственное мѣсто въ Россіи, куда привозится такое громадное количество деревянной посуды. Дѣлается эта посуда за рѣками Волгой и Бѣлой и доставляется сначала въ село Пурехъ (Нижегородской губерніи) и въ другія близъ него лежащія деревни, тамъ красится, олифится и уже совсѣмъ готовая появляется въ Холуѣ.

Мы уже говорили, что здѣсь же продается громадное количество иконъ суздальской живописи, надъ которыми работаютъ цѣлыя селенія Вязниковскаго уѣзда: Холуй, Метера и Палеха.

Немало доставляется и телѣгъ на ярмарки, потому что ходебщикъ, накупивъ или набравъ въ домъ разнаго товара, покупаетъ и новую подъ него повозку.

Большая часть офеней не имѣетъ собственнаго капитала, а забираетъ товары въ долгъ у купцовъ и фабрикантовъ, довѣріе которыхъ успѣли заслужить вѣрнымъ выплачиваніемъ капитала вмѣстѣ съ условленными процентами. Проценты эти составляютъ тайну ихъ торговли; если кто изъ непосвященныхъ спроситъ, какъ велики они бываютъ, ему отвѣтятъ: «Объ этомъ только душа берущаго, да дающаго знаетъ!»

Есть капиталисты, которые деньгами снабжаютъ мелкихъ офеней, такъ называемыхъ хозяйчиковъ, и тѣ ужъ на наличныя деньги закупаютъ нужный для нихъ товаръ. Все это дѣлается на совѣсть, по простымъ роспискамъ и записямъ. Возвращаясь на родину за новымъ товаромъ, торговецъ расплачивается съ ссудившимъ его купцомъ и набираетъ вновь у него товаровъ въ кредитъ на большую противъ прежняго сумму. Случается нерѣдко, что торговецъ, занявшій нѣсколько тысячъ, по возвращеніи объявляетъ себя несостоятельнымъ и платитъ купцу 15 коп. за рубль. Но купцы осторожны и никогда не даютъ офеню, начинающему только торговать, большой суммы денегъ, и обыкновенно снабжаютъ его плохимъ товаромъ, ставя его въ счетъ вдвое противъ стоимости. Желая заслужить довѣріе купцовъ, офеня всегда вѣрно расплачивается первые годы, и со всякимъ годомъ купецъ увеличиваетъ сумму довѣряемаго капитала, а доставляемые ему барыши обыкновенно такъ велики, что въ нѣсколько лѣтъ покрываютъ даваемый капиталъ, такъ что купецъ, при самомъ дурномъ окончаніи сдѣлки, теряетъ только проценты и то не всѣ. Есть хозяева, которые нанимаютъ отъ себя прикащиковъ и поручаютъ имъ свои товары для развоза и продажи по разнымъ губерніямъ. По возвращеніи домой, прикащики даютъ отчетъ въ своей торговлѣ, послѣ чего получаютъ слѣдующее имъ жалованье. Хорошо торговавшимъ хозяинъ обыкновенно

но увеличивает жалованье или дѣлает ихъ счетчиками. День расчета у офеней называется *дуваномъ*. Если прикащики привезли хорошіе барыши хозяину, то онъ устраиваетъ имъ угощеніе, причемъ идетъ попойка съ пѣснями и катаньемъ и продолжается сутокъ двое и болѣе.

Въ прежнее время не только весь товаръ отпускался ходибщику въ кредитъ, но часто фабрикантъ прибавлялъ еще къ нему незначительную сумму наличныхъ денегъ, давая этимъ возможность торговать совершенно бѣднымъ людямъ. Но теперь купцы стали меньше довѣрять подобнымъ сдѣлкамъ и неохотно отпускаютъ свой товаръ въ долгъ, вслѣдствіе чего офенство замѣтно падаетъ. Къ тому же многіе изъ офеней, составивъ себѣ большіе капиталы, приписываются къ мѣщанству. Говорятъ, что болѣе 500 офенскихъ семействъ выселились за послѣднее время изъ Вязниковскаго уѣзда, и многія изъ нихъ поселились въ Сибири.

Г. Безобразовъ приписываетъ слѣдующимъ причинамъ упадокъ офенской торговли:

«Развитіе правильныхъ путей и способовъ сообщенія, говоритъ онъ, развитіе мѣстной торговли въ отдаленныхъ краяхъ имперіи, по необходимости должны упразднить промыселъ торговцевъ-ходибщиковъ, основанный на непостоянствѣ и невѣрности общественныхъ условій торговли. Успѣхи промышленности стали требовать болѣе точныхъ и правильныхъ способовъ сбыта и болѣе опредѣленныхъ условій для коммерческихъ сдѣлокъ,—способовъ и условій, которыя бы болѣе поддавались точному расчету и заранѣе принятому плану, ибо безъ точности расчета и предначертаннаго плана операціи не можетъ обходиться современемъ по преимуществу механическая форма фабрикаціи. Лучшіе фабриканты теперь избѣгаютъ офеней; иные даже систематически не хотятъ имѣть съ ними никакого дѣла и предпочитаютъ имѣть постоянныхъ гуртовыхъ покупателей въ мѣстныхъ торговцахъ и пересылать имъ товаръ собственнымъ попеченіемъ. Кредитныя сдѣлки, преобладающія въ дѣлахъ съ

офенями, стали весьма невѣрны; онѣ вѣроятно и не были никогда вѣрны, но прежде легче отпускался товаръ на вѣру, безъ всякихъ документовъ, чѣмъ теперь: требованія торговли были иныя. Большая часть офеней не знаетъ грамоты; память и сноровка въ обращеніи, знакомство съ товаромъ замѣняютъ для нихъ всякіе письменные счета, книги и записки; но съ успѣхами просвѣщенія, едва ли будутъ въ состояніи безграмотные торговцы конкурировать съ грамотными, какъ ни изумительны фокусы памяти и наблюдательности, придуманные взамѣнъ письма.»

Да, желѣзныя дороги сдѣлали большой переворотъ въ нашей торговлѣ и привлекли постоянныхъ торговцевъ въ мѣста, менѣе всего ожидавшія подобнаго появленія. Легкость доставки товаровъ развила другую, болѣе серьезную торговлю, и теперь только въ какомъ-нибудь селѣ или деревнѣ, лежащей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ помѣщикъ съ ужасомъ подумываетъ о предстоящей ему повѣздкѣ въ уѣздный городъ, и его воображеніе рисуетъ вѣрную картину предстоящихъ ему мукъ въ видѣ непроѣзжаемыхъ мостовъ, рытвинъ, наполненныхъ грязной водою, — только въ мѣстахъ, гдѣ тридцать верстъ бываютъ памятиѣе всего пути отъ Петербурга до Москвы, ждутъ еще съ нетерпѣніемъ офеню съ неразлучнымъ его коробкомъ. Для подобныхъ мѣстъ онъ и теперь еще является какимъ-то добрымъ геніемъ, надѣляющимъ всякаго необходимымъ и даже прихотнымъ. Всѣ знаютъ, что офеня хитеръ и беретъ рубль на рубль и болѣе; но всѣмъ тоже извѣстно, что, не будь его, большая часть нашихъ помѣщицъ и теперь еще насидѣлись бы безъ снурковъ, иголокъ и тому подобныхъ всюду необходимыхъ вещей, горничныя не могли бы щеголять такъ часто новыми серьгами и ожерельями, купленными на подаренные гривенички, крестьянки не знали бы, кому сбыть свои нитки, холсты, ленъ, телятъ и тому подобное. Офеня, по русской пословицѣ: «Доброму вору—все въ пору,» беретъ все за полцѣны или мѣняетъ на товаръ, который ставитъ втрое противъ его стоимости. *«Не надуетъ, не*

продашь» обратилось въ девизъ ихъ; даже дѣти ихъ проинкнуты этимъ правиломъ, какъ это видно изъ разговора г. Максимова съ 12-ти лѣтнимъ бойкимъ сыномъ ходебщика, побывавшимъ уже съ отцомъ на торгу.

— Чай и ты плутовать будешь? спросилъ его г. Максимовъ.

— Нельзя безъ того, — отвѣчаетъ мальчикъ смѣло и безъ запинки.

— Какъ же такъ?

— Тятка научить: онъ это умѣетъ.

— Да вѣдь это нехорошо, грѣшно это дѣлать. — Мальчикъ посмотрѣлъ на меня во всѣ глаза, въ которыхъ такъ и свѣтились сомнѣнiе и невѣрiе въ слова мои.

— Надуваньями денегъ не наживаютъ; за надуванье въ тюрьму сажаютъ, въ Сибирь ссылаютъ.

— У тятки денегъ много; въ тюрьму садятъ за долги, слышь; а въ Сибирь посылаютъ, кто убьетъ кого.

— Отъ кого же ты узналъ все это?

— Всѣ сказываютъ. Я давно это знаю.

— Что же они говорятъ?

— Да говорятъ, что нельзя не обманывать, потому — народъ очень глупъ.

— Какой же народъ?

— Всякій. Пуще-то, слышь, всѣхъ барыни глупы очень: ихъ, сказываютъ, обманывать всѣхъ легче: надо-де только поддакивать всѣмъ имъ. Товары выкладывать имъ всѣ на показъ: безпремѣнно, сказываютъ, выберутъ тогда....

При такомъ пониманiи торговли не мудрено, что офенство падаетъ.

Чтобы легче можно было надувать покупателей, офени выдумали свой особенный языкъ, по большей части состоящій изъ замѣненiя одного русскаго слова другимъ. Г. Тихонравовъ находитъ, что въ этомъ искусственномъ языкѣ встрѣчается очень много греческихъ словъ; это, по его мнѣнiю, подтверждаетъ приводимое имъ мнѣнiе насчетъ

происхожденія офенской торговли отъ афинянь, появившихся торговцами въ Россіи въ XV столѣтіи.

Какъ офени относятся къ своему изобрѣтенію, можно видѣть изъ слѣдующаго разговора г. Максимова съ офеней-хозяйчикомъ:

— А что, дружище, говорятъ, у васъ языкъ есть свой какой-то: да я этому не вѣрю; на что онъ вамъ?

— Надо.

— Да врешь, вѣдь ты хвастаешься? «Вѣдь вотъ-моль, я и худъ человекъ, да два языка знаю.»

— Пиши, что я сказывать тебѣ стану. Напишешь — завтра любому мазыку покажи: въ одномъ словѣ фальшь сдѣлалъ—съ меня пара пива.

— Ладно, идетъ!

— А коли всѣ слова скажу—четверть водки съ тебя, и съ закуской!

— Идетъ, идетъ!

Нѣсколько сотенъ словъ записались въ тотъ же день.

— Дешево ты, другъ любезный, продалъ.

— Дорого ты, сердечный пріятель, купилъ.

— По писанному-то я скоро выучу всю науку.

— Попробуйка-ка, выучи! У меня на этомъ старуха, бабушка, зубы всѣ съѣла, а не выучилась: съ тѣмъ и померла.

— И не бабушка, у меня память молодая, здоровая.

— Да и на какой ты чортъ слова наши учить станешь?

— А чтобы вашъ же братъ не надувалъ потомъ.

— Не стоитъ же, паря, шкурка выдѣлки: и съ глазами надуютъ, не то съ языкомъ.

— Самъ торговать стану, офенствовать.

— Ну, такъ слушай слово мое: языкъ нашъ на работѣ самой только и въ память идетъ; безъ того слова наши что пузыри лопаются, забываешь.

Чтобы пояснить разницу между офеней — хозяйчикомъ, мелкотой и прикащиками крупныхъ хозяевъ, мы опять обратимся къ путевымъ запискамъ г. Максимова и приведемъ

то мѣсто, въ которомъ онъ описываетъ встрѣчу свою съ прикащикомъ, торгующимъ отъ хозяина. Прикащикъ этотъ прожилъ три года въ Оренбургской губерніи и идетъ домой на побывку. «Товарищъ мой, — говоритъ г. Максимовъ: — изумилъ меня своею юркостью, лихорадочною подвижностью, бойкими глазами, которые ни на одинъ моментъ не сосредоточивались на одномъ предметѣ; непрерывное движеніе рукъ и подергиваніе плечъ обличало привычку къ спѣшнымъ и торопливымъ работамъ.

— Стало быть, вы офеня? спрашиваетъ г. Максимовъ. Сердитый взглядъ и короткій отвѣтъ: — Мазыка.

— Съ коробкомъ ходите?

Опять медвѣжьи взгляды на меня и снова короткій отвѣтъ: — Съ коробами мелкота ходить; здѣшныя.

— А вы то какъ же?

— Мы въ лавкѣ сидимъ, а на ярмарки съ возами ѣздимъ.

— Извините: нечаянно, не думавши обидѣлъ васъ.

Офеня мой промолчалъ: видимо простилъ меня. И опять молчить, сосредоточенно покуривая трубочку и сплевывая. Хочется мнѣ опять приступить къ нему, растравить его на разговоръ; но съ какого конца? Боюсь — опять не разсердить бы его, не ухватить бы за живое мѣсто. Попробую.

— И долго вы пробудете дома?

— Сколько прогостится, сколько сможетъ.

— Да, вѣдь, хозяинъ, вѣроятно, на срокъ отпустилъ?

— Хозяинъ намъ въ этомъ дѣлѣ не указъ; мы на него больше зависимость кладемъ, чѣмъ онъ на насъ.

— Ну, да врешь-же, парень! перебилъ его нашъ ящикъ, давно уже прислушивавшійся къ нашему разговору. — Прогостишь-то ты, чай, до Макарьевской ярмарки, а тамъ тебѣ велѣно въ Нижній ѣхать, товары принять, да и везти ихъ на мѣсто, къ хозяину.»

Офеня нашъ упорно молчалъ: обидчивый такой, суровый. Спасибо ящикъ! думалось мнѣ — поддержалъ ты меня, вывелъ большое дѣло наружу. А кому и знать офенскіе обычаи, какъ не тебѣ: не первый же годъ ты, поди, съ ихнимъ

братомъ водишься, да и сосѣдъ такой ближній, можетъ быть, и самъ въ былыя поры, офенствовалъ.

Это, какъ видите, ужъ не тотъ простодушный офеня-хозяйчикъ, отъ котораго такъ легко было вывѣдать все нужное г. Максимову, это типъ офени, хорошо понявшаго свое ремесло со всѣми тайными его изгибами и лазейками и пожившаго себѣ за правило молчать обо всемъ этомъ. Офени, чуть было не засадившіе г. Максимова какъ бродягу злоумышленника, когда они поняли, что онъ дѣлаетъ изслѣдованія ихъ быта, стояли, какъ и этотъ прикащикъ, за секреты своего ремесла.

Побывку прикащиковъ крупныхъ хозяевъ г. Максимовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ.

«Тѣмъ же дешевымъ и легкимъ путемъ пѣшаго хожденія пришелъ я въ Ляндахъ (село Вязниковскаго же уѣзда,) но не могъ отыскать себѣ квартиры въ домѣ съ офенями: всѣ свѣтелки, отдѣльныя отъ хозяйскаго помѣщенія, построенныя обыкновенно надъ дворомъ и воротами, всѣ эти горницы заняты были гостями. Здѣсь гости эти, возвратившіеся домой послѣ долгой разлуки, да еще въ добавокъ, съ порядочными деньгами и подарками въ семью свою, гости эти жили и отдыхали отъ тоскливой, сосредоточенной, однообразной жизни крикащика на чужой сторонѣ. Въ рѣдкомъ домѣ, по этому случаю, не была сварена брага и пиво, въ рѣдкой избѣ, съ ранняго утра, не стоялъ угаръ отъ множества приготовляемыхъ кушаньевъ, и масляныхъ, и жирныхъ, рѣдкая деревня не наполнена была запахомъ жаренаго, отъ начальной околицы съ овинами до выѣздной околицы съ банями. Видимо, и хозяева были ради гостямъ, видимо, и сами гости не поскупились расположить хозяевъ въ собственную пользу. Загулъ и пьянство были всеобщіе, начиная отъ дряхлыхъ стариковъ и кончая ребятами — подростками 15 лѣтъ. Подчиванья и угощенья начинались съ ранняго утра, съ того времени, когда подавались хозяйками плавающіе въ маслѣ блины и оладьи; не переставали продолжаться они и въ то время, когда все это снималось

со стола, и заканчивались они обѣдомъ съ бараниной, поросятиной, лапшей и пирогами. Послѣ обѣда гости-офени обыкновенно спали и, подкрѣпившись силами, сходились вечеромъ у кабака или въ другой избѣ, и снова пили и пьянствовали до поздней ночи. Восемь дней я прожилъ между ними и во все это время только видѣлъ долгое, систематическое пьянство. Только раннимъ утромъ удавалось мнѣ разговаривать съ офенями о дѣлѣ; въ остальное время я слышалъ отъ нихъ нѣкоторыя откровенныя и загулисныя подробности, но въ рѣдкомъ и маломъ числѣ.»

Г. Безобразовъ говоритъ, что пьянствомъ Холуй превосходитъ всѣ другія села Вязниковскаго уѣзда, причемъ приводитъ одну изъ видѣнныхъ имъ сценъ, характеризующую вполне, до какого безобразія доводитъ это пьянство жителей этихъ торговыхъ селъ.

Намъ приходится еще указать на причину, заставившую жителей Ковровскаго, Вязниковскаго и отчасти Шуйскаго уѣздовъ обратиться исключительно къ офенству. Причина эта заключается въ скудной ихъ почвѣ: голый камень, песокъ и болото дѣлаютъ ее совершенно неспособной къ земледѣлю. Известковаго камня такъ много на поверхности земли, что она кажется совершенно бѣлою. Причину эту вполне сознаютъ и сами офени, какъ это видно изъ слѣдующаго разговора г. Максимова, шедшаго съ офеней изъ Вязниковъ въ Холуй.

— Все-то здѣсь песокъ, все-то одно Божье дерево, ни ржи не видать, ни ячменю: видно не сѣютъ ихъ?

— Не сѣютъ совсѣмъ почти.

— Да вотъ и болота пошли, на болотахъ озерки, что лужи расплылись, длинныя такія и рыбныя, думаю.

— Заводями зовемъ; а рыбы въ нихъ нѣтъ никакой.

— Много мѣстъ на Святой Руси видѣлъ я, а такихъ печальныхъ, такихъ горемычныхъ, Богомъ обиженныхъ не видывалъ.

— Наши мѣста еще хуже (офеня былъ изъ Ряполова.)

— Могутъ-ли быть хуже этихъ?

— А потому и могутъ, что у насъ все болота, все зыбуны, все заводи. Здѣсь хоть рѣка есть (Клязьма,) и хорошая рѣка, песокъ есть; а мы и тѣмъ обездолены.....

— Скучно же вамъ жить!

— Отчего нашъ народъ на чужую сторону весь потянулся, какъ вы думаете?

— Вы это лучше меня понимаете, вамъ и книги въ руки.

Офеня мой снисходительно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Оттого народъ и ходитъ въ чужіе люди, что дома жить нельзя: ничего ты съ нашей горемычной землей не подѣлаешь, хоть зубами ты ее борони, да слезами своими поливай. Такъ-то!

— Ну да, братъ, и повадка тутъ большую силу имѣеть, — вмѣшался ямщикъ. — Вѣдь и вы, что и другой кто — какъ бараны: одинъ потянулся, такъ и всѣ за нимъ шархнулись.

— Ярославцы въ московскихъ и петербургскихъ гостиницахъ живутъ половыми..... замѣтилъ я.

— Къ чему же ваша рѣчь клонится? спросилъ меня офеня, и въ вопросѣ его прозвучалъ тотъ же тонъ снисходительнаго вниманія и благосклонной, милостивой уступки, которымъ обыкновенно отличаются всѣ немногоснайки, но хвастуны и спорщики.

— А къ тому моя рѣчь клонится, что, если завелся половой изъ ярославцевъ и удалось этому половому сдѣлаться буфетчикомъ, то, ужъ скоро и навѣрное, весь трактиръ будетъ наполненъ ярославцами.

— Да ужъ ты, братъ офеня, что ни толкуй, а повадку вамъ эту, насчетъ дальней торговли, Синельниковъ да Дунаевы дали. До нихъ — сказывала старуха матушка — рѣдкій который изъ вашихъ офенствовалъ. У Дунаевыхъ, сказываютъ, офенскія артели десятковъ до двухъ доходили, и гдѣ-гдѣ работники ихніе не таскались! Потомъ, вѣдь ужъ васъ на мѣсто-то усадили, да велѣли къ городамъ приписывать и торговать тамъ, гдѣ указъ засталъ. Съ тѣмъ, братъ, и

получай! Малаго ребенка пришли — не обманемъ. Что вы до Дунаева сдѣлали, — продолжалъ ямщикъ, — коли бы онъ не указалъ на красные товары?

Офеня молчалъ.

— Ничего бы не сдѣлали, хотя и богомазы подлѣ васъ живутъ; иконами-то немного бы наторговали.

— Иконы мѣняютъ, а не продаютъ, — поправилъ офеня.

— Ну, да вѣдь на деньги же, братъ, мѣняютъ-то. А ты на словахъ-то меня не лови: знаю самъ, что знаю. А ты скажи мнѣ, отчего ты самъ-отъ торгуешь?

Офеня продолжалъ упорно молчать.

— Ну, такъ я скажу за тебя: торгуешь ты, чай оттого, что, поди, у тебя хозяинъ своякъ, братъ двоюродный, а можетъ и дядя родной. А что ужъ онъ изъ одной съ тобою деревни, такъ это братъ вѣрно мое слово, — сказалъ ямщикъ, кивая на меня.

— Отгадалъ! сказалъ офеня, снисходительно улыбаясь.

— Да ужъ мы это тебѣ, какъ по печатному вѣрно такъ!

Эта скудость почвы и малоземельность Владимірской губерніи сравнительно съ ея народонаселеніемъ заставили жителей (и всегда отличавшихся бойкимъ и промышленнымъ характеромъ) предаться исключительно одной, удобной для нихъ торговлѣ, *офенству*.

Ремесло нелегкое и требующее сильнаго здоровья и неутомимости. Какъ трудно дѣлать большіе переходы пѣшкомъ, испыталъ отчасти г. Максимовъ, когда шелъ на ярмарку съ добрякомъ офеней-хозяйчикомъ. «Мы шли на торжокъ: онъ съ коробкомъ за плечами; я — съ аршиномъ въ рукахъ. Памятны мнѣ и безутѣшная, тоскливая мѣстность, по которой мы шли; пыльная дорога, въ деревняхъ, ломанныя гати, прорѣзывающія дорогу по болотамъ; ржавыя болота, эти топкія—сырыя даже и въ то время, когда два почти мѣсяца стояли жары невыносимыя, породившія значительное число лѣсныхъ пожаровъ за Волгой и по Волгѣ. Длинные заводы по этимъ болотамъ, заводы, которые то кажутся рѣшительнымъ озеромъ, то, безъ всякой видимой

причины, узятся въ рѣку, иногда въ ручеекъ, который соединяетъ одну заводь съ другою и такъ, какъ будетъ въ безконечность. Тамъ, гдѣ заводь уже, встрѣчали мы мостикъ, утлый и трусячій (и ѣздятъ по немъ, да мало — и то храбрецы;) за мостомъ находили мы опять изрытую, крѣпко подержанную гать съ погнившими бревнами, съ кое-какъ умятымъ и приложеннымъ валежникомъ. Выходили въ ложбину, сухую и душистую отъ недавно-скошеннаго сѣна; тащились въ гору, по большей части, глинистую и невысокую, на которой думалъ я встрѣтить родную рожь съ васильками, ямень, пшеницу; но встрѣчалъ только плохо-принявшіеся кустарники, словно послѣ сильнаго лѣснаго пожара. Съ горы мы опять спустились въ ложбину и опять шли по болоту.

Я начиналъ изнемогать, уставать съ непревычки: шли мы уже двадцатая версты. Надавленные плечи (хотя и не было на нихъ никакой тяжести) болѣзненно ныли, подгибались колѣни, слышалась острая боль въ пяткахъ и въ подошвахъ. Выломилъ я себѣ палку, сталъ опираться — не помогла и она. Товарищъ мой весело шелъ, круто забирая привычными ногами, шелъ онъ въ гору, я отставалъ отъ него, и отставалъ на значительные промежутки. Хотѣлъ ложиться, но слышалъ съ горы предостерегающее наставленіе:

— Не ложись, все дѣло испортишь: не дойдешь потомъ; это ужъ работа такая — знаю я ее!

— И кому знать? я кричалъ ему въ свою очередь снизу: Не могу идти, умираю!

— Раньше смертнаго часу не помрешь. А ты понатужься, укрѣпись еще—недалечко: версть съ пятокъ осталось. У бабушки Лукерьи горячимъ всподоснемся, щецъ потреплемъ, молочка. Важно будетъ.

— Силь моихъ не хватаетъ!

— Была, знать, у тебя сила, когда мать на рукахъ носила, а ты бы по моему пѣсню запѣлъ.

— Голосъ не пойдетъ.

— А ты попробуй! Не такую, стало быть, пѣсню пѣлъ.

— Всякія пробоваль, не выходить.

— А выходить, значить, то, что въ дорогѣ ты иди ровнымъ шагомъ, не прибавляй, не укорачивай—хорошо будетъ.

— Слыхаль я и это, да теперь ужь поздно.

— Поздно потому, что село близко. А то мужики-богомольцы, слыхаль я, на траву ложатся и ноги кверху поднимають, что оглобли: отливаетъ кровь—помогаетъ.

— И я такъ же сдѣлаю.

— Не смѣши, Христа-ради! На извощичью телѣгу похожъ станешь: вороны закаркають.

Но вотъ наконецъ и село, и бабушка Лукерья съ горячимъ, и теплымъ полатомъ, и крѣпкимъ сонъ. Вотъ и торжокъ въ полномъ цвѣтѣ и разгарѣ, по обыкновенію шумливый, живой и разнообразный. Приладили и мы изъ досокъ прилавокъ, вколотили четыре кола, навѣсь отъ дождя и солнышка сдѣлали. Разложили на прилавкѣ вздоръ всякій, — для бабъ и дѣвогъ: пуговики, ленточки яркихъ цвѣтовъ, а на пущій соблазнъ зеркала раскрыли съ потретами: Рюрика съ молоткомъ, Святослава съ мечомъ; для большаковъ: кожаные кошельки съ изображеніемъ: взятія Варшавы — съ одной стороны, и Паскевича—съ другой; для попадьи и поповенъ: стеклянные ящички, бумажныя нитки, шелкъ, коробочки съ бисеромъ, наперстки, колечки (серебряныя и волосяныя съ бисеромъ, цыганскаго дѣла,) курительныя свѣчки московскаго дѣла, и проч. и проч.....

Принесъ мой хозяинъ всего товара на 62 р. сер., а продалъ на 129, умѣя и обмануть во-время и надуть подчасъ!»

Превозмогая усталость, зной и холодъ, проходитъ офеня тысячи верстъ, напрягая всѣ свои умственныя и физическія силы, чтобы зашибить побольше деньжонокъ, сдѣлаться хозяиномъ и отдохнуть, заведя своихъ прикащиковъ. Часто, во время тяжелаго пути, въ его усталой головѣ бродятъ грустныя мысли: онъ думаетъ объ оставленной имъ семьѣ, о дѣтяхъ, незнающихъ почти отца, о молодой женѣ, на которую падаетъ вся тяжесть крестьянскихъ работъ и за-

боть..... Много грустнаго промелькнетъ подѣ часъ въ этой хитрой головѣ. Но разумѣтся, чаще всего онъ думаетъ, какъ бы похитрѣе надуть покупателя или своего хозяина. Да какъ было прежде и не думать ошенѣ объ этомъ: нужно было внести ему оброкъ, произвольно налагаемый помѣщикомъ, котораго онъ былъ крѣпостнымъ: заплатить вдвое за взятый имъ товаръ; оставить денегъ на житье хозяйкѣ, да сколотить нѣсколько сотенъ, чтобы было на что поставить за себя рекрута, въ случаѣ надобности. Онъ зналъ, что чѣмъ больше онъ будетъ зарабатывать денегъ, тѣмъ больше придется платить ему процентовъ за занимаемый капиталъ, тѣмъ большій положить на него оброкъ помѣщикъ, а о выкупѣ онъ и думать не смѣлъ! Извѣстно, что крестьяне села Иванова только съ 1827 года могли выкупаться на волю, внося за себя невѣроятныя суммы, до 20,000 руб. съ души. По громадности этой цифры можно предположить, что не малый выкупъ пришлось бы внести и ошенѣ, въ случаѣ даже если бы помѣщикъ и согласился отпустить его на волю.

Предоставляю читателю рѣшить, приходится ли, взвѣсивъ все это, жалѣть объ упадкѣ ошенства съ точки зрѣнiя торговли; для наблюдателя же типъ ошени будетъ всегда интересенъ на равнѣ съ типомъ нашего двороваго челоуѣка и другими, по счастью для цивилизаціи, исчезающими типами.

20. Долгiй извощикъ.

Въ этомъ легкомъ эскизѣ хочется мнѣ обрисовать, хотя общими чертами, одинъ изъ самыхъ характерныхъ и симпатическихъ типовъ русскаго простаго народа, притомъ типъ, который съ каждымъ годомъ стирается все болѣе и болѣе; это—именно типъ такъ называемаго *долгаго извощика*. Тѣснимый дилижансами, почтой, особенно же ненавистной ему чугункой, онъ забивается дальше и дальше въ глушь, въ сторону отъ новыхъ путей сообщенiя, подобно несчастному туземцу американскихъ степей, тщетно пытающемуся уйти

отъ обгоняющей его отовсюду цивилизаціи; этого въ настоящее время очень не часто можно встрѣтить, эту типическую фізіономію въ ея неподдѣльно сохранившемся видѣ.

Сфера, которая по преимуществу окружаетъ долгаго извозчика, сфера проселочныхъ дорогъ, глухихъ сель и деревень, пока еще сохранила въ себѣ болѣе естественности, народности и свѣжести; на нее еще не сѣлъ чуждый деревнѣ, какой-то городской, промышленный осадокъ, пока только портящій ея цѣльную натуру, но, конечно, неизбѣжный для дальнѣйшаго движенія впередъ. Сама природа тамъ какъ-то болѣе русская, по крайней мѣрѣ болѣе безыскусственная, представляющая наблюдателю болѣе чертъ для вѣрнаго изученія простонародной жизни: тамъ нѣтъ ни шоссе, ни форменныхъ фраковъ съ свѣтлыми пуговицами, не слышно словъ, звучащихъ не по-русски, рѣдко видна даже бритая фигура въ нѣмецкомъ платьѣ; тамъ все бороды, тулупы, лапти, изъерошанныя соломенные крыши, дымныя хаты, все чистая, коренная, старинная Русь, въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ она, безъ всякаго сомнѣнія, была и при Иванѣ Калитѣ, и при Борисѣ Годуновѣ, и при Петрѣ I. Большія дороги, какъ извѣстно, проложены официально, съ различными административными цѣлями; онѣ должны идти отъ города до города, движеніе на нихъ очень разнохарактерное; эти пути, черезъ которые, хотя медленно, расплзывается по широкому лику нашей Руси все новое, иноземное, непахнувшее старинными преданьями; черезъ это самое деревни, прилегающія къ большимъ дорогамъ, получили особенный оттѣнокъ, наглядѣлись, наслушались многого такого, о чемъ не всегда слышать въ проселкахъ, и вообще, какъ говорится, понатерлись. Но, помимо этихъ узаконенныхъ почтовыхъ дорогъ, существуютъ у насъ въ Россіи извозничьи, торговые и просто деревенскіе тракты, пробитые безъ всякихъ правительственныхъ распоряженій, безъ плановъ и бумагъ, одною практическою необходимостью, — какіе — споконъ вѣка, какіе — уже впоследствии, по мѣрѣ развитія потребностей въ сообщеніяхъ. Эти тракты большею

частью минуютъ города, не составляющіе ихъ прямой цѣли, но за то не мало сокращаютъ путь, проходя, рѣшительно гдѣ попало: то полевою межей, то околицей, то низомъ, то надъ рѣчкою, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никогда не провели бы столбовой дороги, и на которыя указали нужда и давнишній опытъ. Бывалый долгіій извозчикъ знаетъ всѣ эти запутанные свертки и объѣзды на цѣлыхъ сотняхъ верстъ, какъ свое собственное поле; знаетъ, гдѣ обыкновенно сносить мостъ въ паводокъ, гдѣ можно проѣхать бродомъ, и гдѣ въ какое время на гати не пролѣзешь; знаетъ, какимъ косогоромъ держать, чтобъ не повалить на бокъ повозку, словомъ: это своего рода сухопутный лоцманъ, достойный удивленія не меньше всякаго лоцмана норвежскихъ шкеръ.

На этихъ проселочныхъ дорогахъ лежатъ почти всѣ богатые многолюдныя селища Россіи, всѣ ея старинныя народныя гнѣзда. Мнѣ кажется чрезвычайно характеричнымъ положеніе этихъ большихъ русскихъ селъ; они не разбросаны то тамъ, то сямъ, поодиночкѣ и въ раздробь, но лежатъ какими-то поясами, цѣлыми залежнями, ѣдете вы долго пустыми полями, безъ воды, безъ дерева, вдругъ наѣзжаете на большое село; посмотрите направо—села, посмотрите на лѣво—опять села, и конца имъ не увидите.... Всѣ лежатъ на одномъ и томъ же валу—просто, рукой подать—и съ своими лѣсами и ручьями тянутся на много верстъ вдоль нагорнаго берега какой-нибудь Рати или Тима. Тутъ нѣтъ идиллическихъ эффектовъ швейцарскихъ шоссе, или игрушечнаго вида голландскихъ вычищенныхъ и выскребленныхъ деревенекъ; издали вы не распознаете даже скирдовъ гуменика отъ самыхъ избъ; все кажется безпорядочною толпою навозныхъ кучъ, разбросанныхъ на удачу и нашвыренныхъ другъ на друга. Только однѣ церкви бѣлѣются въ разныхъ мѣстахъ на густомъ фонѣ лѣсовъ, уменьшаясь и тускнѣя, по мѣрѣ своего отдаленія; куда вы ни оглянитесь, непременно вездѣ увидите церковь, и сейчасъ передъ вами ясно, словно вырѣзанную, сверкающую крестами и всю

облитую солнечнымъ свѣтомъ, а тамъ, вдали, едва синѣющую на туманномъ горизонтѣ. Но общее мѣстоположеніе этихъ сель, во всякомъ случаѣ, очень живописно, особенно, какъ посмотришь, какъ спалзываютъ они по крутымъ обрывамъ и скатамъ къ питающей ихъ рѣкѣ, запруженной въ разныхъ мѣстахъ мельницами и плотинами, и потому часто разлившейся въ цѣлыя озера. Снизу хорошо будутъ видны вамъ и бѣлыя, стройные стволы березоваго лѣса, и махающія крылья вѣтряныхъ мельницъ, столпившихся въ гучу, и утлыя избенки, картинно прилѣпленныя къ желтымъ глиняннымъ оврагамъ, подтыканныя и покривившіяся на бокъ; а между ними змѣей вьющаяся наверхъ дорога для водоносокъ, на которой съ трудомъ можно стоять; словомъ, все, что только придвинулось и прилегло къ быстро текущей внизу рѣкѣ.....

Много такихъ сель и деревень приходится видѣть, странствуя по скучнымъ проселочнымъ дорогамъ; всѣ онѣ похожи другъ на друга, какъ два брата-близнеца, и, казалось, должны бы были скоро надоесть своею безконечною монотонностью; но вслѣдствіе долгой привычки получаешь какое-то особенное сочувствіе къ ихъ родному, нехитрому виду, и всегда смогришь съ теплою душою, какъ на старыхъ, добрыхъ своихъ друзей.

Долгаго извозчика никакъ нельзя смѣшивать съ почтовымъ ямщикомъ: эти двѣ личности почти діаметрально противоположны другъ другу. Почтарь гораздо болѣе горожанинъ, чѣмъ извозикъ; у него замашки и вкусы фабричнаго мастераваго; онъ не выпускаетъ изо рта люльки съ корешками, онъ франтитъ красной рубахой съ откоснымъ воротомъ, павлиньимъ перомъ, заломленной на ухо шляпой; у него много молодечества, ухарства, онъ кутитъ и веселится на послѣдній грошъ, бьется на кулачки. Во всемъ этомъ воспитываетъ его и казарменная, артельная жизнь въ кругу подобныхъ ему забубенныхъ ребятъ, и самый родъ его ѣзды: прокатить, что есть духу, какого-нибудь курьера на отчаянной тройкѣ, такъ чтобъ лошади, какъ

говорится, брюхомъ землю мели, лихо при этомъ присвистнуть и пригикнуть, не зная разницы въ днѣ и ночи— вотъ достоинства хорошаго почтаря. Его ничто не пріучаетъ къ порядку, тишинѣ, обдуманности; одинъ день онъ спитъ въ полдень, а въ полночь трясется на облучкѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ; другой день онъ долженъ бросать ложку, которою зачерпнулъ борща, для того чтобъ идти за- тягивать супонь коренному или мазать повозку для нетерпѣливаго проѣзжаго..... Онъ и ѣсть и спитъ не во время; вся его жизнь проходитъ какъ-то ненормально, на поспѣхахъ. Съ лошадьми своими онъ не можетъ такъ сблизиться и сродниться, какъ долгій извозчикъ; съ сѣдоками и того менѣе; тройка у него большей частью хозяйская; на ней ѣздитъ всякій, кому случится, а сѣдоковъ онъ столько развозитъ за одну недѣлю, что и считать некогда; развѣ ужъ какой-нибудь гоголевскій дантистъ, у котораго руки самой природой для ямщиковъ устроены, заставитъ вспомнить лишній разъ нехорошимъ словомъ. Все это невольно развиваетъ въ почтарѣ тотъ духъ беспорядочнаго удалства, быстроту и беззаботность, о которыхъ мы говорили; онъ словно солдатъ въ военное время; его жизнь вся въ нынѣшнемъ днѣ; выпить послѣ работы полосьмушки водки, да завалиться спать гдѣ-нибудь на сѣновалѣ или въ уютномъ мѣстечкѣ, подъ старыми саями,—дальше этого рѣдко простираются планы его всеневныхъ наслажденій.

Совсѣмъ не то нашъ долгій извозчикъ; весь онъ переполненъ степенностью; никогда вы его не увидите второпяхъ и впопыхахъ; все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ, съ глубоко мысленнымъ вниманьемъ, не спѣша, такъ что въ ту минуту кажется, будто какая-нибудь ременная подпруга или сѣделка составляетъ исключительный предметъ всей его заботливости. Съ сѣдокомъ своимъ онъ входитъ въ какія-то дружественныя, интимныя отношенія; онъ имъ отчасти овладѣваетъ на все время долгой, однообразной поѣздки, и изъ-подъ его вліянья не совсѣмъ легко освободиться. Очень

рѣдко вы заставите его ночевать тамъ, гдѣ онъ никогда не ночеваль, или не кормить тамъ, гдѣ у него былъ переваль споконъ вѣку; онъ самъ себѣ давно написалъ вѣрный маршрутъ, и всякая стоянка у него освящена давнимъ обычаемъ. Ему теперь довольно трудно измѣнить старой рутинѣ; во всякомъ знакомомъ постояломъ непременно есть у него какой-нибудь дядя Архипъ и свать Гаврила, который съиздавна состоитъ съ нимъ въ разнообразныхъ коммерческихъ отношеніяхъ, и котораго кредитъ долготу извощику дороже всякаго сѣдока. Дядя Архипъ, часто по нѣскольку лѣтъ сряду, пишетъ мѣломъ на рубленой стѣнѣ ему одному понятные крестики, палочки и кружочки, за которые въ свое время извощикъ высыпаетъ ему изъ грязной кожаной кисы, сколько причтется, засаленныхъ бумажекъ, обтертаго серебра и тяжелыхъ мѣдяковъ. И надо сказать правду, почти никогда не злоупотребляетъ извощикъ такимъ смѣлымъ довѣріемъ своего кредитора: какъ бы далеко ни загналъ его случай, въ Ставрополь ли, на Моздокъ, въ Одессу или въ Нижній на Макарья, съ купеческимъ товаромъ, — никогда онъ не надуется, по своей волѣ, знакомаго дворника; онъ дождется-таки оказіи, которая принесетъ его опять въ ту сторону, и при первой доброй выручкѣ, разочтется съ нимъ вполне честнымъ манеромъ.

— А, это ты, Митюха, — говоритъ довольно хладнокровно дворникъ Архипъ, растворяя настежь ворота подѣхавшему извощику, съ которымъ онъ не видался года два, и потомъ слегка приподымая свою теплую шапку. — Что давно не видать?.... за тобой еще никакъ тридцать рублей съ пяткомъ состоитъ: санишки, помнится, по запрошлую зиму, на Спиридонъ-поворота, у меня купилъ.... Отдавать, что ли, будешь, аль подождать еще?....

— Да ужъ потерпи, Архипъ Сидорычъ, — говоритъ извощикъ жалобнымъ голосомъ: — работа-то наша нонче плоха; возилъ вотъ вино съ пристани, да лѣшій какой-то пошутилъ, цѣлый ящикъ отрѣзалъ; вино-то дорогое, братецъ ты мой; вотъ что! и полутать ничего не пришлось, да и сво-

ихъ еще съ полтиною двѣнадцать отсчиталь..... Просто напасть!....

— Вотъ, гостинцу своей хозяйкѣ купиль,—скажетъ онъ черезъ нѣсколько времени, когда мы ужъ будемъ тянуться по пустымъ полямъ.—Безъ того нельзя, баринъ, хозяйское дѣло; постъ у насъ нонче совсѣмъ голодный, новой капутки еще нѣтъ, а лѣтошняя вся поперепрѣла..... только и ѣды—что квасъ съ хлѣбомъ.....

Долгій извощикъ очень рѣдко пристращается къ пьянству, или, какъ говорить простой народъ, рѣдко *зашибает-ся водкой*; отъ водки онъ, конечно, не отказывается: онъ выпьетъ рюмку, двѣ и больше, съ такимъ же наслажденьемъ, какъ всякій опытный гастрономъ, особымъ манеромъ сморщится и крикнетъ, когда она разомъ кинетъ въ пріятный жаръ озябшій желудокъ, и всегда ужъ отпуститъ по поводу ея какую-нибудь готовую прибаутку. Послѣ водки везетъ онъ какъ-то радостнѣе, веселѣе, а ѣсть такъ, что надо диву диваваться..... Какъ засядетъ за столъ рядкомъ съ другими бородами и тулупами, да пододвинется къ деревянной расписанной чашкѣ, изъ которой паръ такъ клубомъ и валитъ, такъ только знай хозяйка подставлять новыя блюда. Господи! какъ подумаешь, чего только не съѣсть нашъ извощикъ на хорошемъ, богатомъ постояломъ, гдѣ онъ заплатитъ за свой обѣдъ мѣдную полтину..... Вотъ похлебаль онъ горячихъ щей съ саломъ такъ усердно, что отъ него самого паръ сталъ валить, какъ отъ горшка; прищажъ онъ смамонилъ такую скибу ржаного хлѣба, которую едва удержишь въ одной рукѣ..... Ну, ожидаешь, что этимъ и кончатся его обѣденные подвиги... Не тутъ-то было: хозяйка ставитъ на столъ холодную солонину, блѣдную и непросоленную, похожую на скверную говядину; со всѣхъ сторонъ мѣрно протягиваются къ ней корявыя руки и обдирають догола огромную кость; помакивая каждый кусокъ глубоко въ истолченную соль, съ тѣмъ же невозмутимымъ равнодушіемъ тихо, не торопясь, кончаетъ нашъ извощикъ

и солонину..... На столѣ является лапша, крутая, какъ клестерь, вдобавокъ еще съ бараниной.

— Хозяйка, а дай-ка-ся кваску! съ усиліемъ говоритъ извощикъ, слегка отваливаясь къ стѣнѣ и чувствуя, что солонина подходитъ подъ самую душу. Подаютъ ему квасу-суровца, бѣловатаго, мутнаго, отвратительнаго вкуса, хуже всякой испорченной воды; подаютъ въ мѣдной яндовѣ, зеленой, какъ снова выкрашенная крыша; беретъ онъ ее за оба носика, припадаетъ губами, усами, бородою даже носомъ — иначе никакъ нельзя приловчиться — и начинаетъ дуть этотъ квасъ; дуетъ, дуетъ, яндова переходитъ изъ горизонтальнаго положенія почти въ вертикальное, но не отстаетъ нашъ извощикъ..... Только слышны его мѣрные не спѣшащіе глотки..... а ужъ надъ яндовой давно стоитъ въ ожиданьи протянутая рука бородатаго сосѣда. Когда кончится это гомерическое испиванье, и начнутъ мыться въ томъ же квасѣ другіе носы и другія бороды, — тяжело вздохнетъ нашъ извощикъ, какъ будто совершилъ необыкновенно важное дѣло, оботретъ рукавомъ усы и съ серьезнымъ видомъ примется за лапшу; лапшу онъ истребитъ такъ, какъ истребилъ щи и солонину; онъ какъ будто чувствуетъ себя призваннымъ свыше для уничтоженія до тла всего, что хозяйка вынимаетъ изъ печи; по крайней мѣрѣ, онъ считаетъ себя рѣшительно не въ правѣ оставить недоконченнымъ обѣдъ, за который заплочена имъ полтина кровныхъ денегъ; съ аппетитомъ, конечно, онъ уже тутъ не держитъ никакихъ совѣтовъ, а полагаетъ, напротивъ, что самъ аппетитъ необходимо долженъ сообразоваться съ поставленными на столъ кушаньями. Лапша опять подойдетъ ему подъ душу и дышать станетъ еще тяжелѣе, чѣмъ прежде; но суровецъ опять зальетъ ее, распустится кушакъ, перехватывающій полушубокъ, и за лапшою въ тотъ же самый терпкій, невѣдающій устали, желудокъ пойдутъ объемистыя ложки пшенной каши, со влитыми въ нее щами и сухими корками. Если даетъ хозяйка творогу съ молокомъ, и творогъ съ молокомъ отправится туда же, куда и

гаша, будетъ медь—и медь не минетъ своей судьбы. Словомъ, глядя на это мощное хладнокровное истребленіе в сего и вся, просто потеряешь надежду когда-нибудь и чѣмъ-нибудь насытить эти дѣвственные желудки: это не горячая, лихорадочная аттака перваго голода, которая скоро остываетъ; это—твердое, тихое, увѣренное въ себѣ шествіе, дышащее непобѣдимую силой и не сознающее никакихъ преградъ. Послѣ такого обѣда не спать невозможно; отягченный желудокъ самъ повалитъ человѣка на лавку или на печь, и въ тотъ моментъ человѣкъ только властенъ подбросить себѣ зипунъ подъ голову. Онъ уснетъ, какъ наѣвшійся змѣй-боа, проснетъ только черезъ нѣсколько часовъ, когда пищу нѣсколько оттянетъ отъ сердца. Такъ ѣстъ русскій человѣкъ, послѣ хорошей работы. Но, какъ бы то ни было, въ этомъ нѣтъ ничего безпорядочнаго, безпутнаго; это—каждодневный святой обычай, ничуть не похожій на бездомное разгулье почтаря, на его безтолковую, пьяную пѣснь, шатающуюся походку, водку, текущую по бородѣ.....

Среди долгихъ извощиковъ мнѣ таже очень рѣдко случалось встрѣтить плута; я думаю, ихъ спокойныя привычки, строгая опредѣленность ихъ промысла, наконецъ извѣстная степень нравственнаго развитія — произвели это доброе вліяніе на прямоту ихъ характера. Они даже съ рѣчью своей, съ своимъ словомъ поступаютъ довольно осторожно, и пустыхъ болтуновъ или вралей вы среди ихъ найдете, какъ странное исключеніе. Напротивъ того въ поступкахъ и въ обращеніи вообще всякаго русскаго мужика, не забитаго и незагнаннаго—долгаго же извощика въ особенности—вижу я чувство какого-то достоинства, не театральнаго и накладнаго, а дѣйствительнаго неподдѣльнаго достоинства; увѣренная, мѣрная поступь, непринужденная осанка, выраженье простоты, доброты, и въ тоже время твердости въ красивомъ, нѣсколько воинственномъ профильѣ,—все это придаетъ настоящему типу русскаго мужика что-то особенно мужеское; отъ него дышетъ здоровьемъ,

свѣжестью, силою; сознаешь, что этотъ необдѣланный матеріаль можетъ быть годенъ на самую благородную работу, что въ этомъ грубомъ тѣлѣ бьется теплое честное сердце.

— Ну добро, добро..... авось къ девятой пятницѣ товару забереешь..... говоритъ милостиво дворникъ и идетъ опять къ рубленной стѣнѣ отмѣтить мѣломъ еще палочку и еще крестикъ. Этого впрочемъ мало: въ большой нуждѣ и *хорошему человеку* дворникъ готовъ дать въ долгъ, пожалуй, даже лошадь, рублей въ 60 или 100, безъ всякой опаски. Своихъ барышей онъ, конечно, при этомъ не забываетъ, и на санишки, купленные въ Спиридонъ-поворота, и на сто-рублевую лошадь, и на всякую мѣрку овса, взятую въ долгъ, онъ не преминетъ накинуть изрядный процентъ, не то чтобъ математически высчитанный и строго соразмѣренный съ капиталомъ, а такъ, просто на глазъ, какъ ему Господь на душу положить. Но совсѣмъ тѣмъ безъ такого кредита долги извозчики почти не могли бы отправлять своего скромнаго промысла; извозчикъ—часто бѣдный мужикъ, котораго все имущество заключается въ одной тройкѣ; онъ ѣдетъ на заработки безъ всякихъ капиталовъ, и, если скоро не сыщѣтъ работы, долженъ даромъ проѣдаться въ городъ и кормить лошадей дорогимъ лавочнымъ кормомъ. Тутъ обыкновенно онъ впутывается въ первые долги, которые потомъ растутъ съ каждой новой бѣдой: одинъ разъ ось пополамъ, другой разъ колеса расшинятся, лошадь захромаетъ, не то совсѣмъ упадетъ; такіе случаи не рѣдко приключаются въ дорогѣ, и безъ мѣловыхъ крестиковъ дяди Архипа бѣднѣтъ пришлось бы иногда хоть повозку среди поля бросать. Кромѣ этихъ, чисто экономическихъ, причинъ упрямое самоволіе долгаго извозчика въ дѣлѣ остановокъ и ночлеговъ объясняется его оригинальнымъ взглядомъ на отношенія извозчика къ пассажиру; я уже намекалъ разъ, что онъ смотритъ на своего сѣдока, какъ на вещь, преданную въ его полную власть, какъ нѣкотораго рода товаръ, который онъ обязанъ доставить въ цѣлости за извѣстную плату, и потому онъ не терпитъ никакого

вмѣшательства съ вашей стороны въ его безмолвныя распоряженія. Въ его глазахъ, вы—совершенно профанъ въ извощичьемъ дѣлѣ, и оттого каждый совѣтъ—скорѣе выкармливать, подгонять лошадей и т. п., для него есть личное оскорбленіе, обидное недовѣріе къ его путеводительскому генію. Отъ глубины негодованья, онъ, можетъ быть, ничего не отвѣтитъ на ваше бесполезное правоученіе, но подаритъ васъ за то самую презрительною изъ улыбокъ, и нѣкоторое время будетъ глядѣть на васъ съ большимъ недоброжелательствомъ, съ подозрѣніемъ, какъ на врага, посягнувшаго на его неотъемлемыя права; сдѣлаетъ же онъ все—таки по своему: не станетъ запрягать раньше, чѣмъ лошади пойдутъ овесъ, и въ ненужномъ, по его мнѣнію, мѣстѣ никогда не подгонитъ. Торопливость ему особенно ненавистна; добрая половина его жизни проходитъ въ странствованіяхъ по различнымъ концамъ православной Руси, и онъ никакъ не согласится весь вѣкъ спѣшить и метаться, какъ угорѣлый. Спѣшить еще можно, когда есть впереди близкая цѣль, близкій отдыхъ отъ напряженныхъ усилій; но долгія извощичьи твердо знаетъ, что десятки лѣтъ пройдутъ для него совершенно однообразно, въ тѣхъ же самыхъ занятіяхъ, съ тѣмъ же самымъ горемъ, и потому хочетъ обезпечить себѣ извѣстнаго рода спокойствіе даже среди своего безпокойнаго промысла. Съ чего ему не досыпать ночей и не доѣдать куска, когда это составляетъ единственное доступное ему удовольствіе? Онъ никогда не въ состояніи взглянуть на повздуку сквозь ваши очки; вы смотрите на нее, какъ на дѣло переходное, ненормальное, какъ на неизбѣжную трату дорогаго времени, стараетесь привести ее къ скорѣйшему окончанію, чтобъ мирно предаться вашимъ обыденнымъ занятіямъ; между тѣмъ какъ для долгаго извощича эта самая ѣзда есть постоянное, нормальное содержаніе всей почти жизни. Лошадямъ его также не одинъ день ѣздить..... Онъ знаетъ, что и ихъ жизнь пройдетъ въ вѣчныхъ вытягиваніяхъ на гору, въ спускахъ съ горы, въ легкой рысцѣ, въ нуканьяхъ и тпруканьяхъ; онъ знаетъ,

что ему долго еще будутъ нужны эти вѣрные кони, носильцы и кормильцы его, безропотно дѣлящіе съ нимъ всѣ труды и невзгоды; оттого онъ никогда не хочетъ нудить и торопить свою покорную, терпѣливую тройку. Онъ смотритъ на нее съ любовью, иногда чисто идиллическою, какъ на свою семью, какъ на надежныхъ испытанныхъ друзей, готовый, въ случаѣ нужды, не раздумывая, подставить за коня свою собственную спину. Послушайте его, когда онъ начинаетъ вамъ рассказывать о какомъ нибудь своемъ гнѣдопѣгомъ меринѣ, издохнувшемъ лѣтъ пять тому назадъ, право, другіе не съ большимъ чувствомъ будутъ вспоминать о своихъ потерянныхъ дѣтяхъ.

— Не конь былъ, а чортъ..... скажетъ задумчиво извощикъ, съ грустью покачивая головою.— Съ такимъ конемъ нигдѣ не пропадешь, онъ нигдѣ тебя не выдастъ..... Съ виду только на него смотрѣть, такъ печь печью: на ногахъ не высокъ былъ, а преширокой, пресильный; грудь котломъ—хомутъ не сыщешь,—грива по самую землю виситъ, щетки на ногахъ какъ у медвѣдя..... То есть, хоть самому-бъ въ гробъ лѣчь, какъ онъ издыхать сталъ..... Гризь его давно въ заднихъ колѣняхъ грызла, а тутъ я его еще постомъ великимъ, въ оттепель, въ конецъ посадилъ; грязюха тогда пренеблагородная случилась, смола смолой, такъ за колесомъ и гналась..... По животъ по самый лошадь уходила; а онъ себѣ знай преть въ одиночку весь возъ, пристяжныя только для славы за нимъ идутъ..... Ну, и околѣлъ..... Эхъ, жалости-то сколько было!.... Полежить это онъ, полежить, глазами на меня посмотреть—а глаза у него совсѣмъ какъ у дурака стали—да все будто подняться хочетъ..... Сунется на ноги стая, а ноги-то у него словно безъ костей сдѣлались, словно соломенные, такъ подъ нимъ и подламываются..... Что-жь, милый ты человѣкъ, метался это онъ, метался, храпѣлъ, храпѣлъ, а самъ все на меня поглядывалъ; должно быть, ему тошно голубчику пришлось, такъ легости себѣ просилъ. А ужъ я какъ, кажется, вокругъ его обхаживалъ! за отцомъ роднымъ такого

призира не бывало: и масла-то ему съ солью давалъ, и дегтю вливалъ..... Ничего, другъ, не сдѣлалъ..... околѣлъ..... охъ околѣлъ!.... Брюхо такъ разнесло, словно вотъ надулъ кто его изъ нутра; не приведи Богъ, какъ я тогда объ немъ печаловался..... Какъ-то былъ ужъ очень хорошъ, баринъ, брата роднаго лучше..... Одно слово—вездѣ выносилъ.—Эхъ, такъ то есть жалко мнѣ коня, что и сказать не можно! заганчивалъ онъ, съ нѣкоторымъ отчаяньемъ махнувъ рукою.

Всѣ привычки, весь *норовъ* своихъ лошадей долгій извощикъ изучилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ; онъ давно знаетъ, чего какая боится, что какая любитъ: ласковое дружественное обращеніе его съ ними сдѣлало ихъ такими кроткими, безотвѣтными и работающими животными; онѣ умны и догадливы въ высокой степени; онѣ, кажется, понимаютъ не только жесты, но всякое слово своего друга-хозяина; въ свою очередь, и онъ объясняется съ ними почти какъ съ людьми: онъ ихъ пристыживаетъ и усовѣщиваетъ въ случаѣ какой-нибудь оплошности; онъ точить наединѣ съ ними разныя прибаутки, ласкаетъ ихъ, тербя холку, потрепывая по мускулистой шеѣ, потягивая за хрящеватыя уши.....

— Ну, что ты, медвѣдь, умаялся?.... умаялся, чортъ..... говоритъ онъ съ неподдѣльною любовью, осматривая кореника. — Небось, проголодался, ѣсть хочешь..... Ну, постой, потерпи; сейчасъ и ѣсть тебѣ дамъ.....

И смышленная лошадь будто понимаетъ ласку, начиная лизать и слегка дергая зубами овчину знакомаго тулупа, добирается до бороды, до волосъ и ихъ осторожно путаетъ своей доброю, умною мордой. А извощикъ, ослабляясь отъ внутренняго удовольствія, ворчить про себя.

— Ишь, разыгрался, чортовъ сынъ; цаловаться лѣзетъ.....

Всѣ эти спокойныя привычки не могутъ не отражаться на нравственномъ характерѣ долгаго извощика; онъ бываетъ запечатлѣнъ какою-то особенной трезвостью и честностью духа; вкусы его всегда мирные и простые: онъ по-

чти никогда не позволить себѣ увлечься ребяческой слабостью къ чему бы то ни было; онъ всегда достаточно строгъ къ самому себѣ, всегда расчетливъ и, главное, необыкновенно семейственъ; изъ своего скуднаго заработка онъ всегда ужъ припрядетъ хорошую долю своей семьѣ, оставленной гдѣ-нибудь далеко, въ глухой деревушкѣ. Онъ про нее вспоминаетъ часто во время своего долгаго, тихаго странствованья по чужой сторонѣ; если ему попался хорошій сѣдокъ, человѣкъ словоохотливый, *простой*, онъ съ нимъ непременно войдетъ въ пространные розсказни о своей бабѣ, о своихъ парнишкахъ, сообщить ему незатѣйливые планы на счетъ ихъ пристроенья,—какъ Нефедку онъ думаетъ отдать годочка на два къ бондарю, «въ бондарномъ мастерствѣ изловчиться,» а изъ Сидорки хочетъ кузнеца сдѣлать.... «Потому, баринъ, дѣлу это его мужицкому не мѣшаетъ....» добавитъ онъ, не сомнѣваясь, что будущность Нефедки и Сидорки должна сильно васъ интересовать. «Пахать-таки онъ паши, а мастерство свое знай; поле-полямъ, а кузня своимъ чередомъ: лишній грошъ, чай, никогда не бѣда, баринъ, а ужъ того пуще въ нашемъ мужицкомъ житьѣ....»

Случается иногда, что судьба загоняетъ извозчика въ родную его сторону, въ свой околотокъ; онъ даже нарочно пождетъ такого случая, чтобы хоть разъ въ годъ навѣстить покинутый домъ..... Тогда особенно пріятно смотрѣть на его постепенное оживленіе, по мѣрѣ приближенія къ знакомымъ мѣстамъ; онъ дѣлается добродушнѣе и болтливѣе обыкновеннаго; вы увидите, что въ ближайшемъ городкѣ онъ неминуемо попроситъ у васъ цѣлковыхъ два денегъ, и воротится изъ лавки съ мѣшкомъ какой-нибудь сушеной тарани и связкою бубликовъ; все это тщательно завернется имъ въ суконный зипунъ, и еще тщательно уложится подъ передокъ; на честной физиономіи извозчика вы примѣтите послѣ того совершенное довольство самимъ собой, словно онъ исполнилъ невѣсть-какую святую и радостную обязанность. Вы его не спрашивайте, зачѣмъ онъ сдѣлалъ

эти покупки: въ его глазахъ это такой многоцѣнный, дорогой подарокъ, что онъ постоянно будетъ у него на умѣ, и общительный извозчикъ не утерпитъ, чтобъ не подѣлиться съ вами по поводу этого своими пріятными чувствами.

Во всякомъ случаѣ, долгій извозчикъ—одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего сословія. Онъ видѣлъ и Иванъ Великій съ царемъ-колоколомъ, и кіевскія пещеры; прикладывался онъ тамъ къ мощамъ св. угодниковъ Божіихъ. Бывалъ нашъ извозчикъ и въ Польшѣ, среди жидовъ, и въ Малороссіи, гдѣ арбузы по грошу, и въ Крыму у татаръ, гдѣ винограду—ѣсть не хочю, переѣзжалъ Волгу въ Саратовъ и Оку въ Серпуховъ, барки и струги тамъ видѣлъ, съ хлѣбомъ и дровами; можетъ разсказать, гдѣ почемъ какой хлѣбъ продается, гдѣ народъ обходителенъ, гдѣ какой чему обычай; чего самъ не зналъ, о томъ добрые люди разсказали; мало-ли онъ повстрѣчаетъ на своемъ вѣку разнаго народа изъ разныхъ краевъ? Тамъ хозяинъ постоялаго разскажетъ ему, какъ прошло года на Дранныхъ Дворахъ монашку разбойники ножомъ зарѣзали; въ другомъ мѣстѣ странникъ убогій повстрѣчается, новый Аѳанасій Никитичъ, котораго хозяева накормятъ ради Христа, а онъ въ благодарность учнетъ святые мѣста имъ расписывать..... Услышитъ иногда кавалера съ подвязанною рукой, пробирающагося на побывки, какъ онъ краснобайничаетъ объ Сабастополѣ и Англичанкѣ и о разныхъ другихъ чудесахъ.....

Всего услышитъ извозчикъ: нынче-то, завтра—другое; незанятый никакимъ спѣшнымъ, неотлагательнымъ дѣломъ, онъ самъ очень любитъ вести бесѣды съ гостями постоянныхъ дворовъ, съ своими пассажирами и со всѣми, съ кѣмъ придется; только онъ любитъ бесѣду разумную, степенную, гдѣ можно ему научиться и было-бъ что послушать. Все это не можетъ не вліять благодѣтельно на развитіе его понятій и вообще на его умственное и нравственное образованіе. У извозчика вы замѣтите особую пылкость, любознательность, сильное стремленіе къ объясне-

нію того, что онъ видитъ и знаетъ. Онъ очень религіозенъ, какъ по преданьямъ старины, такъ и по исключительнымъ обстоятельствамъ своей жизни. Весь его промыселъ, весь небольшой барышъ, который почти одинъ прокармливаетъ семью его, вся, стало быть, его судьба зависить чисто отъ случая; ночная буря съ проливнымъ дождемъ, невылазная грязь, дороговизна корма и много иныхъ, неважныхъ для другихъ, обстоятельствъ для него могутъ служить источникомъ непоправимой бѣды: онъ выѣзжаетъ въ хорошую сухую погоду, а Богъ знаетъ, что его ждетъ впереди.... На дорогѣ много случаевъ: могутъ и ограбить и стащить что-нибудь, и поломка какая сдѣлается, и лошадь можетъ заболѣть, и мало-ли еще чего? Оттого онъ каждый разъ съ молитвою обращается къ Богу; онъ никогда не выѣдетъ съ постоялаго двора, не перекрестившись съ искреннею набожностью, и во время пути на каждомъ сильномъ толчкѣ поминаетъ всегдашнюю заступницу свою, Матушку Божью, и всѣхъ Ея святыхъ угодниковъ. Почти передъ каждой часовенкой съ полинялымъ образомъ оставливаетъ онъ тройку, снимаетъ свою теплую шапку и, перекрестившись благоговѣнно, не спѣша, отпускаетъ въ поднесенный кошелекъ старый грошъ, вынутый изъ его скудной, тощей мошны, и еще долго послѣ этого кланяется и крестится на полустертый образъ, что-то тихо нашептывая и чего-то прося отъ всего своего простаго сердца.... Также смиренно и аккуратно одѣлываетъ онъ нищихъ и нищенокъ, которые сидятъ у дороги съ деревянными чашками, дико взывая при приближеніи экипажей.

Долгая ѣзда, все равно, какъ пастушеская жизнь, сильно развиваетъ поэтическій элементъ простаго человѣка.... Спокойно лежа на своемъ облучкѣ и предоставивъ опытнымъ и умнымъ лошадамъ слѣдовать знакомой дорогой, часто проводитъ долгій извозчикъ подъ открытымъ небомъ и яркія весеннія утра, полныя звуковъ и запаху, и тихія звѣздныя ночи посреди пустыннаго поля, и зимніе морозные дни.... Все теплое, чистое души его затрогивается и

будится свѣжимъ дыханіемъ природы, вдали отъ мелочной заботы дня; онъ полюбитъ природу, какъ свою мать, онъ будетъ смотрѣть въ бездонную глубину неба съ религіознымъ благоговѣніемъ и искать тамъ мыслію тѣхъ образовъ, съ которыми такъ дружно свыкся еще въ неразумномъ дѣтствѣ. Лежитъ онъ въ задумчивости, думая и о томъ, что такое значать эти безчисленные звѣзды, что какъ глаза глядятъ къ намъ сверху, и о томъ, какъ Господь произращаетъ каждое древо; мелькнетъ, можетъ-быть, у него неясный вопросъ о будущей судьбинѣ самого его, его многочленной семьи и всего міра Божьяго, пропомнятся бѣды житейскія, плохой урожай и обиды старосты; пропомнится молодая жена, — которую не видалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ, — злополучная, трудовая жизнь бѣдняка..... и тихо, незамѣтно сорвется съ сердца унылая русская пѣсня и разольется, замирая и дрожа, по далекому полю, навѣвая грусть и тоску на всѣхъ, кто ее заслышитъ.

21. Иностранцы Казанской губерніи.

Татары. Казанскіе татары, безъ сомнѣнія, составляютъ лучшую вѣтвь между всѣми племенами, происшедшими отъ смѣшенія монгольской крови съ турецкою; нельзя въ такихъ свойствахъ не признать благотворнаго вліянія волжскихъ болгаръ, которые въ этомъ племени похоронили свою національность.

Послѣ русскихъ самую значительную часть населенія Казанской губерніи составляютъ татары: число ихъ простирается до 450,000 человекъ обою пола; они живутъ во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ трехъ; но наиболѣе сгруппированы въ Казанскомъ, Мамадышскомъ, Тетюшскомъ, Чистопольскомъ и Лаишевскомъ. Казанскіе татары по физическимъ своимъ особенностямъ принадлежатъ къ числу красивыхъ породъ. Монгольскій элементъ проявляется въ нихъ весьма слабо: большею частію только въ узкомъ разрѣзѣ глазъ и длинныхъ, отстающихъ, тонкихъ ушахъ.

Татары казанскіе сложены хорошо и собой красивы, роста вообще средняго, широкоплечи, имѣють правильный и продолговатый овалъ лица, прямой, тонкій носъ, скулы ихъ не выдаются такъ рѣзко, какъ у чисто монгольскихъ племенъ; широкая грудь и стройный станъ съ толстой и короткой шеей обнаруживаютъ силу и здоровье. Болѣе зажиточные и ведущіе беззаботную жизнь купцы, муллы, подъ старость становятся дряблы и толстобрюхи.

Татары всѣ носятъ короткія бороды и брѣютъ головы, за исключеніемъ немногихъ служащихъ. У татаръ не растутъ густые волосы на бородѣ; она не занимаетъ всю нижнюю часть лица, какъ у русскихъ, а тонкимъ и рѣдкимъ слоемъ растетъ около нижней челюсти.

Татарки отъ природы недурны, но одежда и недѣятельная жизнь, особенно богатыхъ, дѣлають ихъ очень неловкими и неразвязными. Даже бѣдныя татарки изъ полевыхъ работъ участвуютъ только въ жнивѣ хлѣба и сгребаніи сѣна, между тѣмъ какъ чувашка постоянно, а русская женщина весьма часто, пашутъ и боронятъ. Занятія татарокъ большею частію ограничиваются мелочнымъ хозяйствомъ, пряденіемъ, тканіемъ; есть, впрочемъ, изъ нихъ золотошвейки; онѣ дѣлають недурные тюбейки или ермолки и ичеги (спальные сапоги;) богатя же татарки живутъ совершенно по восточному, исключительно для лѣни. Чѣмъ богаче и именитѣе татаринъ, тѣмъ болѣе скрываетъ онъ женъ своихъ. Жизнь богатой татарки можетъ служить доказательствомъ, что скука и бездѣятельность заставляютъ толстѣть и жирѣть. Рукодѣліемъ никакимъ она не занимается, развѣ только въ старости иногда кое-что дѣлаетъ въ хозяйствѣ; молодыя же исключительно заняты своимъ желудкомъ и нарядами.

Татарку преимущественно портитъ несчастный обычай густо намазывать лицо бѣлилами и румянами, сурмить брови и рѣсницы для того, чтобъ глаза, и безъ того черные и блестящіе, казались еще болѣе яркими. Въ довершеніе этого обезобразиванія, женщины красятъ свои прекрасные

зубы чернильно-орѣховымъ настоемъ, а ногти размалевываютъ отваромъ изъ череды и квасцовъ. Въ такомъ жалкомъ видѣ представляется теперь красота татарки, между тѣмъ какъ первообразцу ея—арабской красавицѣ говорили, какъ обыкновенный комплиментъ: уста твои пунцовы, какъ геннахъ, зубы твои бѣлы, какъ слоновая кость.

Казанскіе татары до сихъ поръ сохраняютъ еще много характеристическаго: они живутъ отдѣльно отъ русскихъ и другихъ племенъ, крѣпко держатся своихъ преданій и обыкновеній. Случается и до сихъ поръ, что казанецъ величаетъ себя *бургарлыкомъ* (булгариномъ.) Въ самой Казани татары живутъ въ особыхъ двухъ слободахъ — въ Старой и Новой татарской; конечно, въ эту часть города они были вытѣснены побѣдителемъ.

Въ старину они ставили дома свои по восточному, среди двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ заборомъ; теперь не только въ городахъ строятся по планамъ, а есть и деревни правильно выстроенныя, но и тутъ татаринъ старается сколько возможно скрыть свое жилище отъ глазъ прохожаго; обыкновенно передъ окнами низенькой своей избенки онъ насадитъ крыжовника или другихъ какихъ-нибудь густо растущихъ кустовъ.

Домъ зажиточнаго татарина раздѣляется на двѣ половины: переднюю и заднюю; между ними находятся сѣни, предназначенныя для домашняго богомолья. Передняя изба также раздѣляется на два отдѣленія, мужское и женское; въ каждое изъ нихъ ведетъ особая дверь; вмѣсто стульевъ и скамеекъ, по стѣнамъ расположены, какъ у русскихъ, широкія нары, на которыхъ за занавѣсками лежатъ пышныя пуховыя постели. Въ печь вмазывается котелъ для варенія пищи. На печи же стоятъ мѣдные вылуженные или жестианные кувшины: одинъ мужу, другой женѣ. Законъ запрещаетъ имъ умываться изъ одного. За печью тазъ для умыванья и два полотенца: одно для рукъ, другое для ногъ; остальное убранство горницы — шкафъ съ посудой и чайнымъ приборомъ. Татары очень любятъ фарфоръ, особенно

ярко раскрашенный. Нѣсколько сундуковъ, окованныхъ ра-
списанною жестью, и бухарскіе ковры заключаютъ убран-
ство комнатъ. Только у самыхъ богатыхъ въ домахъ евро-
пейская мебель и зеркала, да и то только въ парадныхъ
комнатахъ, больше на показъ, чѣмъ для потребности. Зад-
няя изба назначается для работы и содержится вообще чер-
ною; здѣсь въ окнахъ, даже у достаточныхъ людей, вмѣсто
стеколъ часто вставлены коровьи пузыри. Даже и у небо-
гатыхъ людей въ маленькихъ избахъ за печкой всегда остав-
ляется небольшой уголь, гдѣ сидятъ, когда бываютъ го-
сти, за занавѣской хозяйка.

Большинство татаръ нельзя, однакожъ, похвалить за чи-
стоту и опрятность, хотя съ виду и кажется въ татарской
избѣ все чистымъ: печь бѣлая, полъ у мало-мальски исправ-
наго татарина покрытъ незатѣйливымъ ковромъ или цы-
новкою; но при этой обстановкѣ обратная часть медали
кажется еще темнѣе: безпрестанно случается, что въ одной
и той же посудѣ стирается грязное бѣлье и подается ку-
шанье. Чистоплотности отъ татаръ можно бы, казалось,
ожидать вслѣдствіе частыхъ омовеній, предписываемыхъ
закономъ; но на дѣлѣ не то: ясное доказательство неопрят-
ности татаръ заключается въ томъ, что у нихъ чаще, чѣмъ
у другихъ племенъ, здѣсь живущихъ, встрѣчаются разныя
накожныя болѣзни, порождаемыя неопрятностію.

Одежда у татаръ восточная, а на востокѣ не придержи-
ваются въ покроѣ одежды формы, указываемой самою при-
родою, т. е. конструкціи человѣка. Тамъ чѣмъ одежда шире,
тѣмъ лучше. Голая выбритая голова татарина непременно
покрыта ермолкой; муллы, мудериссы (профессора) и хаджи,
т. е. совершившіе путешествіе въ Мекку, носятъ, сверхъ
того, бѣлую чалму. Рубашка татарская длинная, бѣлая,
холщевая, или же изъ синей крашеины. Штаны широкіе,
длинные, зауженные концами въ сапоги или подъ онучу.
На ногахъ носятъ, большею частію, лапти, и только город-
скіе, да живущіе по Волгѣ и Камѣ обуваются въ сапоги.
Сверхъ тубитейки, смотря по времени года, надѣвается:

зимой—бѣлая поярковая шляпа, лѣтомъ—малахай, невысокая шапка въ видѣ конуса изъ бѣлаго войлока. Поверхъ рубашки надѣваютъ безрукавый камзолъ или зилань, доходящій до колѣнъ и спитый обыкновенно изъ зеленой или желтой нанки, а у богатыхъ изъ пестрой шелковой или полупелюшковой канфы; затѣмъ пропорціонально степени мороза идутъ—халатъ, подпоясанный гаруснымъ или шелковымъ кушакомъ, и, наконецъ, шуба. Казанскіе татары купцы носятъ обыкновенно поверхъ зилана нанковый или суконный кафтанъ, похожій покроємъ на русскій купеческій, за пазухой всегда шелковый платокъ. Эта скромная одежда отличается у богатыхъ только тѣмъ, что сукно тоньше и кафтанъ вообще опрятнѣе. Но за то они носятъ много цѣнныхъ аксессуаровъ: кольца съ алмазами, толстыя золотыя цѣпи, опоясываются ремненнымъ поясомъ, во всю длину украшеннымъ массивными серебряными, разнообразной формы, бляхами, которыя какъ знаки зодіака, схватываютъ дородную талію какого-нибудь креза; богачи, сверхъ того, щеголяютъ ермолками, вышитыми золотомъ и жемчугомъ, — шапками, опушенными дорогимъ бобримъ.

Татарка любитъ наряжаться, какъ и всякая женщина, если не въ большой степени: русская баба, даже и зажиточной семьи, преспокойно ходитъ въ крашенинномъ сарафанѣ безъ прикрасъ; у татарки же обыкновенная ея одежда длинная до пятъ, ситцевая рубашка всегда съ яркими оборочками и разнообразными прикрасами. Обкладки и уборы по подолу непременно находятся у каждой, какъ ни была бы груба и дешева рубашка, и какъ ни стара была бы женщина. Послѣ рубашки непременная принадлежность костюма — нагрудникъ съ позументами, унизанный серебряными монетами. Подъ рубашкою носятъ шальвары, но не всѣ и не всегда. Самая верхняя одежда — зилань; вмѣсто зиланя теперь впрочемъ чаще носятъ просто халатъ изъ парчи, шелковой матеріи или изъ китайки съ длинными сѣуживающимися къ концамъ рукавами. Халатъ накидывается на голову и служитъ такимъ образомъ вмѣсто чадры;

на голову бѣдныя повиваютъ узорчатыя по концамъ полотенца, а у богатыхъ есть шелковые колпаки въ видѣ повязки съ дорогою бахрамою, позументами и драгоценными камнями, или бархатныя шапочки, отороченныя соболемъ; обувь составляютъ ичеги, вышитыя шелками или золотомъ, и тонкія полотенца, въ которыя обвертываютъ ноги; бѣдныя носятъ лапти и онучи; послѣднія дѣлаются иногда изъ козлиной кожи. Богатыя женщины носятъ, кромѣ того, много украшеній, ожерелья, серьги, браслеты, въ косу вплетаютъ монеты, на каждый палецъ надѣваютъ золотыя кольца — съ камнями, на лѣвое плечо — богато украшенную камнями и монетами перевязь; въ концѣ перевязи есть маленькій карманъ, куда кладется мелко написанный Алкоранъ.

Гастрономическій вкусъ татаръ—все мучнистое, все жирное и сладкое. Небѣдныя татары чаще ѣдятъ лапшу, пельмени; тѣ же, которыя не имѣютъ состоянія, какъ-то поселяне, варятъ муку въ водѣ съ солью (толканъ) и ѣдятъ это утромъ вмѣсто чая, а за обѣдомъ салму (мучныя шарикки, иногда съ мясомъ разваренные въ водѣ,) лепешки изъ гречневой муки; вечеромъ опять варятъ болтушку; по праздникамъ лакомятся лошадинымъ мясомъ или бараниной. Самый общительный татаринъ не станетъ съ русскимъ ѣсть мяса; надо, чтобы животное было заколото татаринномъ, который, перерѣзывая горло, произноситъ молитву (бисъ-миляхъ) «во имя Божіе.»

Часто случается, что, приходя въ русскій трактиръ, татаринъ приноситъ съ собой курицу, кусокъ говядины и отдаетъ ее жарить или тутъ же самъ закалываетъ птицу съ бисъ-миляхъ. Дома богатые татары ѣдятъ, кромѣ сказанныхъ блюдъ, пироги съ зелеными огурцами, жаркое, сухіе плоды, съ чаемъ жирныя лепешки. Татары, живущіе въ городѣ Казани, не ѣдятъ почти совсѣмъ конины. Это невкусное кушанье въ употребленіи только у сельскихъ татаръ, которымъ на убой обыкновенно продаютъ старыхъ, едва живыхъ лошадей. До чаю всѣ вообще татары страст-

ные охотники; быть можетъ, это потребность желудка послѣ ихъ жирныхъ обѣдовъ; но замѣчательно, что пристрастіе къ чаю и ко всему сладкому не уничтожаетъ въ нихъ, какъ въ русскихъ крестьянахъ, склонности къ вину; не смотря на заповѣдь пророка и запрещенія муллы, татаринъ любитъ выпить, оправдываясь тѣмъ, что пьетъ не вино, а бальзамъ (по просту ерофеичъ, т. е. настой травъ на винѣ.) Подъ этой вывѣской есть въ Казани татарскій кабакъ; впрочемъ они не стѣсняются заходить и въ русскій. Любопытна сура, которую говоритъ магометанинъ въ доказательство того, что онъ не пьянъ. «О вы, невѣрующіе! Я не почитаю того, что вы почитаете, и вы не почитаете того, что я почитаю, и я не буду почитать то, что вы почитаете, и вы не будете почитать то, что я почитаю. Вы имѣете свою религію, а я имѣю свою религію.» Послѣ этого вѣрно многіе прибавляютъ: «а пить будемъ вмѣстѣ.» Татары, какъ вообще всѣ восточные жители, очень гостепріимны, и первое угощеніе—чай; они готовы утопить въ чаѣ гостя; есть разсказы о невѣроятномъ количествѣ чая, вливаемомъ въ татарскіе желудки,—разсказы, затмѣвающіе собою также знаменитый въ этомъ родѣ русскій купеческій желудокъ.

Трактирная жизнь татарину очень по сердцу: въ этомъ, можетъ быть, проявляется любовь восточнаго жителя къ кофейнямъ. Въ трактирѣ татаринъ обыкновенно выпиваетъ нѣсколько рюмокъ бальзаму и множество бутылокъ пива. Выпить въ теченіе дня 10—15 бутылокъ у татарина не считается гастрономическимъ подвигомъ; за пивомъ распѣваетъ онъ свои пѣсни или слушаетъ органъ, куритъ табакъ, а у себя въ домѣ курить не позволяется. Пьяные татары не такъ скоро ссорятся, какъ русскіе; за то ужъ если драка случится, то унимается она не скоро.

Не всегда и старики татары становятся умѣреннѣе въ пищѣ, питьѣ и прочихъ обыкновенно затѣмъ слѣдующихъ наслажденіяхъ: богатые татары очень часто заходятъ въ кондитерскія пить шоколадъ съ огромнымъ количествомъ ванили. Невоздержность въ пищѣ и ея качествахъ про-

изводятъ то, что татары преимущественно страдаютъ болѣзнями живота и печени.

Какъ земледѣлецъ, татаринъ стоитъ не очень высоко, — гораздо ниже русскаго, а тѣмъ болѣе чуваша. Во многихъ татарскихъ селеніяхъ, особенно расположенныхъ къ востоку отъ Казани, татары вовсе не занимаются земледѣліемъ: они сдаютъ свои земли русскимъ, чувашамъ или вотягамъ въ годовое владѣніе за деньги или изъ половины.

Татаринъ — достойный потомокъ древнихъ болгаръ: его стихія — торговля. Земледѣлія онъ не любитъ; лишь только зеведется у него хоть небольшой капиталъ, онъ сейчасъ же пускается въ торговлю. По своей смѣтливости, расторопности и небольшой совѣстливости, многіе изъ татаръ быстро обогащаются. Послѣднее условіе относится больше къ незначительнымъ торговцамъ, большіе же торговые дома, напротивъ, ведутъ свои дѣла вполне добросовѣстно, обладаютъ знаніемъ и готовностію покинуть рутину; — первый высказавшій мысль о необходимости въ Казани биржи для правильнаго хода торговыхъ дѣлъ былъ татаринъ. Татары вообще хитры, плутоваты, по природѣ весьма наклонны къ воровству. Въ судебныхъ мѣстахъ по уголовнымъ дѣламъ попадаетъ болѣе татаръ, чѣмъ другихъ племенъ, живущихъ въ Казанской губерніи.

Татары получаютъ образованіе почти исключительно черезъ своихъ муллъ. Муллы учатъ дѣтей не только въ городахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ за ничтожную плату. Мальчикъ выучивается арабскому языку и изучаетъ Коранъ. Татаринъ отдаетъ сына въ ученіе, когда тому минетъ 7 или 8 лѣтъ. Курсъ продолжается по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ. Въ теченіе этого времени учитель обыкновенно объясняетъ своимъ ученикамъ разныя татарскія книги, издаваемые въ Казани, болшею частію изъясненія на Коранъ въ стихахъ и прозѣ, знакомить и съ нѣкоторыми гражданскими книгами, какъ-то: «наставленіе къ торговлѣ» Мухаметъ-Эфенди и проч. Тѣ мальчики, которые готовятся въ муллы, оканчиваютъ иногда свое образованіе

въ Бухарѣ. Кромѣ арабскаго языка, необходимаго татарину, чтобы разумѣть Алкоранъ, а также чтобы щеголять высокимъ и ученымъ слогомъ, который состоитъ въ прибавленіи арабскихъ словъ къ татарскимъ, татары занимаются персидскимъ и бухарскимъ языками, необходимыми для торговыхъ сношеній съ восточными народами. Учитель и вмѣстѣ мулла не живетъ въ училищѣ, а для надзора избираетъ одного изъ лучшихъ учениковъ. Ученье идетъ круглую недѣлю, начинаясь каждый день съ разсвѣтомъ, и только въ четвергъ въ полдень до утра субботы оно прекращается.

Вообще первая ступень образованія—грамотность достаточно распространена между татарами: мало найдется даже женщинъ, которыя бы не умѣли читать и писать. Татаринъ, не знающій грамоты, презирается своими соплеменниками и какъ гражданинъ не пользуется уваженіемъ. Въ 1802 году основана въ Казани татарская типографія, въ которой печатаются на восточныхъ языкахъ книги въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Русскихъ книгъ на татарскій языкъ почти не переводятъ; въ теченіе всего этого времени переведены нѣкоторыя по распоряженію начальства, какъ на примѣръ: объ оспопрививаніи, о мнимо-умершихъ, и т. п.

Татары имѣютъ свою литературу, впрочемъ небогатую. Фуксъ говоритъ, что молодые татары болѣе заняты торговлею и заводами, чѣмъ умственною дѣятельностію. Для примѣра, приводимъ одну татарскую пѣсню помѣщенную въ переводѣ Фукса въ его сочиненіи: «О казанскихъ татарахъ.»

«Разсвѣтъ-ли, разсвѣтъ-ли теперь? Видитъ-ли кто-нибудь разсвѣтъ теперь? Ждетъ-ли кто-нибудь друга, какъ я жду ее?»

«Сколько велика Волга, сколько пространства протекаетъ она, сколько Іосифъ любилъ Зюлейку, столько люблю я тебя.»

«Брови твои черны, какъ цвѣтъ чернилъ Корана; твой

рость красивъ, красота твоя совершенна; меня съ тобою и тебя со мной соединить-ли когда-нибудь Господь?

«Я сидѣлъ подъ деревомъ, когда оно было увѣнчано цвѣтами: я дремалъ подъ тѣнью его и ты была предметомъ моего сновидѣнія.

«Я составилъ бѣлую книгу и посвятилъ ее имени моей возлюбленной; единъ Богъ можетъ знать, сколько я люблю ее.

«Подобная тебѣ красавица рѣдко можетъ родиться: нерожденіе человѣка ты, ты—упадшая съ небесъ.

«Свѣтъ намъ приносятъ солнце и луна: ты свѣтлѣе ихъ; только развѣ гуріи восьми раевъ могутъ поспорить съ тобою.»

Мусульманинъ разомъ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ, но очень немногіе и изъ богатыхъ татаръ имѣютъ болѣе двухъ законныхъ женъ, а бѣдные болѣе одной.

Сватъбы татаръ обыкновенно устраиваются черезъ свахъ. По закону запрещено жениху видѣть невѣсту прежде, чѣмъ она сдѣлается его женою. Но этотъ суровый законъ не соблюдается; сваха всегда доставитъ случай тайкомъ видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ. Послѣ такого смотрѣнія посылается съ предложеніемъ сваха, а положительный отвѣтъ объявляется обыкновенно при первомъ посѣщеніи жениха. Въ случаѣ согласія, тотчасъ же договариваются о калымѣ. Калымъ платится по состоянію; въ Казани у богатыхъ татаръ онъ доходитъ до 1,000 руб. сереб.; половина калыма платится при помолвкѣ; на эти деньги невѣста дѣлаетъ приданое; другая половина послѣ сватъбы удерживается родителями невѣсты на случай развода. Разводъ дозволенъ Кораномъ; для этого нужно только взять у муллы разводное письмо. При этомъ, если мужъ бросаетъ жену, то весь калымъ остается въ ея пользованіи; если же жена захочетъ развестись, то возвращаетъ половину, выданную ей при помолвкѣ.

Мужъ, удалившій жену, обязанъ давать ей содержаніе въ теченіе 4¹/₂ мѣсяцевъ. По смерти его, жена, съ кото-

рою онъ развелся, имѣеть право на получение $\frac{1}{8}$ части имѣнія.

Со дня помолвки женихъ ежедневно посылаетъ своей невѣстѣ подарки, смотря по достаткамъ: наряды, вещицы изъ серебра и золота и проч. Въ день же свадьбы непремѣнный подарокъ—кадка меду и кадка топленого коровьяго масла для свадебнаго пира, который тѣмъ и начинается, что подаютъ на блюдахъ медъ и масло; гости на хлѣбъ намазываютъ того и другаго и ѣдятъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Свадебные пиры назначаются за недѣлю до брака и бываютъ ежедневно по очереди у родныхъ жениха и невѣсты; одинъ день собираются женщины, (*) а другой мужчины. Всѣ эти праздники и пиры чрезвычайно скучны и продолжительны, особенно собранія женщинъ, которыя, нарядившись съ возможною роскошью, усаживаются, поджавъ ноги на ковры, разостланные по полу, смотрятъ другъ на друга, бесконечно говорятъ о нарядахъ и при всемъ этомъ ѣдятъ съ волчьимъ аппетитомъ. Пиръ впрочемъ только и состоитъ въ непрерывной ѣдѣ; но не даромъ обходится это угощеніе: каждая пріѣхавшая гостья должна подарить что-нибудь невѣстѣ, если, впрочемъ, она имѣеть на это средства; бѣдныя, напротивъ, разрядившись въ чужое платье, пріѣзжаютъ на эти пиры и сами получаютъ денежные подарки. По осмотрѣ подарковъ начинается угощеніе: чай, разныя сласти и ужинъ, открывающійся знаменитымъ медомъ и масломъ: затѣмъ слѣдуютъ пироги, пилавы, жаркія и пирожныя — всего до 20-ти блюдъ, всѣ прежирныя, и ни одно блюдо не пропускается. Такіе пиры длятся по десяти и болѣе часовъ. Подобнымъ образомъ пируютъ и мужчины и точно такъ же начинается свадебный обрядъ. Поужинавши, татары начинаютъ на разные тоны откашливаться; это значитъ, что гости сыты и благодарятъ хозяина; потомъ встаютъ и на разостланную скатерть

(*) Невѣста не участвуетъ на пирахъ, и женихъ со времени помолвки не ходитъ въ домъ невѣсты.

кладуть деньги для невѣсты. Сборъ этотъ называется «щербетомъ,» оттого, что встарину онъ клался въ кубокъ съ щербетомъ и отдавался невѣстѣ. Этотъ подарокъ относить отецъ и, возвратясь, говорить, что дочь его деньги приняла, или, другими словами, согласна на замужество; тогда мулла спрашиваетъ о томъ же у жениха, а о калымѣ у отца, и вслѣдъ за этимъ начинаетъ молитву.

Молитва во время вѣнчанія (хютбе:) «Хвала Богу, облагодетворившему насъ способностію говорить и изъясняться, удостоившему насъ красотою рѣчи и вліяніемъ слова. Онъ, Всевышній, создалъ все на пользу человѣка. Онъ запретилъ все, что не полезно, и разрѣшилъ все, что полезно. Онъ предписалъ намъ сочетаніе бракомъ и запретилъ развратъ. Онъ, Всевышній, говорить (въ Алкоранѣ:) берите собѣ въ супружество изъ женщинъ таковыхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ, по три или по четыре. О Вѣчноблагодатный! намъ принадлежитъ воздаяніе благодарности Тебѣ за милости Твои! О Руководитель всецѣдный! На насъ лежитъ долгъ признательности за дары супружескіе! Путеводительствуй насъ, Господи, къ довольству и совершенству и запечатлѣй всѣ наши дѣянія твоимъ совершенствомъ. Мы свидѣтельствуемъ, что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха—единого, безтоварицнаго, и что МахOMETъ Его рабъ и посланный, одаренный всѣми превосходствами предъ смертными. Да будетъ благословіе Божіе надъ лучшимъ изъ Его твореній—Магометомъ, посланнымъ отъ Бога съ чудесами, и надъ его семействомъ, святыней, освящающей истину. Богъ, направляя насъ на путь истины—на исламъ, опредѣлилъ супружество границею между дозволеннымъ и запрещеннымъ. Такъ говорить пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословіе Божіе: супружество есть мой суннетъ; кто отвергаетъ мой суннетъ—не принадлежитъ мнѣ. Женящійся есть любящій, взятая въ замужество—любима, а калымъ между ними долженъ быть на основаніи обоюднаго согласія. Благослови чету, испроси милосердіе и благо Господне, ибо Онъ все-милосердый и милостивый!»

Затѣмъ мулла говоритъ: «По повелѣнію Бога небесъ и міровъ, Творца свѣта и тьмы, и по суннету великаго пророка Магомета-Мустафы, да будетъ благословеніе Бога надъ нимъ и надъ всѣмъ его семействомъ по правиламъ секты имама Азима и по согласію имама Абу-Юсуфа-Алкази, и имама Магомета, сына Аль-Хасана, и прочихъ имамовъ, при свидѣтельствѣ присутствующихъ знатныхъ особъ, при согласіи обѣихъ сторонъ и при столькихъ-то руб. калыма, такой-то (отецъ невѣсты) соглашаешься-ли выдать свою законную дочь, давшую на то довѣренность (отцу или родственникамъ,) тому-то въ замужество по правиламъ мусульманскихъ вѣроисповѣданій за такого-то, сына такого-то?» Отвѣтъ: «Согласенъ—выдаю.»—«Ты, такой-то (отецъ жениха) довѣренный со стороны (*) сына своего, соглашаешься-ли взять такую-то, дочь такого-то, при такомъ-то количествѣ калыма — въ законное замужество за своего сына?» Отвѣтъ: «Согласенъ, беру.» Послѣ этого бракъ считается освященнымъ.

Новорожденному ребенку на третій или четвертый день даетъ имя мулла. Родильницу навѣщаютъ женщины, приносятъ ей при этомъ на зубокъ деньги, какъ у русскихъ, да сверхъ того чаю и сахару, сколько кто можетъ, а новорожденному даютъ рубашки. На 4-мъ или 6-мъ году (**) малютку обрѣзываетъ мулла; при этомъ читается Алкоранъ.

Когда татаринъ сильно занеможетъ, то призываютъ муллу; онъ читаетъ 36-ю сурю изъ Алкорана (о воскресеніи мертвыхъ.) Когда муллы нѣтъ, то это же дѣлаетъ какой-нибудь

(*) Ни женихъ, ни невѣста не могутъ присутствовать при обрядѣ; поэтому отцы ихъ при свидѣтеляхъ служатъ довѣренными лицами для совершенія бракосочетанія и къ нимъ уже адресуются какъ къ самимъ жениху и невѣстѣ, если же нѣтъ отцевъ, то мѣсто ихъ занимаютъ ближайшіе родственники или хорошіе знакомые.

(**) Только не въ четный годъ, иначе, по предрасудку татаръ, ребенокъ долженъ преждевременно умереть.

старикъ или старуха. (*) Умершаго кладутъ на столъ ногами въ ту сторону, гдѣ Мекка. Тѣло закрываютъ тремя покрывалами; мулла читаетъ Алкоранъ (67-ю суру.) Татары долго тѣлъ покойниковъ не держатъ, всего только 12-ть часовъ, и русскій трехъ-дневный законъ въ этомъ случаѣ весьма часто не соблюдается, не смотря на то, что на татарскій языкъ переведены брошюры «О летаргіи.» Покойника выносятъ на кладбище на лубкѣ; передъ мечетями останавливаются и читаютъ коротенькую молитву.

Въ могилѣ выкапывается ниша или устраивается сводъ, куда и кладутъ трупъ въ саванѣ на правый бокъ лицомъ къ Меккѣ. Въ день погребенія родные не употребляютъ ни пищи, ни питья. По прошествіи трехъ дней, мулла, знакомые, родственники приглашаются на обѣдъ; то же бываетъ въ 7-й, 40-й день и черезъ годъ. Поминанія состоятъ въ томъ, что мулла ежедневно и даже по нѣскольку разъ читаетъ на дому Алкоранъ, что продолжается 6 недѣль, такъ же какъ и раздача милостыни. На могилахъ татары ставятъ памятники: бѣдные — простые четырехъ-угольные срубы, родъ домиковъ изъ дерева или камня; надъ могилой сажаютъ березки; у богатыхъ тутъ же становятся камни съ надписями. Эти надписи на арабскомъ языкѣ и всегда начинаются и оканчиваются воззваніемъ къ Богу, напримѣръ:

«Онъ вѣченъ и безсмертенъ! Все, что живетъ, должно вкушать смерть»....

«Мы принадлежимъ къ Богу и къ Нему возвращаемся. Въ смерти много ученія»....

Татары строго соблюдаютъ *Рамазанъ*—мѣсячный постъ; но постъ этотъ боится только солнца; ночью же, при свѣтѣ благосклонной луны, татары наѣдаются и напиваются до-сыта. Тотчасъ по закатѣ солнца казанскіе татары тол-

(*) Во время чтенія отходной умирающаго постоянно окликаютъ съ тѣмъ, чтобы напоминать ему, что онъ достоинъ повторять, если можетъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога Магомета, его пророка.»

нами идутъ въ трактиры. Больнымъ и находящимся въ дорогѣ разрѣшается поститься въ другое время или вмѣсто поста кормить бѣдныхъ. Для земледѣльческаго класса этотъ постъ, когда онъ приходится въ рабочую пору, бываетъ крайне изнурителенъ. Въ знойный лѣтній день пахарь не смѣетъ освѣжить себя глоткомъ воды, или сколько-нибудь подкрѣпить силы пищею. Ночь съ 26-го на 27-й день поста (Алкадръ) считается мусульманами особенно торжественною, потому что въ нее, по преданію, данъ былъ Алкоранъ и, по ихъ вѣрованію, ангелы въ это время сходятъ на землю для исполненія Божескихъ предопредѣленій. Самый постъ установленъ въ память дарованія правовѣрнымъ Корана. Въ 27-й же день, то есть въ конецъ рамазана, (*) бываетъ праздникъ — *Байрамъ*. Кромѣ молитвы, этотъ день чтится раздачею милостыни. Милостыня раздается двояко: явно и тайно; послѣдняя особенно заповѣдана магометанамъ. По закону своему, магометанинъ долженъ отдать бѣднымъ, какимъ бы то ни было образомъ, $\frac{1}{10}$ часть своего имѣнія; но здѣшніе татары не считаютъ при опредѣленіи этого процента недвижимаго имущества.

Курбанъ, или праздникъ жертвоприношенія, бываетъ всегда 10-го числа послѣдняго мѣсяца (Зулькада.) Празднество начинается моленіемъ и оканчивается хорошимъ обѣдомъ, для котораго въ жертву приносятъ овецъ и коровъ; при этомъ жертвенное животное, положенное головой къ Меккѣ, закалывается непременно хозяиномъ дома, кто бы онъ ни былъ.

Этими двумя праздниками оканчиваются религіозныя торжества татаръ. Религія ихъ обязываетъ еще совершать странствованія въ Аравію — въ Мекку. Богатые казанскіе татары ежегодно туда отправляются черезъ Москву и Одессу. Поклоненіе это обходится имъ не менѣе 1,000 руб. сер.

(*) Случается, что этотъ день празднуется позже, оттого что никто не видитъ новой луны, а календарямъ татарскіе ахуны, какъ видно, не вполне довѣряютъ.

Побывавшіе въ Меккѣ пользуются особымъ уваженіемъ; за городомъ еще встрѣчаютъ здѣшніе татары возвращающагося изъ святаго путешествія.

Общественные праздники слѣдующіе: Сабанъ и Джуюнъ. Сабанъ (илугъ) праздникъ весны и земледѣлія. Въ деревняхъ его отправляютъ, какъ лишь сойдетъ снѣгъ съ полей; въ Казани позже, когда вода сойдетъ съ луга (на берегу озера Кабана,) на которомъ обыкновенно справляется этотъ пиръ. На сабанъ собираются татары для игръ — борятся, скачутъ, бѣгаютъ въ обгонку. Въ числѣ не только зрителей, но и участниковъ бываетъ много русскихъ. Женщины татарскія, закутанныя въ свои халаты, смотрятъ на сабанъ издали; аристократки же ихъ даже и не вѣдятъ. Но за то богатые татары и татарки посѣщаютъ балы, маскарады, театры; (*) но выносятъ-ли они изъ театра живое впечатлѣніе и добрую мысль?... Едва-ли.... Они черезчуръ отторгнуты отъ нашей жизни и ея интересовъ. Казанскіе татары городскіе всѣ хорошо знаютъ по-русски, но татарка, знающая нашъ языкъ, — большая рѣдкость. Русскому языку они не учатся, а узнаютъ его только изъ ежедневныхъ сношеній съ русскими. Христіанъ почитаютъ нечистыми за то, что у нихъ есть образа и они вѣдятъ мясо свиньи, питающейся всякой падалью. Богослуженіе наше, по ихъ понятіямъ, заключается только въ колокольномъ звонѣ и поклоненіи иконамъ, носимымъ по улицамъ. Молодые татары иногда заходятъ въ кирку, вѣроятно, слушать органъ и странные татарскому горлу звуки нѣмецкаго языка.

Изъ всего сказаннаго видно, что русскій элементъ мало коснулся татаръ. Масса татарскаго народа по своей грамотности стоитъ въ образованіи выше русскихъ, но это не касается купцовъ и мѣщанъ казанскихъ, которые въ этомъ отношеніи ниже русскихъ тѣхъ же классовъ, потому что

(*) Женщины сидятъ въ ложахъ съ занавѣсками подъ газовыми покрывалами.

до сихъ поръ Коранъ *удерживаетъ татаръ на первой ступени образованія, на грамотности.

Коранъ налагаетъ на своихъ исповѣдниковъ печать отчужденія отъ христіанскихъ обществъ и христіанской образованности. Поэтому казанскіе татары мало участвуютъ въ общественной жизни русскихъ: ихъ не занимаютъ, не интересуютъ вопросы, дорогіе каждому русскому. Даже въ экономическомъ бытѣ татаръ проглядываетъ также особенность, не смотря на то, что мѣсто жительства должно было бы, кажется, связывать ихъ интересами общими, т. е. русскими. Важнѣйшіе и вліятельнѣйшіе татары по связямъ и по состоянію живутъ въ самой Казани, гдѣ поселились отдѣльно и составляли до послѣдняго времени свое городское общество. Небогатые сельскіе обыватели находятся еще въ большемъ соприкосновеніи съ господствующимъ народонаселеніемъ и тѣстѣе связаны съ нимъ въ своихъ интересахъ; но богатые и по торговымъ своимъ дѣламъ и связямъ держатся больше средне-азіатскихъ государствъ и вообще востока. Не говоря уже о Коранѣ, который такъ рѣзко отдѣляетъ татаръ отъ русскихъ какъ въ семейномъ, такъ и гражданскомъ бытѣ, и историческія воспоминанія татаръ, время ихъ политической самостоятельности, не могли исчезнуть въ три вѣка совершенно безслѣдно. Эти воспоминанія какъ ни слабы, какъ ни безсильны, но въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, однакожь, высказываются и проявляются. Хотя, напримѣръ, въ войну 1854—1856 годовъ, въ татарскомъ народѣ ходилъ говоръ, что вотъ явится турецкій султанъ на помощь и возстановитъ Казанское царство. Малая привязанность татаръ къ державѣ русской высказалась въ это время въ равнодушіи и холодности ихъ на призывъ правительства содѣйствовать общему благу. Укажемъ въ этомъ случаѣ, напримѣръ, на слѣдующій фактъ: въ наборы 1855 года въ одномъ Мамадышскомъ уѣздѣ, изъ принятыхъ рекрутъ, бѣжало до 200 человекъ. Нѣкоторые изъ бѣглыхъ были покровительствуемы казанскими богачами татарами, которые на свой счетъ старались отправлять ихъ

въ Бухару. Бѣглецы—рекруты, на вопросъ о причинѣ побѣга, обыкновенно отвѣчали, что сражаться съ своими едино-вѣрцами противно ихъ совѣсти.

Чуваши. Между инородцами Казанской губерніи самый многочисленный народъ послѣ татаръ—чуваши. Общее число чувашъ въ Россіи довольно велико: около 570,000 душъ обоего пола; они живутъ въ четырехъ губерніяхъ: наибольшее число ихъ въ Казанской губерніи (330,000.) потомъ въ Симбирской, Оренбургской и Саратовской. По мѣсту жительства чуваши раздѣляются на верховыхъ, — которые живутъ въ Ядринскомъ, Козьмодемьянскомъ и Чебоксарскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, и низовыхъ — живущихъ въ остальныхъ уѣздахъ и другихъ губерніяхъ.

Вопросъ о племенномъ происхожденіи чувашей подверженъ спорамъ: одни полагаютъ, что они принадлежатъ къ финскому племени, что языкъ ихъ есть финское нарѣчіе, образовавшееся подъ вліяніемъ тюркского и славянскаго языковъ. Другіе же считаютъ его чисто тюркскимъ нарѣчіемъ съ примѣсю словъ арабскихъ и персидскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чувашскій языкъ имѣетъ много словъ, которыя или совершенно сходны съ татарскими, или только разнятся въ окончаніяхъ, либо въ начальныхъ звукахъ. Въ пользу послѣдняго мнѣнія важнѣйшимъ доказательствомъ служить еще сходство грамматическихъ формъ татарскаго и чувашскаго языковъ; такъ напр. чувашскій языкъ, какъ и всѣ турецкія нарѣчія, не имѣетъ родовъ, отрицательная частица не ставится въ срединѣ глагола, имена прилагательныя, придаваемые къ существительнымъ, не измѣняются въ своихъ окончаніяхъ и проч.

Новѣйшія изысканія объ этомъ вопросѣ подтверждаютъ послѣднее мнѣніе, не отвергая, что въ языкѣ чувашей видно присутствіе вліяній разныхъ народовъ: это объясняется географическимъ положеніемъ ихъ, т. е. сосѣдствомъ съ черемисами, мордвою и проч. и вообще политическою судьбою этого народа.

Имя чувашъ не встрѣчается у русскихъ лѣтописцевъ

ранѣ 1551 года; объ немъ не упоминаютъ также и арабскіе писатели, которымъ такой многочисленный народъ не могъ быть неизвѣстенъ; поэтому полагаютъ, что чуваша въ старину извѣстны были подъ другимъ именемъ.

Въ древности на той мѣстности, по которой нынѣ разсѣяны чуваша, обитали три народа: болгары, хазары и буртасы. Положительныхъ доказательствъ о тождествѣ котораго-нибудь изъ нихъ съ нынѣшними чувашами нѣтъ; нѣкоторые ориенталисты думаютъ впрочемъ, что чуваша и буртасы одинъ и тотъ же народъ. Свѣдѣнія о буртасахъ весьма скудны. По словамъ арабскихъ и персидскихъ писателей, буртасы жили на правомъ берегу Волги, между хозарами и болгарами, въ нынѣшнихъ Симбирской и Саратовской губерніяхъ, у нихъ было два города: Буртась и Сиварь. Народъ этотъ былъ полукочевой; зиму проводили буртасы въ деревянныхъ домахъ, а лѣтомъ на кочевьяхъ; они были хорошіе земледѣльцы и звѣроловы. Буртасы славились грабежемъ и страшнымъ варварствомъ; на примѣръ, у нихъ существовалъ слѣдующій странный обычай, извѣстный, впрочемъ, въ Хорасанѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Средней Азіи: избранному въ цари туго сдавливали поясомъ горло и спрашивали, сколько лѣтъ хочетъ онъ царствовать, и ежели онъ жилъ болѣе, чѣмъ сказалъ, то его тотчасъ убивали. Изъ этихъ краткихъ свѣдѣній о буртасахъ, однакожъ, видно: 1) что чуваша частію и до нынѣ живутъ въ буртасской землѣ; хотя большая ихъ часть и отодвинулась къ сѣверу, но это случилось въ XIII вѣкѣ, когда въ эту мѣстность нахлынули монголы и заставили ихъ укрываться въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ потомъ этотъ народъ и одичалъ; 2) въ словахъ буртась (жить, быть осѣдлымъ) и сиварь (сивырь отъ сиварсь — спать, отдыхать) — корень чувашскій; 3) быть можетъ также, что названіе чувашъ произошло просто отъ какого-нибудь родоначальника; подобныхъ странныхъ именъ у нихъ много: Тумашъ, Бурнашъ, Кубасъ, Чурасъ, Кудашъ и проч. Названія эти и до сихъ поръ сохранились въ деревняхъ Ядринскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ. Русскіе въ

отдаленное время, кажется, называли иногда чувашей буртасами: и по настоящее время существуют въ Казанской губерніи нѣсколько сель, подъ названіемъ Буртасы (въ Цивильскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ.)

Сами чувашаи о происхожденіи своемъ не имѣютъ рѣшительно никакого понятія; ихъ преданія весьма безтолковы и нисколько не могутъ навести на мысль объ ихъ прошедшемъ; ихъ историческія знанія не только что вздорны, но и бѣдны: на примѣръ, только образованнѣйшіе изъ нихъ знаютъ о всемірномъ потопѣ, о смѣшеніи языковъ, коихъ насчитываютъ 77, и изъ нихъ только шесть: татарскій, чувашскій, русскій, черемисскій, мордовскій и калмыцкій считаютъ заслуживающими вниманія; а затѣмъ въ ихъ преданіи живетъ, что они были подъ властію татаръ; сбивчиво толкуютъ о взятіи Казани и о Пугачевскомъ бунтѣ.

Монгольскія черты лица въ чувашахъ хотя не такъ ясны, какъ у татаръ, но все-таки даютъ особый складъ лицу чуваша: покатыи нѣсколько назадъ лобъ, выдающіяся скулы и разрѣзъ глазъ составляютъ самыя крупныя особенности. Тѣлосложеніе чуваша не обнаруживаетъ въ немъ большой физической силы: большею частію чувашаи небольшого роста, сухощавы и апатичны; лица ихъ блѣдны, не имѣютъ вовсе живыхъ красокъ, такъ что вообще чувашаи некрасивы; между мущинами еще попадаются изрѣдка недурныя лица; некрасивы же собою особенно женщины. Онѣ такъ сложены, что сразу не отличишь женщину отъ мущины? Говоря вообще о физическихъ свойствахъ чувашей, нельзя не указать на нѣкоторыя причины слабости ихъ силъ, а именно: 1) ранняя женитьба мущины и поздняя женщины; отъ этого происходитъ значительная непропорціональность въ лѣтахъ мужа и жены: послѣдняя обыкновенно бываетъ лѣтъ на 5 старше мужа; въ такихъ бракахъ участвуетъ расчетъ не отдавать изъ хозяйства по возможности дольше прилежную работницу; 2) физическія труды, несоразмѣрные съ организаціею женщины, также ослабляютъ ея силы; наконецъ, 3) не можетъ остаться безъ вліянія на физическое развитіе

этого народа и то, что чувашаи живутъ неопратно, въ весьма дурныхъ помѣщеніяхъ, и употребляютъ преимущественно мучнистую пищу.

Одежда почти сходна съ русскою; различіе лишь покроя рубахъ и женскій головной уборъ.

У чувашекъ рубашки всегда бываютъ вышиты разноцвѣтными шерстями или бумагою по подолу, вокругъ шеи и около груди; у незамужнихъ нагруді одна вышивка, на подобіе креста съ вѣнкомъ, а у замужнихъ двѣ. Покрой кафтана, который носится и мужчинами и женщинами, одинаковъ съ русскимъ, цвѣта бѣлаго, сѣраго или темно-коричневаго; онучи черныя и очень толстыя, такъ что ноги ихъ имѣютъ совершенно форму бревень: таковъ вкусъ чувашей и чувашекъ—такія толстыя ноги имъ очень нравятся. Чувашаи, какъ мужчины такъ и женщины, носятъ еще кожаные чулки, сверхъ которыхъ надѣваются лапти. Эта послѣдняя обувь носится ими во время пашни или когда отправляются они въ дальнюю дорогу.

Въ старину чувашаи брили голову и носили совершенно татарскій костюмъ. Татары женились на чувашкахъ, да и теперь случается, что некрещенная чувашка выходитъ за татарина. У женщинъ головной уборъ—*хопша*: у низовыхъ чувашъ она высокая, какъ буракъ, у верховыхъ низенькая, едва закрываетъ лобъ и виски. Хопша украшается мелкою монетою въ нѣсколько рядовъ.

По бережливости своей чувашаи исполняютъ совѣтъ политической экономіи: они дѣлаютъ сбереженія, но за то у нихъ издержки и употребленіе нисколько не отличаются разумнымъ разсчетомъ. При равной зажиточности съ русскимъ, пища чуваша гораздо грубѣе и менѣе питательна, чѣмъ у русскаго; хлѣбъ печется большею частію изъ ржаной муки на сывороткѣ и оттого бываетъ кисель; щи (яшка) варятъ безъ говядины, съ крупю, сверхъ того лѣтомъ съ борщевникомъ, а зимою съ квашеной капустой; часто также кладутъ лепешки изъ тѣста и забѣливаютъ яшку молокомъ или смѣтаною. Мясную пищу они употребляютъ весьма мало,

чаще всего такъ называемый *ширтанъ* — родъ колбасы, начиненной овечьимъ мясомъ и съ масломъ поджаренной; молочныхъ скоповъ, по неудовлетворительному скотоводству, не дѣлаютъ; небольшое количество молока идетъ въ пищу, смѣтана — на дѣлавіе сухаго домашняго сыра, а коровье масло, кромѣ пищи, идетъ еще на смазку колесъ. При этомъ послѣднемъ странномъ употребленіи, чувашъ разсуждаетъ такъ: деготь хотя и дешевле масла, да оно свое, некупленное.

Изъ растительной пищи употребляютъ картофель, грибы, которые никогда не очищаютъ ни отъ земли, ни отъ червей; у каждаго почти чуваша для питья есть пиво, до котораго они большіе охотники; пиво это очень жидко и здабривается, по чувашскому вкусу, хмѣлемъ въ такой пропорціи, чтобы послѣ одного, двухъ ковшиковъ, оно не оставалось для головы безъ отуманивающихъ ощущеній. Пиво пьютъ не только мужчины, но женщины, старухи, дѣвки и дѣти. Вино чуваша хотя и любятъ, но, по дорогой цѣнѣ, оно покупается только богатыми, а чуваша вообще скупы, такъ что вино у нихъ составляетъ принадлежность только большихъ праздниковъ. Мужчины всѣ курятъ табакъ, изъ женщинъ только старухи, да и то съ лекарственною цѣлью — отъ зубной и грудныхъ болей. Вообще матеріальный бытъ чувашей далеко ниже житія русскаго крестьянина; чуваша чрезвычайно неопрятны и къ тому еще, какъ сказано, скупы или, вѣрнѣе сказать, боятся показывать, что у нихъ есть деньги. Селенія чувашскія расположены обыкновенно въ лѣсахъ, оврагахъ, въ котловинахъ, вдали отъ населенныхъ дорогъ; даже и на большихъ дорогахъ чувашскія станціи всегда въ сторонѣ въ нѣсколькихъ верстахъ. Избы ставятся въ безпорядкѣ. Только съ 1839 г. стали наблюдать за постройкою по планамъ. Села чувашскія имѣютъ два и три названія. Церковно и священно-служители живутъ обыкновенно въ отдѣльныхъ слободахъ, которыя называются по имени престольнаго праздника; кромѣ церковнаго названія, есть по нѣскольку чувашскихъ: такъ въ Чебоксарскомъ

уѣздѣ большая часть селъ имѣеть по 2 и даже по 3 названія. Избы свои чуваша топятъ по черному. Бѣлыя избы съ дымовою трубою вводятся понемногу, но до сихъ поръ онѣ въ весьма небольшомъ количествѣ — преимущественно по большимъ дорогамъ. Въ 1839 году, въ Ядринскомъ уѣздѣ, у чувашей было 14,964 курныя избы; изъ нихъ въ теченіе 21 года передѣланы на бѣлыя 1,106, т. е. около $\frac{1}{14}$ части.

Внутренность чувашскаго дома слѣдующая: вокругъ стѣнъ устроены нары въ видѣ скамеекъ; у бѣднаго чуваша, кромѣ наръ, въ избѣ не найдешь другой мебели. Печь въ курныхъ избахъ дѣлается изъ битой глины; полъ всегда черенъ, какъ уголь. Да и все прочее болѣе или менѣе подходитъ къ этому цвѣту. Непремѣнную принадлежность чувашскаго дома составляетъ пивоварня, для чего на дворѣ отгораживается закоулокъ. Лѣтомъ чуваша живутъ въ лачугахъ, а въ избахъ только пекутъ хлѣбъ. Въ лачугахъ лѣтомъ готовится въ котлахъ пища, вокругъ огонька разставляются деревянные пенки, и тутъ-то чуваша предаются сладкому *far niente*, курятъ трубочку и говорятъ о томъ, кто что видѣлъ и слышалъ на базарѣ или въ городѣ.

Не у домашнаго только очага любятъ чуваша собираться; идти на базаръ и на торжокъ, обыкновенно устроенный на большой дорогѣ, чувашъ считаетъ обязанностію; когда даже нѣтъ прямой надобности, онъ поѣдетъ только за новостями. Любовь чуваша къ городамъ, большимъ селамъ, любовь поглазѣть на нихъ часто вводитъ чуваша въ убытки. Приѣдетъ, на примѣръ, къ нему покущикъ хлѣба и даетъ на мѣстѣ хорошую цѣну, не всякій чувашъ воспользуется этимъ; многіе сами повезутъ за 80 или болѣе верстъ, возьмутъ меньшую цѣну, чѣмъ ему давали у себя дома, не считая путевыхъ издержекъ, и все это только для того, чтобы побывать въ Лысковѣ и т. п. мѣстахъ. Всѣ чуваша, богатые и бѣдные, живутъ такъ грязно, что неопрятность ихъ возмутительна: изъ котла, въ которомъ варится пища, пьютъ люди, овцы и телята; тутъ же моютъ маленькихъ ребятъ и стираютъ бѣлье. Нечистота жилищъ

и неопрятность суть главные причины господствующих между ними болѣзней; такъ многіе изъ нихъ страдаютъ воспаленіемъ глазъ и преждевременною ихъ слабостію; чесотка также между ними встрѣчается безпрестанно; бань они почти не имѣютъ; между чувашами нерѣдко попадаются взрослые, которые отъ рожденія едва-ли два раза мыли свое тѣло.

Чуваши обращены въ христіанство въ царствованіе Елисаветы Петровны. Число некрещеныхъ чувашей въ настоящее время незначительно, всего до 1,300. Некрещеные чувашы обыкновенно приписываются къ мечети, но въ нее не ходятъ, а молятся по своему, по языческимъ обрядамъ. Магометанскаго у нихъ сохранилось только принятіе присяги потатарски въ слѣдственныхъ дѣлахъ и еще нѣкоторые обычаи, на примѣръ, они допускаютъ многоженство, празднуютъ пятницу, брѣютъ головы, не ѣдятъ свинины, но за то не ѣдятъ и лошадиного мяса. Большая часть чувашей, особенно живущіе массаами (Ядринскаго и Цивильскаго уѣздовъ,) христіане только по названію; исполненіе обрядовъ нашей церкви для нихъ тягостно, и они всячески стараются отъ этого отдѣлаться копѣечкой. Постовъ обыкновенно не соблюдаютъ; работаютъ по воскресеньямъ и даже въ большіе праздники, нагъ напр. въ Рождество и другіе, а между тѣмъ, по старой привычкѣ, празднуютъ пятницу.

Лучшіе результаты оказали на чувашей промышленныя сношенія съ русскими, какъ вообще на развитіе, такъ особенно на экономическій ихъ бытъ; послѣднее, конечно, досталось чувашамъ не даромъ. Тѣ изъ чувашей, которые живутъ среди русскихъ близъ торговыхъ и промышленныхъ мѣстъ, замѣтно избѣгаютъ непрямыхъ сношеній, т. е. барышниковъ и кулаковъ; обыкновенно они сами везутъ свой хлѣбъ для продажи на пристаняхъ; но такіе составляютъ пока еще счастливое исключеніе; большинство же ни къ торговлѣ, ни къ промысламъ не имѣетъ особаго влеченія. Чуваши по преимуществу земледѣльцы; такъ, изъ 48,000

душъ мужескаго пола, живущихъ въ Ядринскомъ уѣздѣ, занимаются промыслами 2,400 человекъ; въ томъ числѣ главнѣйшія занятія: бурлачество — до 800, торговля — до 100, портныхъ—140 человекъ.

Ремесленность между чувашами ограничивается дѣланіемъ самой необходимой домашней посуды, какъ-то: кадокъ, бочекъ и т. п.

Ремесленная и торговая дѣятельность въ ихъ сторонѣ находится въ чужихъ рукахъ, преимущественно—сосѣднихъ нижегородцевъ. Ничтожное развитіе торговыхъ и промышленныхъ занятій зависитъ частію отъ незнанія языка, отъ скупости и осторожности, которыя удерживаютъ ихъ рисковать копѣйкой и наконецъ отъ лѣни. Чувашъ скорѣй меньше поѣсть, чѣмъ выйдетъ зимой изъ теплой хаты. Правительствомъ принимаются, впрочемъ, дѣятельныя мѣры для распространенія ремесленныхъ знаній между чувашами; такъ въ 1858 году въ одномъ Ядринскомъ уѣздѣ отдано около 50 мальчиковъ, преимущественно сиротъ, для обученія разнымъ ремесламъ: шитью одежды 23, кузнечному 15, овчинному 5, телѣжному 4, валяльному 1, сверхъ того, 49 мальчиковъ находятся въ Казани у разныхъ ремесленниковъ: для обученія кузнечному мастерству 9, выдѣлки овчинъ 19, шитью полушубковъ 6, колесному 2, столярному 8, малярному 3, кладкѣ печей 2.

Между чувашами богаты весьма немногіе, но за то и нищіе весьма рѣдки; вообще зажиточность ихъ стоитъ выше зажиточности татарина, гдѣ обѣ крайности встрѣчаются чаще, особенно послѣдняя, т. е. нищета. Доказательствомъ болѣе равномернаго распредѣленія достатковъ между чувашами служить отчасти исправный платежъ податей.

Русскій языкъ до сихъ поръ еще не довольно распространенъ между ними; тѣ, которые живутъ среди русскихъ, почти всѣ говорятъ и понимаютъ по-русски, но это не относится къ большинству, живущему отдѣльно. Въ коренной Чувашландіи—въ Цивильскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ, они

сохранили болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ свой національный характеръ и говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ. При изученіи русскаго языка, одно изъ важнѣйшихъ затрудненій для чуваша—русское произношеніе: чувашское горло не можетъ ясно произносить рѣзкихъ звуковъ. Чувашъ ихъ постоянно смягчаетъ, онъ всегда изъ *в* сдѣлаетъ *ф*, изъ *б*—*п*, изъ *д*—*т*. Надо также замѣтить, что чуваша часто притворяются, что не понимаютъ по-русски, и извлекаютъ изъ этого свои выгоды. Прежде чуваша особенно дорожили дружбою русскихъ, которые, съ своей стороны, находя это очень выгоднымъ, также заискивали ихъ короткости. Чувашъ, сближаясь съ русскимъ, какъ рыцарь, даетъ обѣтъ неразрывной дружбы, въ знакъ чего договаривавшіеся о дружбѣ обмѣнивались подарками, отдавая другъ другу самое лучшее изъ того, что каждый имѣлъ. Русский, купивъ на базарѣ какую-нибудь бездѣлицу, спѣшилъ къ другу, который всегда отдаривалъ по-царски—за шапку, за кушакъ, давалъ корову, лошадь или нѣсколько ульевъ пчель. Еще болѣе русское вліяніе должно развиваться между чувашами, когда будетъ больше сельскихъ и приходскихъ училищъ, въ которыхъ учать Закону Божію, читать, писать и ариѳметикѣ. Учителя въ этихъ школахъ обыкновенно или семинаристы, или священники, обучающіе за особую плату.

До сихъ поръ еще чуваша неохотно отдають въ ученіе своихъ дѣтей; въ этомъ случаѣ необходимо приневоливаніе; одна мать, у которой сына хотѣли взять въ школу, объявила, что скорѣе удавитъ его, чѣмъ пустить учиться; ей погрозили судомъ; послѣ чего она сама привела сына, и это имѣло такое вліяніе, что тотчасъ же явилось столько охотниковъ учиться, что некуда было ихъ дѣвать. Грамотность вообще мало распространена между чувашами. Училища существуютъ съ 1839 года. Въ настоящее время ихъ 9 въ Ядринскомъ уѣздѣ; въ 1839 году учениковъ было 17.

1845 . . . не болѣе . . . 55,
1857 . . . до . . . 200, или

одинъ ученикъ приходится на 164 человѣка.

Черты народнаго характера, въ которыхъ особенно высказывались варварство и дикость чувашей, кажется, уже исчезаютъ. Въ настоящее время почти не слышно о чувашской мести тащить непріятелю сухую бѣду, то есть вѣшаться на дворъ своего врага съ тѣмъ, чтобы по поводу мертваго тѣла нагрянуло въ этотъ дворъ временное отдѣленіе земскаго суда. По скупости чувашей, кражи случаются часто между ними; чувашъ любитъ также обмануть, иногда и не изъ жадности, а только изъ удовольствія надуть, особенно русскаго.

Въ старину съ чувашами ихъ побѣдители обходились весьма некротко, оттого послѣдніе удалялись изъ жилыхъ мѣстъ, строились въ глуши, въ оврагахъ, лѣсахъ. Чувашъ и теперь недоувѣрчивъ и робокъ, вездѣ боится обмана, такъ что и до сихъ поръ не иначе рѣшится на какое-нибудь коммерческое дѣло, какъ потолковавши сперва со стариками и съ своей братіей. Большое значеніе имѣли прежде у нихъ такъ называемые *коштаны*, т. е. ходатаи по дѣламъ отъ цѣлыхъ обществъ. Находя званіе адвоката очень выгоднымъ, коштаны и теперь всячески стараются поддерживать себя въ мнѣніи общественномъ, отыскиваютъ себѣ работу, т. е. затѣваютъ пустые процессы и обираютъ съ міра деньги. Если чувашъ подрядился на что-нибудь, то надо спѣшить заключить съ нимъ письменное условіе, и тогда уже можно дѣло считать вѣрнымъ, потому что чувашъ до крайности боится всего писаннаго, а еще болѣе всякой власти. Здѣсь кстати рассказать слѣдующій характеристическій случай, приведенный Сбоевымъ. Попадья торгуетъ рыбу на базарѣ въ с. Андреевскомъ. Чувашъ запросилъ что-то очень дорого. Попадья разгорячилась и стала браниться: «Побойся Бога, чувашская лопатка, вѣдь это неслыханная цѣна!» — «Эхъ, мачка, что Бога-то бояться, вѣдь Богъ не писарь.» Нравственные качества чуваша

такъ еще мало развиты, что поступками его управляютъ или страхъ наказанія, или тупыя преданія отцевъ, ихъ предразсудки и повѣрья. На клятву чуваша, на примѣръ, полагаться нельзя. Онъ солжетъ безъ малѣйшаго укора совѣсти, но при этомъ не переступитъ липоваго колышка, если его заставятъ это сдѣлать въ подтвержденіе его словъ. Онъ добрѣ отъ природы; пьяный или выведенный изъ себя, мстителенъ и золъ, какъ звѣрь: многимъ, конечно, случалось видѣть не только въ захолустѣхъ, но и на большихъ дорогахъ, болѣе цивилизованнаго чувашенина—ямщика, когда онъ съ дикою радостію, съ какою-то страстью долго и больно бьетъ морду своей измученной лошади.

Изъ игръ любимая въ *лычки*. Въ долгіе зимніе вечера дѣвушки сходятся вмѣстѣ работать; въ ихъ сборища приходятъ молодые парни и подъ конецъ вечера затѣваютъ игры; берутъ пучекъ лыкъ и концы раздають по рукамъ и потомъ разбирають: у кого концы одного и того же лычка, тѣ цѣлуются.

О развитіи чувашскаго народа вообще можно сказать, что оно стоитъ пока очень низко; лучшимъ доказательствомъ этого служить ихъ языкъ, — языкъ бѣдный, скудный, особенно въ выраженіи отвлеченныхъ понятій. Въ немъ всего полторы тысячи словъ. Когда приходится чувашу сказать о томъ, что выходитъ изъ круга его понятій, онъ прибѣгаетъ не къ головамъ, а къ горлу и жестамъ. Скудость воображенія, чувства, понятій яснѣе всего высказывается въ ихъ пѣсняхъ.

Шумить, шумить дубровушка:
Зачѣмъ-же все шумить она?
Сучки родить собирается.
Шумить, шумить камышекъ:
Зачѣмъ шумить онъ все?
Колѣнца ставить думаетъ....
Шумить народъ, волнуется:
За чѣмъ-же тотъ народъ шумить?
Души прибавлять думаетъ.
Даль мнѣ батюшка ворона коня,

Дай впрягу, подумаль я!
Дубовой колодой конь сдѣлался....
Даль мнѣ батюшка корову бѣлую, —
Нутко подою, — подумаль я!
Березовой колодой она сдѣлалась....
Даль мнѣ батюшка овцу,
Сниму шерсть съ нея, — подумаль я!
Гнилушкой красной она сдѣлалась....
Даль мнѣ батюшка кушакъ шелковый,
Дай подвяжу, — подумаль я!
Лыкомъ кушакъ сдѣлался....
Даль мнѣ батюшка платокъ шелковый,
Дай подвяжу, — подумаль я!....
Кленовымъ листомъ платокъ сдѣлался.

Пыть, пыть перепелка!
Куда летишь перепелка?
Въ Каргалы я лечу.
А что дѣлать въ Каргалахъ?
Торица есть, говорятъ.
Дорога-ль торица?....
Да рубль двадцать, говорятъ.
Въ Цывильскѣ есть сто саней.
Въ нихъ нѣтъ-ли дѣвушки?....
Въ нашемъ селѣ одинъ садъ,
Въ одномъ саду восемь дѣвушекъ,
Восемь да все бѣленькихъ,
А та изъ бѣленькихъ, которую я люблю, черновата.

Вотъ еще пѣсни изъ новѣйшихъ, написанныя какимъ-
нибудь обрусѣвшимъ писаремъ.

Мы, чуваша, родились
И у Волги поселились.
А жавемъ при ней давнымъ давно.
А ученые хлопчугъ,—
Откуда мы приходимъ?....
Мы чуваша—такъ чуваша,
Намъ пріятели Татары
И языкъ у насъ чувашскій.
Въ грусти, въ горѣ и несчастьи
Мы бѣжимъ скорѣе къ Торѣ,
Въ Киремети закалаемъ
Молодыхъ телятъ, коровъ,
Чтобы Тора далъ здоровья,
Чтобы Тора далъ намъ счастья.

Мы не знаемъ не писать,
Не умѣемъ и читать.
Мы къ священнику бѣжимъ,
Что намъ дѣлать при несчастьи?...
Такъ живемъ мы и доселѣ,
И видимъ все-таки свое счастье,
Да понюхиваемъ и табакъ.
У насъ есть домашній скотъ:
Кони, свиньи, куры, пчелы,
Овцы, гуси и быки,
Утки, яйца и молоко,
А домашній скотъ мы продаемъ,
Чтобы скопить побольше денегъ.

Вотъ, наконецъ, пѣсня рекрута, не лишенная нѣкотораго поэтическаго колорита:

Ахъ, мой батюшка, ахъ, моя матушка! былъ бы я гусенекъ, полетѣлъ
бы я на свою родину!

Былъ бы я за воротами,—заперся бы я крѣпкими запорами.
Луна свѣтитъ на землю, по землѣ пролегаеть путь.
Звѣзды всходятъ надъ дорогою, по дорогѣ мы идемъ;
Вьюжно валить снѣгъ клочьями—точно наши кудри,
Ливня льетъ дождикъ на землю—точно наши слезы;
А по Волгѣ плывутъ льдины—точно наши трупы.
На землѣ стоять дубъ старый—это нашъ отецъ,
Стоять старая береза—это наша мать.

Въ заключеніе надо сказать, что въ народномъ характерѣ чувашей есть прекрасныя свойства, особенно важныя для общества: чувашъ трудолюбивъ и усердно исполняетъ разъ принятую обязанность.

Не было примѣровъ, чтобы солдатъ чувашъ бѣжалъ или въ чувашской деревнѣ скрывались бѣглецы съ вѣдома жителей. Чувашъ хорошій земледѣлецъ; поля его раньше прибраны, лучше унавожены, а хлѣбъ прежде обмолоченъ, чѣмъ у русскаго или татарина.

Черемисы—одни изъ самыхъ древнихъ обитателей изъ здѣшняго края: о нихъ упоминаеть еще Несторъ и указываетъ мѣсто ихъ жительства. Надо полагать, что народъ этотъ обиталъ отъ Оки, на востокъ до предѣловъ Вятки и Перми, а къ югу до нынѣшней Симбирской и Пензенской

губерній. О поселеніяхъ ихъ съ достовѣрностію можно только сказать, что черемисы, какъ народъ полудикій, жили дробно, разбросанно, такъ же какъ и понынѣ они селятся—небольшими деревушками; въ послѣдней четверти XII столѣтія, лѣтописи наши упоминаютъ объ одномъ черемисскомъ городѣ, Кокшаровѣ. Городъ этотъ былъ завоеванъ новгородскими выходцами и на его мѣстѣ впослѣдствіи основанъ нынѣшній Котельничъ.

Хотя новгородцы и утвердились въ нынѣшней Вятской губерніи, однако долго еще они должны были бороться съ тамошними туземцами, между которыми сильнѣйшими были черемисы; они во все продолженіе самостоятельнаго существованія Хлынова (Вятка) неоднократно заставляли жителей этого города выдерживать сильныя нападенія. Память этихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ.

Подчиненные со времени основанія Казани татарамъ, черемисы вмѣстѣ съ ними были дѣятельными и опасными противниками русскихъ. Лѣтописцы наши, рассказывая о походахъ на Казань и область Вятскую, всегда выставляютъ черемисъ на первомъ планѣ. По покореніи Вятки Іоанномъ III, необходимость общей защиты заставила черемисъ еще тѣснѣе соединиться съ татарами. Особенно войнолюбивы были луговые черемисы: живя въ дремучихъ лѣсахъ они занимались исключительно звѣриною и рыбною ловлями и жили «аки дикія,» прибавляетъ лѣтописецъ.

Лѣтописи наши смѣшиваютъ не только чувашей и черемисъ, но иногда называютъ тѣхъ и другихъ татарами: такъ въ грамотѣ 1669 года, данной на владѣнне разными угодьями Кинярской волости, чуваша Козьмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ названы горными служилыми татарами. (*)

*) Нѣкоторыя изъ селеній Ядринскаго уѣзда носятъ чисто татарскія названія: Татаркасы, Таторянь, Калмыкъ-касы, Пашкуры. Между тѣмъ нѣтъ прямыхъ историческихъ свѣдѣній о томъ, были-ли въ этихъ мѣстахъ татары.

Въ Ядринскомъ уѣздѣ въ настоящее время нѣтъ ни одной души черемисъ, между тѣмъ какъ въ старинныхъ актахъ говорится о бывшихъ здѣсь черемисахъ. Тутъ, впрочемъ, можетъ быть и не замѣна имени одного народа другимъ, а и то, что черемисы оставили мѣста эти и бѣжали въ луговую сторону, когда появились здѣсь русскіе. На это обстоятельство указываетъ отчасти прозвище, которое даютъ низовые чуваша верховымъ, называя верховыхъ—черемисскимъ отродьемъ.

Черемисы живутъ въ Царевококшайскомъ, Козьмодемьянскомъ, Чебоксарскомъ, Казанскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ. По мѣсту жительства, ихъ дѣлятъ на луговыхъ и горныхъ. Горные черемисы по наружности изъ всѣхъ здѣшнихъ инородцевъ самые красивые. Они ловки, проворны, имѣютъ правильныя лица, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ болѣе развиты, чѣмъ ихъ собратья—луговые. Живутъ гораздо опрятнѣе не только луговыхъ черемисъ, но и чувашей, хотя по достаткамъ они чуть-ли не бѣднѣе послѣднихъ. Внѣшнія постановленія и обряды российской церкви горные черемисы усвоили себѣ какъ нельзя лучше. Приверженность ихъ къ обрядной части религіи, быть можетъ, выше, чѣмъ у русскихъ.

Луговые черемисы, лѣсные, какъ ихъ иногда называютъ, рѣзко отличаются отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ на правой сторонѣ Волги. Горные черемисы почти исключительно занимаются земледѣліемъ; луговые-же, живя среди лѣсовъ, на землѣ тощей, распаханной изъ-подъ хвойнаго лѣса, не получаютъ достаточнаго вознагражденія за свой тяжкій трудъ. Оттого важнѣйшее ихъ занятіе—охота. Черемисъ оставляетъ свой домъ обыкновенно на нѣсколько недѣль, и съ ножомъ и топоромъ и ружьемъ идетъ въ глушь лѣса на сотню верстъ. Кусокъ хлѣба и трубка—единственный его запасъ въ этомъ походѣ.

Подобныя отлучки, осуждающія на уединеніе и лишенія всякаго рода, отразились и на характерѣ этого народа. Черемисъ непонятливъ, грубъ и угрюмъ; холодъ и сырость

пристрастили его къ вину и огню. Гдѣ бы ни остановился черемись, онъ сейчасъ же разводитъ огонь, лѣтомъ отъ комаровъ, зимой отъ стужи, и затѣмъ уныло садится предъ комелькомъ съ своей трубочкой.

Для попойки черемись броситъ всякую работу, какъ бы ни была она нужна; разъ добравшись до вина или пива, онъ не оставитъ его до тѣхъ поръ, пока не будетъ капельки. У пьянаго вино не доброе; онъ буянитъ и неистовствуетъ.

Въ домашней жизни черемисы такъ же неопрятны и скупы, какъ чувашы; въ послѣднемъ они, кажется, ушли далѣе чувашей. Сходство ихъ съ послѣдними этимъ не ограничивается. Они такъ же кротки и боязливы предъ начальствомъ, какъ и чувашы; исправно платятъ подати; вслѣдствіе скупости, какъ горные, такъ и луговые Черемисы прячутъ деньги: тайкомъ отъ домашнихъ зарывають ихъ черемись-хозяинъ въ землю.

Въ одеждѣ черемись по мѣстностямъ есть незначительные отгѣнки. Крещеные носятъ кафтаны изъ бѣлаго крестьянскаго сукна, обшитые иногда толстымъ синимъ снуркомъ; лѣтомъ же надѣваютъ родъ балахона изъ посконнаго холста съ множествомъ по подолу и по концамъ рукавовъ обкладокъ изъ кумача; на ременномъ поясѣ съ боку висятъ ножны для ножа; тутъ же вкладывается огниво и посредствомъ желѣзной дужки прицѣпляется топоръ. Исподнее платье тоже бѣлое; рубашки вышиты шерстями или цвѣтными нитками. Женщины носятъ такой же почти костюмъ, за исключеніемъ пояса, а головы, вмѣсто шапокъ, окутываютъ бѣлымъ холстомъ, который наматывается на какую-то подставку въ родѣ лопаты съ выдающимися рогами или углами; этотъ головной уборъ иногда унижается монетами. Дѣвушки же надѣваютъ простыя бѣлыя косынки; въ косы вплетаютъ снурки, бисеръ, деньги; на шеѣ тоже носятъ монеты и бисеръ; въ ушахъ — проволочныя серьги, по нѣскольку паръ и очень длинныя, а на груди изъ сыромяточной кожи четырёхугольникъ, униженный монетами. На

рукахъ — кольца и мѣдные браслеты. На ногахъ всѣ носятъ толстѣйшія черныя онучи и, наконецъ, лапти.

Ѣдятъ черемисы дурную пищу, большею частію салму, яшку, кислое молоко, нѣкоторые овощи, рѣдьку и лукъ. Хлѣбъ лѣтомъ обыкновенно пекутъ въ золѣ. Въ праздниги Ѣдятъ мясо, ватрушки и т. п. Постовъ луговые черемисы не соблюдаютъ; празднуютъ пятницу и только немногіе — воскресенье. Болѣе сытную пищу составляетъ лошадиное мясо, мясо оленей, бѣлокъ, зайцевъ, разныхъ птицъ, въ томъ числѣ и сорокъ и галокъ. Квасу почти не дѣлаютъ, а если и есть у нѣкоторыхъ, то кислый и жидкій; за то ихъ пиво и медъ очень хмѣльны и имѣютъ даже одуряющія свойства. Избы черемисъ строятся вятскими фукарами и построены плохо; окошки малыя, потолки выстланы кругляками. Полъ обыкновенно бываетъ выстланъ не пиленными досками, а тесанными, которыя при этомъ не плотно пригнаны, и, въ заключеніе всего, полъ не имѣетъ нижняго наката.

Свадьбы черемисъ по церемоніалу имѣютъ много схожаго съ чувашскими; разница выказывается въ мелкихъ подробностяхъ, которыя существуютъ даже и по мѣстностямъ. За невѣсту платится калымъ отъ 1 — 60 руб. Жениться стараются, лишь только минуютъ законныя лѣта и отбудутъ рекрутства. Самая свадьба, т. е. ея церемоніаль, также преимущественно заключается въ угощеніи съ тою разницею, что горные больше Ѣдятъ, а луговые больше пьютъ; сверхъ того, въ собираніи денегъ то съ жениха, то съ невѣсты, то съ родителей, подъ разными предлогами и даже для доказательства любви. Самый обрядъ у некрещеныхъ заключается въ молитвѣ присутствующихъ, въ перемѣнѣ головного убора невѣсты, которая для свадьбы, разумѣется, разодѣта во все лучшее. Этотъ народный костюмъ очень схожъ съ чувашскимъ. Достаточный женихъ также одѣтъ франтомъ, и чаще въ русскомъ костюмѣ — плисовыхъ штанахъ и красной рубахѣ.

Кромѣ пятницы, праздники ихъ слѣдующіе:

Таронъ іолъ — на святкахъ. По вечерамъ въ это время выходятъ на дворъ и хватаютъ впотьмахъ за ноги овецъ для узнанія будущаго: когда попадется голая, значитъ, будетъ счастье, и наоборотъ. *Сюарня* — масляница. *Конь-кече* на страстной недѣлѣ въ среду. Въ этотъ день не кормятъ скота, чтобы онъ лѣтомъ не ломалъ лѣсъ: займы ничего не даютъ; на слѣдующій день, т. е. въ четвергъ, бываютъ большіе поминки усопшихъ (сюртъ—кече;) въ семикъ тоже самое. *Аганарэмъ*—(на Пасхѣ) молятся объ урожаѣ хлѣба. *Кималъ*—празднество по окончаніи жатвы.

Обрядъ погребенія заключается преимущественно въ молитвахъ; умершаго кладутъ на лубокъ по татарскому обычаю, даютъ ему денегъ на тотъ свѣтъ на всякій случай, зажигаютъ при этомъ много восковыхъ свѣчъ и зарѣзываютъ курицу. Поминки по усопшемъ сходны съ чувашскими.

Вотяки въ небольшомъ числѣ живутъ въ Мамадышскомъ и Казанскомъ уѣздахъ. Народъ этотъ въ физическомъ отношеніи принадлежитъ къ слабымъ племенамъ. Вотяки малы ростомъ, сухощавы; черты лица ихъ очень напоминаютъ чухонцевъ. Въ блѣдной и тощей фізіономіи вотяка только и замѣчаешь его быстрые маленькіе глаза.

Занятіе ихъ — охота и земледѣліе. При своей отчужденности и племенной замкнутости они еще очень скупы. Скирды хлѣба стоятъ у нихъ иногда до тѣхъ поръ, пока не сгниютъ. У вотяковъ весьма распространено обыкновеніе продавать хлѣбъ въ скирдахъ немолоченый. Обычай этотъ держится, не смотря на запрещеніе правительства. Земледѣліе у вотяковъ стоитъ на низкой ступени. Запаски небольшие. Важнѣйшія причины дурнаго состоянія земледѣлія—множество праздниковъ въ страдное время, обыкновеніе начинать сѣнокосъ только послѣ 20-го іюля, вслѣдствіе чего сталкиваются часто сѣнокосъ съ жатвою, и, наконецъ, малокормный, мелкій и слабый скотъ.

Большею частію вотячка доитъ свою корову разъ въ день; скоповъ молочныхъ, разумѣется, у нихъ нѣтъ, а также

выкармливанія скота въ пищу. Вотяки живутъ грязно, въ бѣдныхъ, дымныхъ лачугахъ, едва загороженныхъ, чаще безъ всякихъ надворныхъ строеній. Вотяки отличные охотники и любятъ свой лѣсъ, какъ луговые черемисы; охотятся преимущественно на бѣлокъ съ ружьемъ; волковъ ловятъ капканами, а лисицъ отравою. На медвѣдей ходятъ немногіе. Пища вотяковъ столько же грубая и не питательная какъ и у чувашей; до вина большіе охотники. Изъ овса они гонятъ плохое вино, называемое *кумышкою*; на видъ кумышка не чиста, имѣетъ неприятный запахъ, но ближе обыкновеннаго хлѣбнаго вина къ цѣли, потому что не только опьяняетъ, но и одуряетъ человѣка.

Языкъ вотяцкій схожъ съ черемисскимъ. Какъ чувашаи и черемисы различаются по языку, смотря по мѣсту жительства, такъ и у вотяковъ языкъ въ верховьяхъ р. Вятки разнится отъ того, которымъ говорятъ живущіе въ низовыхъ частяхъ этой рѣки.

Религія некрещеныхъ вотяковъ подверглась различнымъ вліяніямъ. Древнія вѣрованія сталкивались съ миѳологіею чувашей, черемисъ, съ магометанствомъ, наконецъ съ христіанствомъ; отъ всѣхъ этихъ вліяній, вотяцкая религія, туманная и сбивчивая вначалѣ, кажется, совершенно потемнѣла. Въ основаніи религіи, какъ и всюду, лежитъ дуализмъ—доброе начало и злое. То и другое имѣютъ многочисленныя развѣтвленія. Вотяки вѣрятъ въ будущую жизнь; у нихъ есть рай и адъ съ горящею смолою. Впрочемъ вѣра въ рай не очень крѣпка; они больше просятъ земныхъ благъ, чѣмъ боятся будущихъ мученій. Религіозные обряды и праздники ихъ просты и многочисленны. Молятся въ началѣ полевыхъ работъ, молятся по окончаніи ихъ, празднуютъ Пасху. Вообще всѣ ихъ пиршества составляютъ родъ богослуженія и связаны съ религіозными понятіями.

Вотяки самый суевѣрный народъ изъ здѣшнихъ инородцевъ; у нихъ вездѣ бѣда: среда и пятница несчастные дни, обѣденное время тоже, отъ цвѣтенія шиповника до Августа — нехорошее втемя. Перебираясь черезъ воду, вотякъ

непрѣменно бросить горсть травы и скажетъ: «не держи меня.» Бракъ очень простъ. Жену покупаютъ; обрядъ вѣнчанія у некрещенныхъ заключается въ томъ, что даютъ женившимся выпить священнаго вина. Вотякъ смотритъ на жену какъ на рабочую силу, потому дорожить въ женщинѣ только прилежаніемъ къ работѣ.

Какъ вотяки самый чуждающійся, нелюдимый народъ, такъ мордва ихъ соплеменники, изъ всѣхъ здѣшнихъ инородцевъ, самый общительный и наиболѣе слившійся съ русскими. Они охотно ходятъ въ церковь и исполняютъ всѣ ея обряды; слѣды ихъ языческихъ вѣрованій совершенно слабы и выказываются только въ поминкахъ.

Число мордвы въ Казанской губерніи простирается до 164 т., они живутъ въ 3-хъ уѣздахъ: Свіяжскомъ, Татюшскомъ и Чистопольскомъ. Образъ жизни этого племени совершенно русскій; они усердные хлѣбопашцы.

Мордва народъ сильный и красивый; всѣ говорятъ по-русски и даже свой родной языкъ пестрятъ исковерканными русскими словами, а мѣстами и вовсе его забыли. У мордвы, кажется, есть большія врожденныя способности къ изученію языковъ; многіе свободно говорятъ по-татарски и по-чувашски. Одежда мужчинъ совершенно русская, а у женщинъ нѣсколько разнится головнымъ уборомъ, который состоитъ изъ повязки, унизанной монетами и бляхами. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ и убираютъ ихъ лентами и монетами.

Помѣщаемъ здѣсь молитву мордвина: «Истинный Пасъ (Боже,) Высокій Пасъ! Далй намъ хлѣбъ насущный, дай все, что я прошу у Тебя: дай лошадку, чтобы хлѣбъ пахать, аминь. Пасъ, и скотину создай, Господи, такую, какую тебѣ угодно, создай тоже такъ, чтобы могла соху возить, аминь. И создай, Господи, ребенка, чтобы помогалъ мнѣ пахать землю, и поболѣе дѣтей. Что я прошу — создай, Господи, а паче всего хлѣба. Сохрани, Господи, отъ колдуна и клеветника. Аминь.»

Въ пѣсняхъ и сказкахъ мордовскихъ болѣе жизни, чѣмъ

у чувашскихъ, болѣе толку, проглядываетъ даже и поэтической элементъ—идеализированіе женщины, напримѣръ:

«Жилъ былъ собака Демонъ; у него было тридцать друзей — разбойниковъ; вотъ и вздумали они пріѣхать Абыза грабить. Пріѣхали къ воротамъ, а ворота были заперты. Собака разбойникъ — Демонъ съ товарищами къ Абызу на дворъ, а богатый Абызь съ женою въ банѣ парился. Вышелъ Абызь изъ бани и пришелъ въ избу; разбойники его встрѣтили и хотѣли съечь. Абызь началъ ихъ просить жалбно:—«подождите, братцы, жену мою; она вамъ отдастъ золотую казну.» Вошла въ избу Абызова жена, поклонилась на три стороны, на четвертую сама взошла и однимъ словомъ ихъ остановила. Разбойники все стали въ пень, обезумѣли и начали на колѣняхъ просить, чтобы она ихъ выпустила изъ избы; а со двора слѣда не найдутъ. Начали разбойники Абызову жену опять просить, чтобы отпустила ихъ со двора; а изъ деревни слѣда не найдутъ. Тутъ они пали передъ Абызихой ницъ лицомъ и отдали ей все свое добро.»

22. О мочальномъ промыслѣ.

Въ лѣсахъ, покрывающихъ значительное пространство сѣверной Россіи, отъ береговъ Унжи и Ветлуги до Камы, встрѣчается не мало липъ, на истребленіе которыхъ основанъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ русскихъ промысловъ, *промыселъ мочальный*. Онъ состоитъ въ заготовленіи необходимыхъ въ русскомъ быту роговъ разнаго рода, кулей, луба, мочаль, лаптей и такъ называемыхъ сторожковыхъ снастей. Мочальнымъ промысломъ занимаются въ слѣдующихъ 8 губерніяхъ: Вятской, Костромской, Казанской, Нижегородской, Вологодской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской.

Лѣтнею порою, по вступленіи сока въ дерево, когда лубъ свободнѣе отъ него отдѣляется, — что бываетъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, села, — деревни и *починки* (*) начинаютъ пустѣть:

(*) *Починки* — селище менѣе 5-ти дворовъ.

крестьяне идутъ въ мочальники, забирая съ собою женъ своихъ, дѣтей и лошадей. Тогда, въ глуши лѣсовъ, куда только съ трудомъ и изрѣдка можетъ достигнуть наблюдательное око лѣсохранителей, начинается и ревностно производится порубка всѣхъ встрѣчающихся липъ, изъ которыхъ рослыя даютъ лубъ и мочала, а молодыя, равно какъ и вѣтви и верхушки большихъ деревъ—одно только лыко, или немоченную липовую кору.

Рубкою липъ крестьяне занимаются нѣсколько недѣль, перенося въ это время зной, безпокойство отъ комаровъ и мошекъ и влияніе болотъ, въ которыя они иногда погружаются по самый поясъ; лошади же ихъ нерѣдко погибаютъ при стаскиваніи лубьевъ; но все это естественно и обычно, а потому и не служитъ поводомъ къ жалобамъ и не отвращаетъ отъ производства. Съ каждымъ новымъ годомъ повторяется одно и то же: тѣ же ожиданія, тѣ же бѣдствія и тѣ же удачи или неудачи.

Со срубленныхъ деревъ снимается кора; снятіе ея однако же не всегда бываетъ равно успѣшно. Для того, чтобы снятіе коры могло легко производиться, нужна теплая погода при дождяхъ; ибо — говорятъ промышленники, — тогда кору *вѣтромъ откачиваетъ, дождемъ отмачиваетъ, тепломъ отпариваетъ*. Когда же дождей нѣтъ и бываетъ стужа, тогда липа соку не даетъ, и кора не отстаетъ отъ дерева, «хоть топоромъ ее руби,» какъ выражаются мочальники.

Работа мочальниковъ вообще состоитъ въ слѣдующемъ. Подрубивши липу такъ, чтобы она не совсѣмъ упала, но держалась на комлѣ и уперлась сучьями въ землю, размѣряютъ ее на лубья, смотря по ея толщинѣ и возрасту. Если окружность комля имѣетъ шесть четвертей, то отмѣриваютъ снизу три аршина для сухаго или *крышечнаго* луба, а далѣе—для *мочальныхъ лубьевъ* по шести аршинъ, и таковыхъ съ одного дерева снимаютъ два, три, четыре, иногда и пять лубьевъ, смотря по длинѣ его, не обращая вниманія на толщину въ отрубѣ, хотя бы таковая вышла въ 3 и даже въ 2 вершка. Потомъ, обобравъ крупные сучья и даже вѣт-

ви, складываютъ все въ одну трубу, что называется скалою. Скалы эти крестьяне стаскиваютъ въ ручьи, рѣчки, болота и пруды, заблаговременно приготовленные въ казенныхъ дачахъ. Лубъ, моченый въ проточной водѣ, бываетъ бѣлѣе; при недостаткѣ же въ водѣ, лубья отъ засухи чернѣютъ. Самые пруды крестьяне сохраняютъ и передаютъ какъ бы наследственное имѣніе, стаскивая въ нихъ лубья иногда за 20 и болѣе верстъ.

Въ мочищахъ лубья остаются до заморозовъ, т. е. до конца сентября и до октября мѣсяца: тогда они вынимаются и развѣшиваются на козлахъ, гдѣ и остаются до саннаго пути, во время коего уже отвозятся домой. Тутъ ихъ вѣшаютъ или кладутъ на полъ, въ особой, крѣпко натопленной избѣ, и когда вытечетъ съ нихъ вода, то раздраютъ на тонкія ленты. Чѣмъ болѣе вымочены лубья, тѣмъ лучше и тоньше снимаются мочальные ленты, и болѣе изъ нихъ выдѣлывается рогожь.

Для тканья рогожь имѣется станъ: четырехсторонняя рама, съ обыкновеннымъ, самымъ простымъ бердомъ, чрезъ который оснуются мочальные ленты. Утокъ же пропускается сквозь него посредствомъ большого челнока такимъ же образомъ, какъ и при тканіи холста. Смотря по назначенію своему, рогожи дѣлаются разнаго рода, и въ торговлѣ встрѣчаются подъ разными названіями: есть рогожа *парная*, *рядная* или *цыновка*, *кулевая*, *крышечная* или *таевка* (вероятно отъ таить, скрывать,) *парусовка*, *табачная* и *карточная*, или *карташовка*. Кромѣ того, употребляются еще въ Костромской губерніи и другія названія рогожь: *полуторная*, *полупарная* и *берестовка*.

Еще въ 1483 г., какъ видно изъ грамоты того времени, лубъ въ Россіи замѣнялъ иногда хартію (пергаментъ) или писчую бумагу; нынѣ же кому не случалось по крайней мѣрѣ слышать о лубочныхъ картинахъ! Но главная въ наши дни польза отъ луба состоитъ въ употребленіи его на крыши разныхъ крестьянскихъ построекъ и на покрытіе низовыхъ судовъ. Сухіе, или крышечные лубья снимаются съ толсто-

мѣрныхъ деревь, однако же не очень старыхъ, у комля въ 2, 2¹/₂ и 3 сажени высоты. По снятіи ихъ, они оставляются на мѣстахъ до заморозовъ или до перваго выпавшаго снѣга; тогда же, по очищеніи съ нихъ желѣзными скоблями наружной неровной коры, зажигаютъ стружки и нагрѣваютъ лубъ, при чемъ два человекъ держатъ оный по концамъ. По мѣрѣ того, какъ въ лубѣ оказывается влага или теплота, его поворачиваютъ, и когда онъ выпрямляется, т. е. перестанетъ быть кругловатаго или трубчатого вида, его кладутъ подъ гнетъ и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ не высохнетъ. Длина луба въ торговлѣ бываетъ отъ 9 до 12, а ширина отъ 5 до 8 четвертей. Всѣ лубья таковой ширины идутъ въ продажу вмѣстѣ, безъ разбора, и сотня ихъ, составляя на вѣсъ около 60 пудовъ, продается отъ 9 до 11 руб. 50 коп. сер. Лубъ, который хотя на палецъ уже пяти четвертей, называется *аршинникомъ*, и продается особо. Тотъ-же, который уже аршина, — не сушится, потому что онъ для крышъ уже не годится; онъ идетъ въ мочища и употребляется на мочала, для приготовленія которыхъ лубья мочальные раздѣляются на куски, шириною вершковъ въ 6. *Лубомъ мочальнымъ* называется тотъ, который идетъ въ мочища и, по вынутіи изъ воды, употребляется на мочалу для плетенія рогожъ. Этого рода лубья обыкновенно на срубленномъ деревѣ отмѣряются длиною въ 6 аршинъ. Съ одного такого луба выдѣлывается по 5 таевокъ или по 6-ти и 7-ми парусовокъ и по 7-ми или 8-ми карташевокъ; кулевыхъ же рогожъ выходитъ вполовину менѣе противъ таевочныхъ, потому что онѣ и больше и плотнѣе.

Смотря по той части дерева, съ которой снимается лубъ, онъ называется *снятымъ съ комелеваго кража*, *подкомелевымъ*, *вершиннымъ* или, наконецъ, *снятымъ съ большихъ сучьевъ*. *Сторожковою снастью* называется канать, или веревка, плетеная изъ лыка. Для этихъ сторожковыхъ, или судовыхъ снастей вьются въ избахъ веревки, толщиною въ палецъ, изъ коихъ потомъ, на деревянномъ стану, на открытомъ мѣстѣ, посредствомъ простаго колеса, сплета-

ются канаты какой угодно толщины, точно такъ же, какъ вьются пеньковые веревки.

Изъ мочальныхъ веревокъ дѣлаются такъ называемые *стнныя кошели*, на подобіе сѣти съ большими ячеями, для набивки сѣномъ при кормленіи лошадей.

Для *лаптей* лыко покупается ношицами (пучками) разной величины, такъ что иная ношица стоитъ не болѣе гривенника, между тѣмъ какъ большая продается и въ семь разъ дороже. Начинивъ лыко, дѣлаютъ заплетку, потомъ лапотъ надѣвается на колодку, оправляется и ковыряется. Онъ оснуется въ однорядку. Женскій лапотъ отъ мужскаго отличается только тѣмъ, что онъ дѣлается поменьше. Работа цѣнится въ столько же, сколько стоитъ лыко, и посредственный мастеръ можетъ изготовлять въ день пять паръ. Малыхъ дѣтскихъ лаптей десятокъ купишь и за гривенникъ, между тѣмъ какъ десятокъ большихъ, смотря по отдѣлкѣ, можетъ стоять до 2 р. 50 к. ассиг. (бол. 70 к. сер.) Оптовая и исключительная торговля лаптями вообще, сколь мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ. На Нижегородскую ярмарку лапти привозятся не цѣлыми судами, но какъ придаточная кладь, по одной или по нѣскольку тысячъ при другомъ товарѣ. Тутъ они покупаются по 6 и 7 р. асс. (по 2 р. сер.) сотня, а продается врозь пара по 8 к. асс. Въ иное время требуется въ недѣлю до 3-хъ паръ порядочныхъ лаптей, которые портятся наиболѣе, когда бываетъ *топталница*, т. е. когда послѣ оттепели слышится подъ ногами шорохъ. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ Костромской губерніи есть казенное село Семеновское, которое, съ окружающими его деревнями, занимается преимущественно выдѣлкою лаптей. Лапти эти во множествѣ вывозятся на тамошніе базары, почему и самое это село въ народѣ извѣстно подъ названіемъ *лапотнаго*. Увѣряютъ, что какъ здѣсь, такъ и въ помѣщичьемъ селеніи Малвитинѣ, на каждый зимній базаръ доставляется до 100,000 паръ лаптей; тѣ, которые продаются въ Молвитинѣ, но выдѣлкѣ своей считаются лучшими.

Лапти въ Россіи чисто національная обувь, и уже въ X

вѣтъ русскіе лѣтописи упоминають о *лапотникахъ* по случаю того, что болгары носили сапоги (*). Не безъ основанія, конечно, лапотъ, плетеный изъ липоваго лыка, признается самою удобною обувью: они ложатся на ногѣ и не жмутъ ея; намокнувъ же, скоро просыхаютъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ липы, и гдѣ крестьяне не знаютъ или не хотятъ знать веревочной и соломенной обуви, они принуждены бываютъ прибѣгать къ корѣ другихъ деревъ, именно къ березовой скалѣ и берестѣ и къ лыкамъ, снимаемымъ съ лозы и съ бредины. Но лапти, дѣланные изъ бересты, хотя довольно носки — жмутъ ногу, и, особенно намокнувъ, дѣлаются жесткими, плетеные же изъ лозы и бредины, имѣя болѣе гибкости, плотнѣе ложатся на ногѣ. Однакожь первые, побывавъ въ водѣ, чернѣютъ, а послѣдніе отъ сырости краснѣютъ.

Лѣсъ ободранныхъ липъ также употребляется въ дѣло. Въ немаломъ количествѣ изъ липоваго дерева выдѣлываются дощечки для иконнаго писанія, которыя съ Ветлуги отвозятся въ Вязниковскій уѣздъ Владимірской губерніи, и тамъ продаются по находящимся при р. Тезѣ селеніямъ, обитаемымъ иконописцами. Такъ напр. въ одно село, Холуйскую Слободу, ихъ доставляется каждую зиму до 1,200 возовъ, въ село Мстеру около 300 возовъ и т. д. Весь этотъ на образа идущій липовый лѣсъ можетъ быть оцѣненъ въ годъ примѣрно въ 300,000 р. асиг., ибо возъ липовыхъ дощечекъ въ 18 и 20 пуд. продается рублей по 30.

Другое примѣчательное издѣліе, о коемъ тутъ можно упомянуть, суть липовые складные черемисскіе стулья, которые дѣлаются въ Царевококшайскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, и продаются на Нижегородской ярмаркѣ рублей по 35 асс. (10 р. сер.) сотня. Теперь ихъ въ Нижній стали привозить менѣе, такъ что въ 1840 г. этихъ черемисскихъ стульевъ

(*) Добрыня, дядя Владиміра, увидѣвъ въ 985 г. на плѣнныхъ болгаряхъ сапоги, сказалъ: «иже суть всѣ въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искати лапотниковъ.» Лаврентіевскаго списка Несторова лѣтопись, изд. Тимковскаго М. 1824 г. ст. 52.

только человекъ у трехъ было по тысячѣ; прежде требованія на оные и доставка была значительнѣе. Въ Казани, куда эти стулья привозятся верстъ за 80, они покупаются по 25 и даже по 23 к. асс. штука; продаются тамъ они десятками, а на возъ кладется отъ 25 до 40 штукъ.

Липовое же дерево идетъ на иконостасы и для рѣзной работы, въ особенности на тѣ дощечки, которыя употребляются на ситцевыхъ фабрикахъ для набивки красокъ на миткали, также на разную мебель и домашнюю утварь, какъ-то: на кадки, корыта, складни (*), липовыя сквороды и разную другую посуду, и, наконецъ, на жженіе золы.

Лѣсные узаконенія нынѣ стараются ограничить непоумѣренное истребленіе липовыхъ деревьевъ, и слѣды сего ограниченія уже замѣчаются въ торговлѣ; но совершенное, хотя и временное воспрещеніе мочальнаго промысла, даже въ случаѣ возможности, было бы совершенно неумѣстно. Дерево, достигнувъ опредѣленнаго возраста, истлѣваетъ, и то, чѣмъ не пользуется человекъ, гибнетъ по законамъ природы. Къ тому же какое стѣсненіе произошло бы въ быту русскаго селянина и торговца, когда бы онъ долженъ былъ вдругъ отказаться отъ мочальныхъ издѣлій, состоящихъ въ столь тѣсной связи съ первыми потребностями его жизни. Крышу свою онъ кроетъ лубомъ, ходитъ онъ въ лаптяхъ, плетенныхъ изъ лыкъ, третъ себя въ банѣ мочалкой, стелетъ подъ себя рогожу, ссыпаетъ хлѣбъ онъ въ кули, просѣиваетъ муку сквозь рѣшето лыковое..... Однако же какъ ни велики потребности, удовлетворяемыя мочальнымъ промысломъ, безотчетное истребленіе липы не можетъ быть терпимо; а потому желательно было бы поощреніе выдѣлки такихъ предметовъ, которые могутъ замѣнить издѣлія мочальныя. Такъ напр. полезно бы было споспѣшествовать:

а) введенію новаго рода крышъ, для уменьшенія потребности въ лубѣ;

(*) Такъ называются складывающіяся вмѣстѣ двѣ чаши.

b) распространению веревочной и всякой другой обуви вмѣсто лыковой;

c) умноженію льняныхъ, пеньковыхъ и другихъ посѣвовъ волокнистыхъ растений и выдѣлкѣ грубыхъ, шерстяныхъ тканей, могущихъ служить для паковки товара и подъ насыпку хлѣбовъ, въ замѣнъ рогожъ и кулей и т. п.

23. Лубочныя картины.

Вообще подъ названіемъ лубочныхъ картинъ разумѣются не только отдѣльные листы, или гравюры, но и лицевыя тетрадки; текстъ въ нихъ дополняется и объясняется представленіемъ въ лицахъ самаго содержанія, тѣмъ самымъ сильнѣе впечатлѣвая его въ умѣ, памяти и воображеніи.

При первомъ взглядѣ на такія произведенія доморощеного художества, пробуждается вопросъ: почему онѣ сльвуть лубочными, когда вырѣзывались сперва на деревянныхъ (ксилографія,) потомъ на металлическихъ доскахъ (металлографія,) и теперь рисуются на камняхъ (литографія,) а отпечатываются на бумажныхъ листахъ? Поищемъ на это отвѣта въ исторіи, преданіи и жизни народной.

Въ глубокой древности лубъ дерева, т. е. исподняя его кора, снятая съ липы, вяза и другихъ удобныхъ для рѣзбы и письма деревъ, замѣнялъ недостатокъ бумаги; самое названіе книги у грековъ βιβλος, у римлянъ Liber собственно значило лубъ; потому что въ частномъ употребленіи для письма болѣе служили дощечки изъ бѣлыхъ деревъ. Такъ и въ древности на Руси, по рѣдкости и дороговизнѣ пергамента, бомбицыны и бумаги, писывали на берестѣ и лубѣ. Св. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ намъ, что въ обители препод. Сергія, по скудости средствъ, писывали служебныя книги не на хартіяхъ, т. е. не на пергаменѣ, но на берестахъ.

Миллеръ изъ Сибири вывезъ писанные на берестѣ документы.

Изъ псковской правой грамоты 1483 года обнаруживаетъ

ся, что на дубѣ чертили планы землямъ. «И княжій бояринъ Михайло, да Климента соцкой тое воды досмотрѣли, да на дубѣ выписали и передъ осподою положили, да и велись бы по *лубу*», т. е. межевались бы по лубочному плану. Другой примѣръ встрѣчаемъ въ лѣтописи: «въ 1577 году государскіе *лубы* изъ покореннаго Новгорода отвезены были къ царю въ Москву.» Даже въ концѣ XVII столѣтія, какъ значится въ указѣ 1697 г., дубѣ замѣнялъ бумагу; ибо паквильныя письма, прибитыя къ городскимъ воротамъ въ Москвѣ, тогда писаны были на лубкахъ.

Скажутъ: на дубѣ можно писать, а нельзя вырѣзывать эстампы. Но слово это принято въ употребленіе не въ собственномъ смыслѣ, а въ напряженномъ, переносномъ. Липовыя доски, употребляемыя для рѣзбы, по удобству самаго дерева, по природѣ своей мягкаго, бѣлаго и неструстаго, называются также лубами, какъ и самая липа въ Рязанской губерніи донинѣ слыветъ лубомъ. На такихъ-то доскахъ въ Москвѣ вырѣзывались обронно разныя картины сначала духовнаго и историческаго, потомъ уже и разнаго содержанія, и отпечатывались на бумажныхъ листахъ. Древній образчикъ этой ксилографіи, хранившійся у президента сб. Академіи Художествъ А. Н. Оленина, сообщенъ намъ въ точномъ снимкѣ акадѣмикомъ Ѡ. Г. Солнцевымъ: это отломокъ отъ луба, толщиною $\frac{1}{4}$ аршина; на немъ обронно вырѣзано изображеніе какого-то князя, вѣроятно, святаго, котораго видна только одежда съ длинными спущенными рукавами. Нѣсколько липовыхъ досокъ, повидимому, XVII и XVIII вѣковъ, съ вырѣзанными на нихъ изображеніями, находились въ московскомъ древлехранилицѣ Погодина. Образное письмо предшествовало буквенному.

До изобрѣтенія печатанія подвижными буквами, оттиснута рѣзанными на деревянныхъ доскахъ въ западной Европѣ библія для бѣдныхъ (*biblia pauperum*, *bible des pauvres*) съ эстампами грубой работы. Подражали этому и у насъ въ Россіи. Хотя въ послѣдствіи ксилографія уступила мѣсто

металлографіи и литографіи, деревянныя доски замѣнились металлическими и камнями, но названіе лубочныхъ усвоилось и гравированнымъ на мѣди картинамъ того же пошиба, между тѣмъ—какъ оно собственно принадлежитъ только эстампамъ, рѣзаннымъ у насъ на деревѣ. Этому соотвѣтствовало между прочимъ и то, что простонародныя картинки развѣшивались на лубкахъ для продажи, и выставались при лубочныхъ комедіяхъ. Мѣстное преданіе на Москвѣ говоритъ, будто лубочныя картинки, или такъ называемые листы, одолжены своимъ прозвищемъ улицѣ Лубянкѣ. Тамъ будто онѣ вырѣзывались на лубкахъ, и печатались въ станкахъ печатниками, т. е. типографщиками въ Печатной слободѣ, бывшей у Срѣтенскихъ воротъ Бѣлаго города, а выставались на деревянной оградѣ церкви св. Троицы у Срѣтенскихъ воротъ Землянаго города (Сухаревой башни,) на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у ограды щепетильныя лавочки. Заподлинно неизвѣстно, когда именно началась здѣсь такая выставка листовъ; но уже въ 1782 году урочище церкви слыло *на листахъ*, какъ видно изъ подписи священника этой церкви Михаила Кубарева на сохранившейся ея лѣтописи. Прихожане сего храма старожилы помнятъ еще такую выставку до построенія каменной ограды; по ихъ свидѣтельству, первая прекратилась не ранѣе 1805 или 1806 г. Какъ бы то ни было, но подобныя обстоятельства, взятая въ совокупности, легко могли дать поводъ къ названію простонародныхъ картинокъ лубочными, такъ что и другіе эстампы плохой работы обыкновенно слывуть лубочными. Листы сіи также извѣстны подъ именемъ суздальскихъ, не по производству ихъ въ Суздали, но по разнощикамъ ихъ суздальцамъ, и по самому пошибу, близкому къ суздальскому иконному. Въ Сибири они извѣстны подъ названіемъ панковъ, а въ Осташковѣ—богатырей, безъ сомнѣнія, потому, что представляютъ государей, военачальниковъ, героевъ и знаменитыхъ особъ.

Теперь лубочныя картинки достались въ удѣлъ такъ на-

зываемой черни, т. е. многочисленнѣйшей и дѣятельнѣйшей части народа. Но было время на Руси, когда сословія еще мало разъединялись нравами и обычаями, когда завѣтныя игры и потѣхи были едва ли не однѣ и тѣ же у крестьянина, купца и боярина. Въ это время такія картинки имѣли свободный доступъ и въ царскія палаты и въ боярскія хоромы, и въ крестьянскія избы; ибо онѣ составляли, выключая развѣ немногихъ, не одну праздную забаву и безсмысленную потѣху, но наглядное вразумленіе, дѣятельное руководство и поучительные образцы для жизни семейной и общественной, для настоящей и будущей.

Не думайте впрочемъ, чтобы простонародныя картинки въ Германіи и Франціи были лучше нашихъ въ художественномъ и умственномъ отношеніи. По замѣчанію одного ученаго изъ русскихъ путешественниковъ, видѣнныя имъ на ярмаркѣ въ Сен-Клу французскія лубочныя картинки ничто предъ нашими московскаго издѣлія. «И тѣ и другія,—говоритъ онъ,—рѣшительно въ одномъ стилѣ; но во французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую находимъ въ нашихъ не потому, что онѣ наши, но потому что онѣ, дѣйствительно, лучше французскихъ.»

24. Промышленная выставка въ Костромѣ.

Самыя наглядныя понятія о производительности извѣстнаго края даетъ намъ выставка. Обходя и осматривая различные предметы выставки, мы можемъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ осмотрѣть и познакомиться со всѣми произведеніями промышленности цѣлой страны. Подобная выставка была устроена въ Костромѣ лѣтомъ 1863 года, во время пребыванія въ этомъ городѣ покойнаго Государя Наслѣдника. Выставка помѣщалась въ зданіи губернской гимназіи, и поражала присутствующихъ своимъ разнообразіемъ и въ высшей степени систематическимъ распредѣленіемъ предметовъ, и наконецъ, представленными каждымъ производителемъ дѣльными записками, въ которыхъ излагалось

современное состояніе и условія каждаго производства Костромской губерніи и состояніе заведенія, представившаго свои издѣлія.

Обзоръ выставки начался съ предметовъ сельскаго хозяйства и крестьянской промышленности, расположенныхъ въ большой комнатѣ, по правую руку отъ параднаго входа. Здѣсь выставлены были всѣ главнѣйшія земледѣльческія орудія, употребляемыя въ Костромской губерніи, какъ самыя простыя, такъ и улучшенныя,—образцы главнѣйшихъ продуктовъ костромскаго земледѣлія. Здѣсь же г. Лугининъ, ветлужскій предводитель дворянства, объяснилъ весь процессъ лыковаго и мочальнаго производства, начиная отъ срубленной липки до изящной цыновки, употребляющейся на покрышку нашихъ зимнихъ дорожныхъ возковъ и кибитокъ. Эта отрасль промышленности принадлежитъ почти исключительно Ветлужскому уѣзду, доставляющему рогожи, цыновки и лубочные короба чуть не на всю Россію и отправляющему эти издѣлія на громадныя суммы за границу, преимущественно черезъ Архангельскъ. Но въ настоящее время лыковое и мочальное производство далеко уже не имѣетъ тѣхъ размѣровъ, какіе оно имѣло прежде и еще въ 30-хъ годахъ. Главная причина уменьшенія промысла—это, конечно, оскудѣніе лѣсовъ противъ прежняго. Еще лѣтъ 30 тому назадъ берега Ветлуги и Унжи были покрыты дремучими, непроходимыми лѣсами; но теперь и отъ вырубки, и отъ лѣсныхъ пожаровъ, лѣса рѣдѣютъ; приходится лѣсъ вывозить за 25 верстъ и далѣе, а для рогожнаго промысла ѣхать даже верстъ за сто.

Прекрасныя войлочные издѣлія мы имѣли случай видѣть и въ Ярославлѣ, но здѣшнія издѣлія показались намъ лучшаго качества. Кромѣ войлочныхъ пальто и сапогъ были еще сапоги съ брюками изъ цѣльнаго войлока, вещь въ высшей степени полезная зимой и получившая, говорятъ, давно уже право гражданства въ здѣшнемъ обиходѣ. Промышленность эту вызвало къ жизни и содѣйствовало ея развитію удѣльное начальство.

Но одинъ столъ, покрытый блестящими бронзовыми и серебряными бездѣлушками, свѣтящимися самоцвѣтными, обращалъ на себя особенное вниманіе. Это были сидоровскія и красносельскія издѣлія, извѣстныя всей Россіи и расходящіяся по всѣмъ ея уголкамъ, благодаря ловкимъ и тароватымъ прасоламъ, переходящія даже западную нашу границу въ Галицію, гдѣ они очень хорошо извѣстны тамошнимъ русскимъ крестьянкамъ, которыя познакомились съ ними черезъ евреевъ.

Издѣлія эти—настоящее искушеніе для крестьянокъ по всей Великой, Малой и Бѣлой Руси, и это очень хорошо знаютъ прасолы, развѣзжающіе по селамъ, деревнямъ и хуторамъ для закупки по мелочамъ прасолскаго товара. Да, и какъ устоять противъ такого искушенія, когда какая-нибудь серьга полька, или кольцо змѣйки продается по 4 к. сер. за штуку? Ловкій прасолъ искуситель—вѣргитъ у ней передъ глазами серьгу съ цвѣтнымъ камешкомъ или колечко съ бирюзой, и вотъ переходитъ къ нему собранная въ теченіи года щетина или перо птичье, или тряпье. Ничего, повидимому, это не стоитъ, а въ массахъ представляетъ громадныя суммы. Издѣлій Сидоровскихъ и Красносельскихъ продается и расходится въ годъ на сумму 300,000 руб. Столъ, на которомъ были разложены образцы ихъ, поражалъ своею пестротой и разнообразіемъ. Тутъ были кольца по 20 к. асс. за сотню, серьги по 3 коп. за десятокъ, были серьги съ поддѣльнымъ бирюзовымъ камешкомъ по 4 коп. за штуку, серьги змѣйками по 10 коп. и т. д.

Весьма красивы были еще деревянные чашки крестьянскаго издѣлія, расписанные самыми разнообразными узорами, которыя отправляются въ довольно значительномъ количествѣ за границу. Онѣ тамъ въ большомъ употребленіи. Въ нихъ насыпаютъ для продажи чай и кофе, и онѣ слыгутъ подъ именемъ китайскихъ и японскихъ.

Но оставимъ крестьянскія издѣлія и перейдемъ къ производеніямъ заводской и мануфактурной промышленности.

Въ числѣ продуктовъ заводской промышленности Костромской губерніи, особеннаго вниманія заслуживали произведенія химическаго томскаго завода г. Шипова. Эта отрасль нашей народной промышленности такъ важна, такая предстоитъ ей еще громадная будущность и такое обширное поле дѣйствій, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней нѣсколько подолѣе, дабы показать нашимъ читателямъ, съ какими затрудненіями и препятствіями приходится бороться русскому заводчику на каждомъ шагу и при каждомъ его начинаніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какія еще богатства негронутыя, не изслѣдованныя, кроются въ нѣдрахъ нашей дорогой родины, какъ они ждутъ опытныхъ рукъ, капиталовъ и извѣстной доли вниманія, чтобы привести въ движеніе весь этотъ бездѣйствующій избытокъ нашихъ производительныхъ силъ, и тѣмъ создать новые источники нашего народнаго богатства.

Томскій химическій заводъ А. П. Шипова извѣстенъ качествомъ своихъ продуктовъ, которые высоко цѣнятся нашими фабрикантами. Въ имѣніи, гдѣ въ настоящее время находится томскій химическій заводъ, много лѣсовъ, удаленныхъ отъ Волги, и вслѣдствіе этого малоцѣнныхъ по затруднительности сбыта. Владѣльцу пришла въ голову мысль обратиться къ обработкѣ лѣснаго матеріала и такихъ цѣнныхъ изъ него продуктовъ, которые до того времени получались въ значительномъ количествѣ изъ-за границы.

Первымъ дѣломъ было устройство сухой перегонки дерева въ большихъ размѣрахъ съ 20 желѣзными коробами, вмѣщающими каждый по 350 куб. фут. дровъ, для полученія пригорѣлой угусной кислоты и добыванія сахара-сатурна, употребленіе котораго весьма распространено при окраскѣ бумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ матерій. Къ этому же времени относится еще постройка свинцовыхъ камеръ, для добыванія и концентрированія сѣрной кислоты, какъ необходимаго дѣятели при производствѣ сахара-сатурна. Возникли большія мастерскія и сушильни, и устроено

водяное колесо въ 15 силъ, какъ двигатель разныхъ приводовъ для размельченія марены и для другихъ производствъ. Но не прошло года, и заводъ подвергся опасности прекратить свои дѣйствія. Открывшаяся въ 1853 году война задержала и почти, можно сказать, прекратила подвозъ сѣры—главнѣйшаго матеріала для производства сѣрной кислоты. Нужно было употребить всѣ старанія, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, и владѣлецъ завода вмѣстѣ съ своимъ директоромъ успѣли выйти побѣдителями. Имъ принадлежитъ честь первой попытки, добывать въ Россіи сѣрную кислоту изъ отечественнаго матеріала. И извѣстно, что въ Англіи, не смотря на дешевизну сѣры, добываютъ сѣрную кислоту изъ мѣдныхъ и желѣзныхъ колчедановъ, и вотъ они приступили къ поискамъ для открытія залежей колчедановъ. Пришлось учить и пріохочивать окрестныхъ крестьянъ искать и доставлять колчеданъ на заводъ, пришлось опредѣлять самый выгодный и практической способъ полученія изъ него сѣрной кислоты, приспособить для этого печи, передѣлать свинцовыя камеры.

Въ концѣ лѣта 1853 года начались поиски, увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ. Залежи были открыты и въ окрестностяхъ завода, и въ разныхъ мѣстахъ Костромской губерніи, по берегамъ рѣкъ: Волги, Меры, Унжи, Неи, Немды и другихъ, такъ что въ 1854 году началось производство сѣрной кислоты изъ колчедановъ, и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Примѣру томскаго завода послѣдовали и другіе, и залежи колчедана открыты и разрабатываются уже въ губерніяхъ: Ярославской, Казанской, Нижегородской, Новгородской и Калужской. Такимъ путемъ получилъ значеніе и сталъ цѣнностію матеріалъ, о которомъ прежде здѣсь не знали, и въ которомъ не подозрѣвали полезности, Чтобы судить о значеніи этого матеріала въ дѣлѣ развитія нашихъ производительныхъ силъ, достаточно указать, что одинъ томскій заводъ употребляетъ его болѣе 40,000 пудовъ. Эти условія доставили нашему народному хозяйству пользу тѣмъ, что поддержали фабрикацію сѣрной кислоты, понизили

цѣны на нее болѣе чѣмъ на 2 руб. съ пуда, и доставили окрестнымъ крестьянамъ нѣсколько десятковъ тысячъ новыхъ заработковъ. Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, исторія этого прекраснаго заведенія. На выставкѣ были образцы гаранси-на, краппа, бѣлаго сатурна, купороса, шиповской соли и квасцовъ.

Въ этомъ же отдѣленіи выставки находились и образцы смолистаго сланца, находящагося въ Костромской губерніи, по Волгѣ, въ огромномъ количествѣ. Продуктъ этотъ весьма важенъ. Изъ него можно добывать газъ для освѣщенія, парафинъ, и наконецъ, весьма цѣнный продуктъ анилинь. Но это все еще, покуда, въ будущемъ; теперь же при всеобщемъ застоѣ въ торговлѣ и фабричной промышленности, трудно рѣшиться на затрату капиталовъ и при томъ весьма значительную. Дай Богъ, чтобы настала минута благоприятная, когда богатства, кроющіяся въ нѣдрахъ нашего дорогаго отечества, выйдутъ на свѣтъ, и когда капиталы наши безъ боязни станутъ пускаться на ихъ разработку.

Въ числѣ произведеній мануфактурной и заводской промышленности, нельзя было не обратить вниманія на издѣлія механическаго заведенія полковника Шипова. Выставлено было нѣсколько паровыхъ машинъ и пожарныхъ трубъ прекрасной отдѣлки.

Большая комната, непосредственно слѣдующая за той, гдѣ находились машины, занята была произведеніями хлопчато-бумажной, льняной, кожевенной и нѣсколькими образцами костромской ремесленной промышленности. Здѣсь были прекрасные образцы китаекъ, бязи широкой и узкой и дабы. Все это производится, главнѣйшимъ образомъ, въ Кинешмскомъ уѣздѣ, гдѣ хлопчато-бумажная промышленность начала быстро развиваться съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, послѣ упадка полотнянаго производства, преимущественно около села Вичуги и по окрестнымъ деревнямъ. До сихъ поръ еще существуютъ старинныя фирмы Миндовскихъ, Коноваловыхъ, Разореновыхъ, положившихъ начало этой промышленности въ Вичугѣ. Фирма Миндов-

скихъ можетъ считаться родоначальницей хлопчато-бумажнаго производства въ Костромской губерніи. Подобно большей части основателей здѣшнихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, Иванъ Ивановъ Миндовскій былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ. Первоначально занимался онъ выдѣлкой суровой китайки до 1824 года. Вышедши въ этомъ году на волю, онъ записался въ 3 гильдію, расширилъ производство, и къ китаечному присовокупилъ еще выработку миткалей, нанки и канифасовъ. Съ 1835 года, когда требованіе на китайку стало уменьшаться, фабрика Миндовскихъ стала работать дабу разныхъ цвѣтовъ и суровую бязь разной ширины, отъ 8 до 14, 18 22 вершковъ. Главный сбытъ дабы и бязи на Ирбитской ярмаркѣ, откуда она идетъ въ Сибирь, Киргизскую степь, на линію и на Кавказъ. Фабриканты объяснили Цесаревичу ходъ своей торговли, настоящее положеніе ихъ дѣлъ, опасную конкуренцію на Кавказѣ и въ прикаспійскихъ мѣстностяхъ вообще, со стороны англичанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили весьма интересное и утѣшительное свѣдѣніе, что со времени замиренія Чечни и Дагестана сбытъ туда издѣлій значительно усилился.

Относительно размѣровъ хлопчато-бумажной промышленности Костромской губерніи, имѣемъ мы свѣдѣнія чрезвычайно различныя. Официальная цифра гласитъ 2¹/₂ мил., по другимъ же свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ словъ людей, достаточно, кажется, знакомыхъ съ дѣломъ, сумма всего производства заходитъ далеко за 5 милл. Разницу эту можно объяснить тѣмъ, что первая цифра относится, можетъ быть, только къ фабричному производству, вторая же обнимаетъ собой и фабричное и крестьянское. Последнее также здѣсь весьма значительно. Но какъ бы то ни было, а принявъ въ соображеніе, что десятки тысячъ народа кормятся здѣсь хлопчато-бумажною промышленностью, что въ связи съ нею находится благосостояніе другихъ отраслей промышленности и многихъ крестьянскихъ промысловъ, конечно, призадумашься надъ дорогой цѣной хлопка, и невольно мысленно перенесешь въ страны, откуда

намъ и можно и должно и легко получать хлопокъ,—была бы добрая воля и побольше энергіи и заботливости у всѣхъ насъ о развитіи нашей отечественной промышленности.

Образцы льняной пряжи, полотень, коломенокъ и камчатнаго товара были представлены извѣстными по цѣлой Россіи фабриками Зотова, Брюханова, Дьяконова и Менгденъ. Изыществомъ рисунковъ и превосходнымъ качествомъ обратили на себя вниманіе скатерти и салфетки послѣдней фабрики, находящейся въ Кинешимскомъ уѣздѣ, въ селѣцѣ Никольскомъ. Фабрика эта существуетъ уже около 60 лѣтъ. Работала она первоначально только дюжинныя салфетки съ переборами, безъ машинъ, изъ домашней пряжи и болѣе для собственнаго употребленія. Остававшійся товаръ продавался затѣмъ безъ всякой отдѣлки гуртомъ въ Москвѣ. Съ 1827 года, фабричное производство было по разнымъ обстоятельствамъ остановлено и возобновлено только въ 1830 году. Высокій сортъ пряжи, тщательный выборъ узоровъ, бдительное наблюденіе за производствомъ работъ и строгая отчетливость въ окончательной отдѣлкѣ товара обратили вниманіе иностранцевъ на издѣлія Менгденской фабрики, и въ 1832 году заключено было съ голландскимъ купеческимъ домомъ Смитъ-Энгбертъ и Комп. условіе доставлять ему товаръ, что продолжается и до сихъ поръ. Любопытно было бы знать, всегда ли этотъ товаръ продается иностранцами за товаръ русскаго издѣлія. Въ 1834 году открыто складочное депо въ Ригѣ, существующее до сихъ поръ, гдѣ издѣлія фабрики пользуются постоянно хорошимъ сбытомъ, не смотря на большой привозъ заграничнаго товара. Фабрика постоянно имѣла станы съ деревянными и чугунными машинами Жакарда. Ткачи были прежде крѣпостные дворовые люди владѣльца, и ни одинъ изъ нихъ не былъ отдаваемъ въ ученье. Не было ни одного посторонняго мастера, ни изъ русскихъ, ни изъ иностранцевъ; но не смотря на то, ткачи менгденскіе отличались своимъ искусствомъ, и одинъ изъ нихъ получилъ въ 1853 году на московской мануфактурной выставкѣ похвальный

листь. Фабрика употребляла прежде для тканья льняную пряжу, ручную пряжу, покупаемую въ Кинешмѣ, и машинную русскую и заграничную; въ настоящее же время работаетъ только изъ русской машинной пряжи. Бѣленіе издѣлій производится выщелачиваніемъ простою золой и на солнцѣ, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ, ускоряющихъ процессъ бѣлѣнія. Впрочемъ, фабрика работаетъ теперь далеко уже не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ прежде, не болѣе какъ на 10 станкахъ. Невзгоды, постигшія все вообще наше льняное производство, отразились и на этой отрасли льняной промышленности.

Кожевенное дѣло имѣло также нѣсколько замѣчательныхъ представителей. Были образцы прекрасной юфти сапожнаго товара, галицкой замши.

25. Село Холуй.

Село, или слобода Холуй, находится въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ 30 верстахъ отъ Вязниковъ, въ 42-хъ отъ Шуи, съ населеніемъ въ 1,000 душъ. Жители этого селенія имѣютъ отличный характеръ быта отъ другихъ сельскихъ крестьянъ, и по жизни и по занятіямъ они чужды тѣхъ трудовъ и заботъ, съ которыми соединена жизнь русскаго крестьянина..... Оброковъ не платятъ, хлѣбопашества не имѣютъ; слѣдовательно, съ плугомъ и сохою вовсе не знакомы; рѣдкій найдется, кто бы умѣлъ запречь лошадей или вспахать землю, посѣять и собрать хлѣбъ. Сборъ съ лавокъ (*) и площади во время ярмарокъ обезпечиваетъ ихъ отъ всякаго рода повинностей, занятіе домовъ подъ квартиры пріѣзжающими на ярмарки тоже даетъ имъ значительные доходы (пологаютъ до 6 т. р.); но *главная* ихъ промышленность есть *иконопись*. Съ малыхъ лѣтъ до глубокой старости, житель Холуя не раз-

*) Въ гостиномъ дворѣ считается болѣе 400 лавокъ; но доходомъ съ лавокъ казенные крестьяне не пользуются, потому что гостиный дворъ находится на помѣщичьей землѣ. Доходу съ ярмарокъ собираютъ до 10 т. руб. сер.

стается съ кистью, имѣя оную постоянно въ рукахъ. Управляя ея машинально, безъ призванія и одушевленія, онъ становится жалкимъ труженникомъ рода человѣческаго. Прямо можно сказать, что холуйская иконопись состоитъ изъ самаго низкаго и грубаго мастерства (*), и заведеніе школъ для живописи въ такомъ мѣстѣ, какъ Холуйская слобода, необходимо въ настоящее время. Иконопись въ Холуѣ доведена до неимовѣрной скорости: нѣкоторые мастера пишутъ иконъ, мѣрою въ 8 вершковъ, *должно*, т. е. одно платье, по 600 иконъ въ недѣлю,—другой мастеръ тоже пишетъ въ недѣлю 600 лицъ. Пишутся они на доскахъ изъ липы, сосны, ели, ольхи и осины. Краски разводятся на яичномъ бѣлкѣ, и все написанное тотчасъ покрывается олифой, и икона готова. И что, вы думаете, стоитъ сотня такихъ иконъ? Два рубля серебромъ; за то уже не спрашивайте правильности въ письмѣ, прочности въ краскахъ: дешевизна цѣны васъ обезоруживаетъ. А какое огромное количество въ Холуѣ пишется иконъ, это достойно удивленія: отъ *полтора до двухъ милліоновъ* въ годъ. Вы спрашиваете, куда же сбывается вся эта масса?... а *офени* или *ходебщики*? Они то каждую ярмарку приѣзжаютъ въ Холуй, нагружаютъ иконами десятки, сотни воезовъ, и развозятъ по всемъ мѣстамъ обширной Россіи. Есть заводчики, которые по подрядамъ доставляютъ значительное количество иконъ въ монастыри: работа для монастырей производится не такъ, какъ для офеней, гораздо тщательнѣе и правильнѣе, и цѣна иконамъ гораздо выше. Зимой, послѣ Рождества, особенно въ великій постъ, привозится въ Холуй изъ-за Волги крестьянами каждую недѣлю на базаръ отъ 40 до 200 воезовъ дски (т. е. досокъ,

(*) Въ селѣ Палехѣ отстоящемъ отъ Холуя въ 30 верстахъ, иконопись находится въ лучшемъ состояніи. Жители Палеха, имѣя дѣла съ Москвою и Петербургомъ, доставляютъ туда иконы по большей части письма греческаго и производятъ торговлю въ обѣихъ столицахъ. Въ послѣднее время они довели мастерство свое до совершенства, работая на маслѣ со всею тщательностію, и особенно въ миньютурномъ видѣ, гдѣ правильность и отчетливость изумительны.

на которыхъ пишутся иконы—липовыхъ, ольховыхъ, осиновыхъ, еловыхъ и очень мало кипарисовыхъ.) И каждый крестьянинъ почитаетъ за необходимое правило съ своего воза приложить одну доску въ церковь: такихъ прикладовъ накапливается въ годъ болѣе *трехъ* тысячъ штукъ.

Въ Холуѣ пять ярмарокъ: четыре опубликованныхъ: Тихвинская 26 июня, Фроловская 18 августа, Введенская 21 ноября и Никольская 6 Декабря,—пятая не опубликованная, которая бываетъ передъ масленицей въ субботу. Ярмарки въ селѣ Холуѣ начали существовать ранѣе 1800 г., но опубликованными стали только съ 1837 года. Главная изъ нихъ Тихвинская, на которую привозится значительное количество товаровъ, московскихъ, шуйскихъ и ивановскихъ фабрикантовъ и торговцевъ, потому собственно, что оставшійся товаръ послѣ ярмарки весь отправляется прямо уже на Нижегородскую ярмарку водою съ холуйской пристани. Зимнія ярмарки, Введенская и Никольская, тоже бываютъ довольно значительны. На холуйскихъ ярмаркахъ хорошо торгуютъ книгами и картинами; въ 1853 году лавокъ книжныхъ было 6, товару привезено на 30 т. р. сер., продано на 25 т. Эта торговля здѣсь замѣчательна какъ по количеству, такъ и по качеству книгъ: покупатель офеня, иногда безграмотный, не трубуется самъ, какихъ именно ему надобно книгъ, а беретъ тѣ, какія ему предлагаетъ книжный торговецъ, и тутъ-то отпускаются во все концы Россіи тысячи экземпляровъ самой изящной литературы, какъ-то: Битва Русскихъ съ Кабардинцами, Приключенія Милорда Георга, Могила Маріи, и проч. Но самый замѣчательный изъ товаровъ по количеству—деревянная посуда.

Холуѣ есть едва ли не единственное мѣсто въ Россіи, куда привозится такое огромное количество деревянной посуды, начиная съ огромныхъ чашъ, въ которыхъ человекъ легко и безопасно можетъ держаться на водѣ, до миллионъ ложекъ и веретенъ. Посуда эта: чашки, скрины, ставцы, блюда, тарелки и ложки, дѣлается за Волгой, и оттуда Бѣлою привозится въ село Пурехъ и лежащія близъ она-

го деревни, красится и олифится (т. е. наводится лакомъ,) и отдѣланная вывозится на ярмарки въ Холуй. Покупается она здѣсь тоже офенями; торговецъ-офеня иногда одинъ покупаетъ до 20 возовъ и болѣе, и отправляетъ ее для продажи болѣе въ южныя и западныя губерніи и къ Петербургу. Холуйскія ярмарки, говоритъ г. Несытовъ, особенно важны и даже необходимы для сбыта ситцевыхъ товаровъ; потому что большая часть офеней, или ходещиковъ, съѣзжаются на эти ярмарки, и составляютъ главныхъ покупателей. Десять лѣтъ (писано 1851 г.) тому назадъ, значительность этихъ ярмарокъ была такъ велика, что фабриканты большую часть своихъ товаровъ сбывали за наличныя деньги; а если и имѣли и кредитную продажу, то срокъ ея ограничивался мѣсяцами тремя. Въ послѣднее время кредитная торговля достигла значительной степени, которую можно опредѣлить платежемъ 8—18 мѣсячнымъ.

26. Село Богородское.

Село Богородское находится верстахъ въ 40 отъ Нижняго Новгорода въ Горбатовскомъ уѣздѣ, на самой большой дорогѣ. Въ этомъ прекрасно устроенномъ селѣ 4 каменные церкви, 800 домовъ, въ томъ числѣ 6 каменныхъ, и больше шести тысячъ жителей.

Богородское расположено на совершенно ровномъ мѣстѣ при нѣсколькихъ прудахъ; дома въ немъ большіе, помѣстительные. Здѣсь бывають еженедѣльные базары по субботамъ и ярмарка 8 сентября, на которую привозится на 5,000, а продается на 3,000 р. сер. Торговыхъ лавокъ 18.

Это село было дано въ помѣстье Козьмѣ Минину «за московское очищенье,» 20 января 1615 года. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Козьму и сына его Неседа тѣмъ помѣстьемъ въ вотчину—«за его, Козьмину,—какъ сказано въ грамотѣ,—многую службу.»

Стряпчій Нееедъ Козьминъ Мининъ умеръ бездѣтнымъ, выморочную вотчину взяли на государя, потому она пожа-

лована была князю Якову Куденетовичу Черкасскому. Отъ князей Черкасскихъ по наслѣдству перешло оно въ родъ Шереметьевыхъ. Въ 1861 г. крестьяне этого села, конечно, вышли изъ крѣпостной зависимости.

Земля около села очень хороша, но лѣсу совсѣмъ нѣтъ. Онъ вырубленъ въ прошломъ столѣтїи; теперь мѣстами попадаются молодой березнякъ и осинникъ, годный лишь на дрова. Земля обрабатывается крестьянами сосѣднихъ деревень. Жители села Богородскаго всѣ заняты кожевеною промышленностію.

Здѣсь изстари выдѣлываютъ кожи. Въ настоящее время здѣсь находится 120 кожевенныхъ заведеній, въ томъ числѣ 3 каменныхъ. Лучшіе изъ нихъ: Ст. Пчелина, Анд. Маркова, Алек. Александрова, Ал. Жирнова, Фед. Маркова и Петра Кубышкина. На этихъ заводахъ ежегодно выдѣлывается разныхъ кожъ на сумму 300 тысячъ. При всѣхъ заводахъ работниковъ до 450 человѣкъ, которые получаютъ отъ хозяевъ плату отъ 40 до 150 р. сер. въ годъ.

Выдѣлываютъ кожи *бараньи, яловочныя; выростки, опойки подошвенныя и коневыя*. Бараньи и яловочные (выростки, опойки) дѣлаются и бѣлые и черные, а выростки и черные и красные. Выдѣлка богородскихъ кожъ впрочемъ во многомъ уступаетъ козамъ другихъ заводовъ Нижегородской губерніи: арзамасскимъ, мурашкинскимъ, катунскимъ и спасскимъ. Это оказалось на бывшей въ 1849 году нижегородской выставкѣ сельскихъ произведеній.

Кожа—сырье получается для богородскихъ заводовъ на нижегородской ярмаркѣ, и кромѣ того большое количество кожъ привозится въ самое Богородское на базары изъ разныхъ мѣстъ. Независимо отъ привоза сырыхъ кожъ, пригоняется въ Богородское до 12,000 калмыцкихъ барановъ, которыхъ здѣсь рѣжутъ, и выдѣлываютъ ихъ кожи. Зола и *шадрикъ* для золенья кожъ привозится сухимъ путемъ изъ Васильевскаго уѣзда, а также изъ Мамадыша Казанской губерніи. Известь покупается Ардатовскаго уѣзда въ деревняхъ: Березникахъ и Ключицахъ, жители которыхъ дома-

ють алебастръ, находящійся въ большомъ количествѣ на берегу Оки. Ивовое корье доставляется съ острововъ и *поемныхъ* мѣстъ по Окѣ и Волгѣ, а также съ Ветлуги. Говорятъ, будто въ дубы употребляютъ и березовую кору. Деготь идетъ изъ Темникова (Тамбовской губерніи.) Постное масло изъ села Стексова и другихъ мѣстъ Ардатовскаго уѣзда. *Сандалъ* и квасцы покупаются на ярмаркахъ нижегородской и ростовской.

Сбываются кожи на ярмаркахъ нижегородской, ростовской, лебедянской, шахминской и ковровской.

Привозъ матеріаловъ и сбытъ произведеній идутъ сухимъ путемъ.

Прежде крестьяне села Богородскаго поставляли много кожъ въ Давыдково (Ярославской губерніи.) Тамъ ихъ кроили и шили изъ нихъ рукавицы. Давыдковскіе рукавичники плохо рассчитывались съ богородскими кожевниками; бывший помѣщикъ, узнавъ объ этомъ, вызвалъ въ Богородское двухъ-трехъ закройщиковъ изъ Давыдково, которые и показали нехитрый способъ кроенія рукавицъ. За шведами дѣло не стало: сами пришли изъ окрестныхъ селеній и изъ-за Пьяны изъ-подъ Мурашкина. Рукавичный промыселъ привился къ новому мѣсту, сношенія съ Давыдковымъ были прерваны; постороннимъ швецамъ отказали въ работѣ, и теперь въ Богородскомъ шьютъ рукавицы только одновотчинные, получая за работу по 15 коп. асс. съ пары. Работаютъ они по домамъ изъ хозяйскаго матеріала, а на заведеніяхъ самихъ хозяевъ ихъ отчищаютъ, смазываютъ и посредствомъ особой машины тиснятъ по краямъ разныя незатѣйливыя украшенія. Въ годъ сошьютъ всего до милліона паръ; изъ этого 600,000 отправляется въ Петербургъ. Въ Петербургъ посылаютъ рукавицы *кучерскія*, т. е. съ длинными *крайнами*, а въ Москву, на нижегородскую ярмарку и въ другія мѣста идутъ рукавицы *русскія*, т. е. съ короткими и узкими краями. Рукавицы изъ русской бараньей кожи стоятъ 35 коп., изъ калмыцкой 30 к. сер. Изъ русскаго барана выходятъ 4, а изъ калмыцкаго 5 паръ рука-

виць. Слѣдовательно, въ Богородскомъ рукавиць приготовляется ежегодно на сумму около 300,000 р. сер. Лучшія рукавицы Петра Кубышкина, который за свое производство получилъ похвальный листъ на нижегородской выставкѣ 1849 года. Кромѣ того здѣсь въ 1860 году считалось 95 шорниковъ, выдѣлавшихъ прекрасной ямской упряжи на 30 т. р. сер. Жители занимаются также производствомъ валеныхъ сапогъ и войлоковъ. Сверхъ упомянутыхъ кожевенныхъ заводовъ въ селѣ существуютъ: чугунный заводъ, на которомъ отливаются чугунные горшки, и мѣднолитейный, на которомъ выдѣлываютъ паровые котлы, кубы, ретификаторы и холодильники для винокуренныхъ заводовъ.

При такомъ состояніи промышленности, крестьяне села Богородскаго болѣе нежели зажиточны. Изъ нихъ одинъ Марковъ имѣетъ миллионъ, другой Марковъ имѣетъ 800,000, Пчелинъ 400,000, все, разумѣется, на ассигнаціи. Имѣющихъ капиталы во 100 и въ 150 тысячъ на ассигнаціи болѣе десяти человекъ. Во многихъ домахъ живутъ на купеческую ногу, имѣютъ по четыре, по пяти кровныхъ рысаковъ, до которыхъ большіе охотники.

Народъ красивъ: почти все рослы, темнорусы, съ чисто русскимъ обликомъ. Мордовскаго типа, столь замѣтнаго во многихъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи, здѣсь совершенно не видно. Одѣваются нарядно. Любопытно посмотрѣть на богородскихъ крестьянъ въ лѣтніе праздники на гуляньяхъ въ обширномъ и прекрасномъ господскомъ саду. Муцины въ синихъ долгополыхъ суконныхъ кафтанахъ съ сборами позади, въ плисовыхъ штанахъ и въ красныхъ рубахахъ, не рѣдко шелковыхъ; на головѣ поярковая или пуховая шляпа, прямая, ровная или московскимъ шпилькомъ. Нѣкоторые кафтаны замѣняютъ сибиркою, т. е. длиннополымъ сюртукомъ съ сборами на бокахъ—переходъ отъ русскаго кафтана къ нѣмецкому костюму. При сибиркѣ появляются изрѣдка и жилеты, но галстуковъ вовсе нѣтъ. Платокъ на шеѣ русскій простолюдинъ считаетъ за одно съ брадобритіемъ, только рекрутъ —наемщикъ надѣваетъ его.

То фряжскій обычай.... Не надѣнетъ его русскій крестьянинъ, а если въ трескучій морозъ онъ и навертитъ платъ, то все-таки не на шею, а на воротъ полушубка. Женщины на гуляньяхъ Богородскаго ходятъ особнякомъ. Дѣвушки въ шелковыхъ и кумачныхъ сарафанахъ, въ бѣлыхъ какъ кипень миткалевыхъ рукавахъ, въ шелковыхъ, золотыхъ и жемчужныхъ повязкахъ, ходятъ вереницами, сплетясь руками; у каждой въ правой рукѣ бѣлый платокъ. Водятъ хороводы, но только однѣ дѣвушки; мужчины и близко не подходятъ.

Богородскій крестьянинъ смышленъ, предприимчивъ и довольно честенъ. Грамотность довольно сильна, въ селѣ 4 училища, въ которыхъ учителями мѣстные священники. Въ прежнее время жители Богородскаго придерживались раскола, о чемъ есть упоминаніе и въ нижегородскомъ лѣтописцѣ; теперь расколъ прекращенъ.

27. Село Павлово.

Кому не извѣстны павловскія издѣлія? Почти всякій изъ насъ обѣдаетъ съ павловскимъ ножомъ и вилкою, чинитъ перо павловскимъ ножичкомъ, носитъ платье, скроенное павловскими ножницами, запираетъ свои пожитки павловскимъ замкомъ; съ нѣкотораго времени и бриться стали павловскими бритвами. Сподручно сбывать свои произведенія досужимъ павловцамъ: Нижегородская ярмарка подъ бокомъ, къ тому же сосѣди ихъ, вязниковскіе и гороховскіе офени, снуя вѣкъ свой вдоль и поперекъ по Русской землѣ, доходя до Иркутска и Кяхты, разносятъ въ коробкахъ своихъ павловскія издѣлія и извѣстность села Павлова. Тысячъ десять дюжинъ двулезвейныхъ перочинныхъ ножей павловскихъ персіяне ежегодно увозятъ съ нижегородской ярмарки въ свою сторону, гдѣ затупивъ имъ остріе, дѣлаютъ своего рода вилки. Павловскіе замки, врѣзанные въ павловскіе же и макарьевскіе сундуки, идутъ въ Бухару, Хиву, Ташкентъ; даже на границахъ Афганистана нахо-

дили эти сундуки, и видали, какъ дивуются туземцы звону отпироваго и запираваго хитроваго замка павловаго.

Горячіе поклонники села Павлова называютъ его русскимъ Бирмингамомъ. Преувеличено это сравненіе, но тѣмъ не менѣе Павлово все-таки чрезвычайно замѣчательно по своей промышленности. Велико это селеніе, широко раскинулось оно по высокому берегу Оки; въ немъ насчитается болѣе тысячи домовъ, болѣе 700 слѣсарныхъ верстаковъ, болѣе 7,000 населенія; но все-таки одному селу не сдѣлать того огромнаго количества металлическихъ издѣлій, которое ежегодно расходится по бѣлу свѣту подъ названіемъ павловскихъ. Сосѣднее съ Павловымъ село Ворсма и еще тридцать два селенія Горбатоваго уѣзда (Нижегородской губ.) занимаются приготовленіемъ этихъ произведеній. Большая часть этихъ селеній принадлежала прежде графу Шереметеву.

Павловскій слѣсарный округъ занимаетъ до 200 квадратныхъ верствъ, и ограничивается рѣками Окою и Кишмою, кромѣ того Тумботинскій приходъ на лѣвой сторонѣ Оки противъ Павлова. Въ округѣ этомъ заключается до 40 селеній, а въ нихъ болѣе 20,000 жителей, 1,500 пришлыхъ работниковъ. Эти жители работаютъ болѣе чѣмъ на 2,000 верстакахъ въ 200 кузницахъ.

Главные мѣста въ этомъ слѣсарномъ округѣ—Павлово и Ворсма. Павлово не смотритъ селомъ; это городъ и городъ не рядовой. По высокому, чрезвычайно красивому берегу Оки расположены узкія кривыя улицы, мѣстами мощенныя деревомъ; девять церквей, которыя можно назвать великолѣпными, красуются по горѣ; тридцать обширныхъ каменныхъ домовъ, тысяча деревянныхъ городской постройки, усадьбы, обнесенныя досчатými заборами, кипучая дѣятельность, многолюдные базары, пристань, все это придаетъ Павлову видъ одного изъ хорошихъ уѣздныхъ городовъ. Народъ здѣсь красивъ, и хотя и бѣденъ, но щеголеватъ; за то здѣсь же рядомъ съ бѣдностью живутъ такіе богачи, какіе и въ городахъ на рѣдкость, отсюда напр. вышелъ въ

купцы Акифьевъ, живущій теперь въ Нижнемъ — Новгородѣ, владѣтель нѣсколькихъ милліоновъ. Много жителей средней руки — очень зажиточныхъ. Всѣ они особенно отличаются набожностію, приверженностію къ святой церкви, и дѣлаютъ значительные вклады въ храмы Господни. Одинъ Акифьевъ пожертвовалъ на соборную церковь сто тысячъ. Здѣсь нѣтъ ни одного раскольника, бывшіе прежде обратились къ единовѣрію и построили двѣ каменные церкви, изъ которыхъ одну можно назвать даже великолѣпною.

Ворсма въ 12 верстахъ отъ Павлова на большой дорогѣ, послѣ построенія московско-нижегородскаго шоссе называющейся «старою московскою.» Оно расположено по косогору надъ рѣкой Кишмой и широкимъ прекраснымъ озеромъ, разлившимъ свои воды, посреди которыхъ какъ бы изъ озера выходятъ бѣлыя стѣны и зданія монастыря Островоезерскаго. Ворсма не такъ красива, какъ Павлово, но также, какъ и оно, имѣетъ городской видъ: улицы широки и прямы, усадьбы обнесены досчатыми заборами, красивыя церкви, сады при красивыхъ домахъ и къ тому же кипучая промышленность; жители набожны, и здѣсь нѣтъ раскольниковъ, которые всѣ обращены къ единовѣрію, и построили въ Ворсмѣ каменную церковь. Земля здѣсь суглинистая, мѣстами песчаная, хлѣбъ родится плохо и требуетъ сильнаго удобрения. Въ большихъ селеніяхъ ея къ тому же мало: такъ, напримѣръ, при селѣ Ворсмѣ ея считается только 2,845 десятинъ, т. е. менѣе двухъ десятинъ на ревизскую душу. Въ Павловѣ немного побольше, но все менѣе трехъ десятинъ. Землю эту отдаютъ въ кортому немногіе жители, занимающіеся хлѣбопашествомъ. Такихъ въ Ворсмѣ не болѣе 65 семействъ, въ Павловѣ десять. Берутъ землю павловскую въ кортому и жители сосѣднихъ деревень, которые платятъ за то отъ полутора до двухъ рублей ассигнаціями за четверть. (*) Въ самомъ селѣ Павловѣ лошадей почти не держатъ, ибо они не нужны; ма-

(*) Въ десятихъ полторы четверти.

стеровому человѣку некуда ѣздить, ибо сбыть его работы на мѣстѣ, и много такихъ домовъ найдете вы въ этомъ селѣ, которые обветшали и почти развалились уже, не выдавъ на своемъ поросшемъ травою дворѣ лошади; при многихъ домахъ и воротъ нѣтъ, одна калитка для прохода людей и коровы.—При такомъ порядкѣ вещей навозъ въ Павловѣ дорогъ, землепашцы платятъ коп. по 10 сер. за возъ. Сѣно съ обширныхъ приокскихъ луговъ идетъ на прокормленіе коровъ, и большею частію отвозится въ лодкахъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ во время ярмарки вѣренъ и выгоденъ сбыть его.—По деревнямъ есть семейства, которыя преимущественно занимаются земледѣліемъ; но и тутъ по зимамъ земледѣльцы садятся за верстаки. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напр. Меленкахъ, Заплатинѣ, Крюковѣ, занимающіеся земледѣліемъ передаютъ заботу о землѣ старикамъ, а сами только недѣли на двѣ въ лѣто оставляютъ верстаки для пашни. Впрочемъ, землепашество и здѣсь считается выгоднымъ. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ въ Меленкахъ: «какъ бы земли было вдоволь, кто бы сталъ за верстаки; и теперь лошадь есть, такъ и ладно: паши.—Старикъ-то больше пашней возьметъ, нежели нашъ братъ щипцами; у него пашня пашней, а мастерство мастерствомъ—вѣдь зимой-то и старички садись за слѣсарную работу.» Если исключить изъ общаго количества работниковъ—такъ называемыхъ фабрикантовъ, т. е. тѣхъ, на которыхъ работаетъ бѣдность, словомъ, если исключить тѣхъ, которыхъ народъ зоветъ хозяевами, останется около 20,000 населенія обоюго пола, которое въ потѣ лица своего, при тяжкой работѣ въ круглый годъ, едва вырабатываетъ на свое пропитаніе. Правда, что павловцы всѣ и всегда «въ сапогахъ;» но здѣсь это не составляетъ признака довольства: работаетъ дома павловецъ босикомъ, сапоги же надѣваетъ онъ, только выходя изъ дому, а ему домосѣду рѣдко приходится уходить со двора и почи никогда вонъ изъ села. Сапоги для него дешевле лаптей. Не смотрите и на то, что этотъ работникъ носить ситцевую рубаху, а жена его въ

ситцевомъ сарафанѣ; это не роскошь; нѣтъ, нужда заставила его одѣваться въ ситець; у него нѣтъ земли для посѣва льна, у жены его нѣтъ ни гребня, ни ткацкаго стана; она помогаетъ своему мужу: глянчить ножи, полируетъ ихъ. Десятикопѣечный ивановскій ситець дешевле пестряди и холста, которые для павловца недоступны. Бѣдный работникъ работаетъ на хозяина изъ его матеріаловъ понеѣдно; каждую субботу бываетъ расчетъ, и онъ получаетъ до 4 руб. сереб. На это онъ долженъ содержать себя и весь домъ, ибо у него нѣтъ хозяйства: и хлѣбъ, и дрова, и одежда—все съ базара. Болѣзнь или другая какая-либо причина остановки въ работѣ повергаетъ его въ безысходную бѣдность.

Другой разрядъ работниковъ, которые работаютъ на себя или же по заказамъ фабрикантовъ. Имѣя маленькія деньги, онъ покупаетъ свои матеріалы и продаетъ издѣлія по вольной цѣнѣ скупщикамъ на базарахъ, раздаетъ въ долгъ оренимъ, или сбываетъ богатымъ фабрикантамъ. Въ этомъ разрядѣ рабочаго класса замѣтно довольство; нѣкоторые изъ этого разряда продаютъ свои издѣлія на базарахъ, бывающихъ въ Павловѣ и Вязьмѣ, и сидятъ на мосту на нижегородской ярмаркѣ. Изъ нихъ одни работаютъ своей семьей, а другіе имѣютъ и работниковъ; разбогатѣвъ вслѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, такой мастеровой дѣлается фабрикантомъ.

Павловская промышленность существуетъ издавна: еще при Петрѣ Великомъ здѣсь были слесари, которые впоследствии стали дѣлать и ружья, научившись у туляковъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Павловѣ было 270 верстачковъ и цѣнность выработываемыхъ издѣлій во всемъ слесарномъ округѣ доходила до 105,000 руб. ассиг.; въ истекшей половинѣ XIX ст. особенно развилась эта промышленность. Но не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ она получила свою самобытность, и усовершенствовалась. До того времени лучшіе мастера издѣлія свои отправляли въ С.-Петербургъ къ Канаплю и друг.; тамъ на павловскія издѣлія

клали англійскія клейма, и они преспокойно сбывались за чужеземныя. Ворсенскій крестьянинъ Иванъ Семеновъ Завьяловъ своимъ неутомимымъ усердіемъ достигъ извѣстности, и первый не убоился на издѣліяхъ клеймить *свое имя русскими* буквами. Своимъ трудолюбіемъ онъ поборолъ самаго страшнаго для всякаго русскаго фабриканта врага: предубѣжденіе, что русскія руки неспособны сдѣлать вещь, подобную иноземной. На выставкахъ петербургскихъ, московскихъ, варшавскихъ и нижегородскихъ, издѣлія Завьялова заслужили особенное вниманіе, и здѣсь всѣ убѣдились, что русскія руки могутъ дѣлать хорошія слесарныя издѣлія, и тогда-то имя даровитаго мастера, Завьялова, стало знакомо по всей Русской землѣ. Завьяловъ за свои издѣлія получилъ много наградъ: право употреблять государственный гербъ на своихъ произведеніяхъ, медали, почетный кафтанъ, почетные отзывы.—Требованія на его вещи увеличивались съ каждымъ годомъ, работа кипѣла, и Завьяловъ едва успѣвалъ исполнять многочисленные заказы для Москвы и Петербурга. Съ легкой руки Завьялова пошли въ ходъ и другіе мастера: *Ив. Колякинъ* изъ Павлова, прежде того работавшій на Канапля, и *Петръ Горшковъ* изъ Павлова же, получившій первую извѣстность въ 1843 году на московской выставкѣ, и доведшій свои издѣлія до такой степени совершенства, что имъ едва ли не придется взять первенство предъ всѣми подобными русскими издѣліями. Эти главные мастера, а также и другіе второстепенные, держатъ въ рукахъ своихъ павловскую промышленность, и масса рабочаго класса совершенно зависитъ отъ нихъ.—Явленіе тоже самое, какъ и въ ткацкихъ мѣстностяхъ шуйскихъ и ивановскихъ.

Нельзя сказать, чтобы изъ многочисленныхъ мастеровъ Павлова, Ворсмы и др. селеній только одни Завьяловъ, Калякинъ, Горшковъ и имъ подобные могли выдѣлывать отличныя издѣлія. Напротивъ, иногда въ бѣдности, въ безысходной нищетѣ, скрывается такой работникъ, который не только не уступитъ первостатейному мастеру, но

даже превзойдетъ его. Но у него нѣтъ ни денегъ, ни извѣстности, и нужда заставляетъ его кормиться работою на богатыхъ, которые раздають матерiалы изъ выработки. Трудно бѣдняку, продовольствующемуся всѣмъ покупнымъ, трудно ему при ограниченной платѣ за трудъ выйти изъ толпы работниковъ, завести свою самобытную дѣятельность, самому продавать свои издѣлія и стать на ряду съ первостатейными. У него достанетъ и умѣнья и терпѣнья сдѣлать вещь не хуже той, которая, выходя изъ его же дома въ первоначальной степени отдѣлки, только очищается у богача, гдѣ на нее наложить пышное клеймо съ государственнымъ гербомъ и именемъ извѣстнаго мастера, и тѣмъ возвысить цѣнность въ четыре или пять разъ. Другой и отдѣлалъ бы свою вещь точно также, и ни одинъ самый опытный глазъ не отыскалъ бы разницы въ его издѣліи съ издѣліемъ знаменитаго фабриканта; но при его скудныхъ доходахъ гдѣ возьметъ онъ капиталъ, необходимый и на заготовку матерiаловъ и на собственное обезпеченіе? А потомъ, какъ онъ сбудетъ свои издѣлія при недостаткѣ кредита и извѣстности?—Продастъ скупщикамъ на павловскомъ базарѣ, отдастъ въ долгъ офени. Но ни тотъ, ни другой не дастъ ему хорошей цѣны, а офени въ долгъ ему и отдать нельзя. Правда, примѣра не бывало, чтобы ходебщикъ денегъ не платилъ при расчетѣ не только съ подобными мелкими промышленниками, но даже по забору на большія суммы (безъ всякой росписки) у богатыхъ торговцевъ на нижегородской ярмаркѣ. Но павловцу не стать имѣть съ нимъ дѣло—мѣсяцевъ двѣнадцать, восемнадцать. Къ тому же вязниковецъ наровитъ взять вещь «подешевле да посердитѣй;» дай ему вещь съ англійскими буквами, которыя въ захолустяхъ принесутъ ему нѣсколько лишнихъ процентовъ барыша.—Какая же тутъ извѣстность? И ставитъ другой на своемъ русскомъ издѣліи англійскія буквы, часто безъ всякаго смысла, и раскупаются они многими жителями отдаленныхъ мѣстъ, вѣрующими въ сердечной простотѣ въ чужеземное происхожденіе павловскаго товара.

Много такихъ вещей съ англійскими клеймами уходятъ и въ Персію, и быть можетъ, иной туристъ, увидѣвъ павловскій перочинный ножикъ, преобразовавшійся въ персидскую вилку, подумаетъ, что она завезена изъ родной его Британіи, тогда какъ изъ Павлова свезли ее къ Макарію, а здѣсь купилъ ее армянинъ или персіанинъ, да и увезъ во владѣніе шаха.

Матеріалы получаютъ павловцами изъ слѣдующихъ мѣстъ: англійская сталь изъ Петербурга, русская съ заводовъ Боронина и Шмакова въ Ворсмѣ, Сахариныхъ въ Горбатовѣ и съ заводовъ нижегородскихъ. На этихъ заводахъ сталь куютъ изъ желѣза демидовскаго и юрузанскаго, а также и катаевскаго. Въ Ворсмѣ выковывается до 7,660 пудъ, въ Горбатовѣ до 4,500 ежегодно. Заводъ Боронина самый старинный въ Нижегородской губерніи, но его сталь ярка и уступаетъ стали нижегородской, которая, и особенно Ругавишниковая и Пятова, отличнаго достоинства, въ полировкѣ чиста, въ изломѣ мелка, ровна безъ раковистыхъ зеренъ и безъ плѣнокъ. Польское серебро, мѣдь, черепаха, перламутръ, слоновая и мамонтовая кость, оленій и простой рогъ, дерево черное и кокосовое, наждакъ закупаются павловцами на нижегородской ярмаркѣ, всего для Павлова, Ворсмы и другихъ мѣстъ, на сумму 32 т. руб. сереб. Угли привозятъ въ Павлово, изъ подѣ Горбатова и изъ Владимірской губерніи, а въ другія мѣстности, напр. въ Ворсму, Золино и проч. изъ лѣсныхъ дачъ графа Шереметева, Горбатовскаго уѣзда Хвощевской и Панинской вотчинъ; почти половина потребнаго горючаго матеріала поступаетъ отсюда. Въ Ворсму угли привозить по зимамъ и мордва Терюшевской волости Нижегородскаго уѣзда. Въ сложности угли обходятся отъ 15 до 20 к. за четверть, а дрова по 2 р. 15 к. за однополѣнную сажень. Дровъ, кромѣ получаемыхъ изъ шереметевскихъ дачъ, для одной Ворсмы покупается до 2 т. саж. на сумму 4,300 руб.; углей же покупныхъ до 36 т. четвертей, на сумму 6,300 р. с. Политуру многіе мастеравые, напр. Калякинъ, готовятъ сами изъ окисла же-

лѣза, которое отпадаетъ во времяковки; его растираютъ въ порошокъ, просѣвають, обливаютъ сѣрной кислотой, потомъ прокалываютъ, и политура готова. Въ Павловѣ и Ворсмѣ выдѣлывается разнаго рода ножевой товаръ, ножницы, кинжалы и шпаги. Оружіе здѣшнее, однако, далеко уступаетъ тульскому. Въ Павловѣ дѣлаютъ также вѣсовыя коромысла; изъ заводчиковъ этого рода особенно замѣчательнъ Бабыринъ, котораго вѣсы съ опущеннымъ внизъ указателемъ на нижегородской выставкѣ 1849 г. обращали на себя вниманіе, хотя и стояли рядомъ съ вѣсами Семеновскаго уѣзда и вѣсами знаменитаго Вѣсовщикова, нижегородскаго цеховаго, котораго издѣлія считаются первыми въ своемъ родѣ, и которыя заслужили золотую медаль. Кромѣ того въ Павловѣ работаютъ молотки, щипцы сахарныя и свѣчныя, щетки для суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ, замки и проч. Работаютъ также сундуковъ тысячъ по шести и болѣе, и сбываютъ ихъ на нижегородской ярмаркѣ бухарцамъ и армянамъ. По деревнямъ занимаются выдѣлкою того или другаго издѣлія исключительно: такъ напр. въ Меленкахъ работаютъ только свѣчныя щипцы и замки, — въ Завалищахъ, Золинѣ, Заплатинѣ, Крюковѣ, Богдановѣ исключительно одни значки, равно какъ и въ Панинѣ, гдѣ впрочемъ только два слесарныхъ заведенія; въ Вязовкѣ — однѣ ножницы, въ Таринскомъ — ножи и замки, въ Миртовыхъ селѣ и деревнѣ, Хрѣновѣ, Тумбожинѣ, Долотковѣ, Булатниковѣ, Рыбинѣ, Давыдовѣ, Козловкѣ, Шульгинѣ и Щербининѣ — одни ножи; въ остальныхъ селеніяхъ ножи и ножницы. Въ селѣ Сосновскомъ, невходящемъ впрочемъ въ составъ павловскаго округа, но находящемся неподалеку отъ него, есть также замочники, и кромѣ того дѣлаютъ тамъ глухари (звонки для лошадей.)

Кромѣ того въ Ворсмѣ находятся 200 кузницъ для черной дѣльной работы. Работа здѣсь непрерывная: дѣлаютъ топоры, крестьянскіе ножи и множество ножницъ для стрижки овецъ. Для точенія топоровъ, мотыгъ, долотъ и лопатъ на этихъ кузницахъ находятся двадцать колесъ, приводи-

мыхъ въ движеніе лошадьми, и болѣе 80 точильныхъ колесъ для точенія ножей; эти приводятся въ движеніе руками работниковъ.

Выдѣлывается разнаго рода издѣлій павловскихъ: въ Ворсмѣ на 53 т. р., въ Павловѣ на 37 т. р., въ другихъ селеніяхъ на 25 т., всего на 115 т. руб. сер.

Цѣнность нѣкоторыхъ вещей удивительно низка: такъ работники деревни Меленокъ продаютъ въ Павловѣ свои щипцы съ пружинами за двугривенный. Есть ножи столовые по 1 р. сер. за дюжину; перочинные ножи о двухъ лезвіяхъ за дюжину 20 к. сер. Эти-то ножи отправляются на востокъ.

Сбываютъ свои произведенія скупщикамъ, которые берутъ товаръ на базарахъ Павлова и Ворсмы; огромные транспорты по Окѣ отвозятся ежегодно на нижегородскую ярмарку, гдѣ на мосту и въ особыхъ желѣзныхъ рядахъ вы можете увидѣть огромнѣйшій запасъ павловскихъ издѣлій. Фабриканты продаютъ высшіе сорта въ Москвѣ и въ Петербургѣ; мало вещей раскупается на ярмаркѣ Ростовской и въ Малороссіи; вязниковскіе офени развозятъ павловскія вещи повсюду; черnodѣльная работа Ворсмы идетъ на нижегородскую ярмарку; ножницы для стрижки овецъ въ огромномъ количествѣ отправляются въ южныя губерніи.

Такова павловская промышленность, столь замѣчательная по своему развитію и оборотамъ.

28. Село Иваново.

Ситецъ одѣваетъ весь низшій классъ въ Россіи, за исключеніемъ только тѣхъ деревушекъ, въ которыхъ онъ еще не успѣлъ вытѣснить пестрядныя и набойчатые ткани, такъ долго у насъ господствовавшія. Теперь каждая крестьянка имѣетъ, по крайней мѣрѣ, двѣ ситцевыя перемѣны, то есть два, болѣе или менѣе пестрыхъ сарафана. Часто даже женское бѣлье шьется изъ ситца, на примѣръ, та часть ру-

башки, которая остается видна при сарафанѣ; вслѣдствіе чего бабы наши нерѣдко бываютъ похожи на росписныя яйца съ своими ярко-розовыми рукавами при красныхъ съ желтыми разводами сарафанахъ и такихъ же пестрыхъ платкахъ. Въ праздникъ вы не увидите ни одного парня безъ новой ситцевой рубахи до того яркаго цвѣта, что у васъ зарябитъ отъ нея въ глазахъ. Ребятамъ переходить тотъ же ситецъ по наслѣдству отъ родителей: искусныя руки матерей быстро превращаютъ свой изорванный сарафанъ въ душегрѣйку для десятилѣтней дочки Оени или рубаху малолѣтнему Ванюхъ. По торжественнымъ же днямъ и мелюзга является въ обновахъ, такъ же лоснящихся, какъ, и ихъ жирнонамазанные волосенки.

По городамъ все тотъ же ситецъ одѣваетъ всѣхъ фукарокъ, прачекъ, горничныхъ и мѣщанокъ. На дворникахъ, водовозахъ и кучерахъ мы видимъ по большей части ситцевыя рубахи. Даже барыни и барышни наши на скромныхъ дачахъ Парголова, Мурина и тому подобныхъ, появляются лѣтомъ въ ситцевыхъ платьяхъ.

При такомъ громадномъ употребленіи ситца, разныхъ цѣнъ и достоинствъ, понятно, что рѣшеніе вопроса, изготовляется ли этотъ ситецъ внутри страны или привозятъ его изъ иностранныхъ земель, становится однимъ изъ важныхъ и занимательныхъ вопросовъ; а потому я и обращаю вниманіе читателей нашихъ на мануфактурную промышленность села Иванова, нашего русскаго Манчестера, названнаго въ народѣ золотымъ дномъ, который фабрикуетъ до 1 милліона кусковъ ситца въ годъ (до 50 милліоновъ аршинъ) суммою на $7\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей.

Село Иваново находится на сѣверѣ Владимірской губерніи, недалеко отъ границы ея съ Костромской, въ Шуйскомъ уѣздѣ (въ 30 верстахъ на востокъ отъ Шуи,) на рѣчкѣ Уводи, притока Клязмы. Оно состоитъ изъ небольшого селенія, собственно называемаго Ивановымъ, и

нѣсколькихъ слободъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, и которыя составляютъ его продолженіе. Иваново, со всеми слободами, заключаетъ въ себѣ 17,000 жителей, изъ которыхъ приписаны къ мѣсту 7,000 (въ Вознесенскомъ посадѣ 1,550 душъ, а въ Ивановѣ 5,450,) остальные десять тысячъ только временно тутъ проживаютъ. Все это народонаселеніе работаетъ на 150 фабрикахъ и занято пряденіемъ, ткачествомъ, бѣленіемъ, мытьемъ, заварками, припарками, слесарнымъ дѣломъ, рѣзкою манеровъ (трафаретовъ для набивки узоровъ,) словомъ, производствомъ ситца и головныхъ и шейныхъ платковъ и разными подготовительными къ этому средствами. Кромѣ этихъ семнадцати тысячъ, работаютъ на Иваново 200,000 душъ окрестнаго населенія Владимірской и Костромской губерній. Ивановскій ситецъ такъ сильно отличается отъ всѣхъ другихъ ситцевъ своею пестротой и дешевизной, что передалъ свое названіе всѣмъ ситцамъ подобнаго рода.

Въ селѣ бываютъ два раза въ недѣлю до того значительные базары, что они по своимъ оборотамъ вполне замѣняютъ для фабрикантовъ ярмарки и биржи; такъ что Иваново, по его мануфактурной и коммерческой дѣятельности, надо считать у насъ важнѣйшимъ пунктомъ хлопчатобумажнаго производства.

О существованіи собственно села Иванова упоминаютъ уже историческіе памятники XVI столѣтія. При Іоаннѣ Грозномъ, оно считалось въ числѣ черныхъ волостей и было пожаловано имъ, въ 1561 году, одному изъ знатныхъ родовъ Суздальской земли: князьямъ Темрюковичамъ Черкасскимъ, въ родѣ которыхъ оно оставалось почти два столѣтія, и только въ 1741 году перешло, какъ приданое княжны Черкасской, въ родъ Шереметевыхъ, которые владѣли имъ до освобожденія крестьянъ. До половины XVIII столѣтія, село Иваново не выдавалось впередъ между промышленными селеніями Владимірской губерній, не смотря на то, что ивановцы постоянно занимались ткачествомъ холстовъ и пестряди, шерстобитствомъ и плотничествомъ;

но, такъ-какъ всѣ эти ремесла успѣшнѣе процвѣтали въ другихъ селеніяхъ Шуйскаго уѣзда и даже въ другихъ уѣздахъ Владимірской губерніи, то село Иваново не имѣло въ то время особеннаго значенія. Однако въ началѣ XVIII столѣтія ивановскіе торжки были уже такъ значительны, что обратили на себя вниманіе начальства и, указомъ Петра I, была учреждена въ селѣ Ивановѣ, въ 1705 году, таможенная изба для сбора пошлинъ съ товаровъ.

Набивка цвѣтныхъ узоровъ на тканяхъ была перенесена въ Россію иностранными купцами и, еще въ половинѣ XVIII столѣтія, хранилась фабрикантами въ тайнѣ. Это печатаніе тканей, обогатившее впоследствии Иваново и поставившее его на ряду съ извѣстными европейскими мануфактурными городами, началось съ набивки холстовъ и полотень, то есть, такъ называемой, *набойки*. Не ранѣе какъ въ 1751 году появляется въ Ивановѣ первая ситцевая и миткалевая фабрика. Въ половинѣ XVIII столѣтія, Григорій Бутримовъ съ нѣкоторыми другими ивановскими крестьянами, отправился въ Шлиссельбургъ (можетъ быть, съ цѣлью изучить ситцевое производство) и работалъ тамъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ иностранныхъ фабрикантовъ. Возвратясь въ Иваново, онъ положилъ основаніе первой ивановской ситцевой фабрикѣ. Его примѣру вскорѣ послѣдовалъ Грачевъ, а потомъ Соковъ, Усовъ и Гарелинъ. Послѣдній былъ родоначальникомъ извѣстной фамиліи Гарелиныхъ, стоящей теперь во главѣ ивановской фабрикаціи, по количеству своихъ заведеній и оборотовъ, равно какъ и по техническимъ усовершенствованіямъ производства. Устройство всѣхъ этихъ фабрикъ относится къ 1750 и 1770 годамъ. На этихъ первыхъ фабрикахъ, и вообще въ первое время введенія мануфактурной бумажной промышленности, набивка миткалей шла наравнѣ съ набивкой полотень и холстовъ, столько времени занимавшихъ дѣятельность ивановскихъ крестьянъ. Работалось это на ручныхъ станкахъ, такъ называемыхъ, кустарникахъ, которые и теперь еще существуютъ въ Ивановѣ. Покойный Наслѣдникъ Цесаре-

вичъ Николай Александровичъ, во время путешествія своего по губерніямъ Россіи въ 1863 году, осмотрѣвъ заведенія первостатейныхъ ивановскихъ купцовъ: Зубкова и Гарелина, фабрики которыхъ усовершенствованы по всѣмъ новѣйшимъ открытіямъ, захотѣлъ видѣть и первоначальное производство кустарниковъ и захватилъ осмотрѣть одно изъ этихъ маленькихъ заведеній, принадлежащее вдовѣ Гандуриной. «Вошли мы, — пишетъ составитель путешествія, — въ скромное, тѣсное помѣщеніе, гдѣ Его Высочество встрѣтила вдова съ хлѣбомъ и солью, окруженная многочисленными дѣтьми, изъ которыхъ старшія уже при дѣлѣ и ведутъ его по слѣдамъ отца. Послѣ шипящаго пара, грома машинъ, послѣ огромныхъ моегъ миткаля, гдѣ промываются въ сутки цѣлые десятки тысячъ аршинъ, послѣ всего этого гама, шума и гигантскихъ размѣровъ производства, странно было видѣть прародительское производство ситца: какъ два работника скромно печатали на ручныхъ станкахъ ситцы; какъ на шесть, руками же, опускали въ краску. Вѣка, казалось, прошли между двумя производствами, между фабрикой Зубкова и избой Гандуриной, а вѣдь какъ еще недавно цѣлое Иваново работало почти исключительно такимъ способомъ. Мелкое производство держится покуда исключительно тѣмъ, что машинное печатаніе не нашло еще способа употреблять больше извѣстнаго числа колеровъ, тогда какъ ручное производство можетъ употреблять гораздо болѣе. Но еще одинъ шагъ, и бѣдное кустарное производство должно будетъ уступить. Уже и теперь ему трудно бороться съ машиной и капиталомъ, производящимъ въ огромныхъ размѣрахъ.»

Въ скоромъ времени хлопчато-бумажныя ткани вытѣснили льняныя, и ивановцы, бросивъ всѣ прежнія производства и ремесла, занялись исключительно ситцевой фабрикаціей, такъ что съ 20 годовъ нынѣшняго столѣтія льняное производство совершенно пало и замѣнилось хлопчато-бумажнымъ. Двѣ главные причины способствовали этому перевороту; одна внѣшняя: изобрѣтеніе и усовершенствованіе

хлопчато-бумажныхъ машинъ, что произвело переворотъ, не только въ нашей мануфактурной промышленности, но и въ промышленности всей Европы; другая чисто внутренняя: наложеніе большихъ пошлинъ на ввозъ изъ-за границы хлопчато-бумажныхъ тканей и совершенное запрещеніе, въ 1822 году, ввоза ситцевъ иностранныхъ фабрикъ. Эти тарифы, прекративъ вредную для нашихъ начинающихъ фабрику конкуренцію иностранцевъ, быстро привлекли капиталы къ нашему хлопчато-бумажному производству, и оно, постоянно распространяясь, перешло не только на набивку и печатаніе тканей, но и на самое тканье и пряденіе бумаги, чѣмъ прежде мы постоянно заимствовали отъ иностранцевъ.

Сожженіе Москвы не мало тоже содѣйствовало къ возвышенію ивановскихъ фабрикъ: рабочіе, оставшись безъ дѣла, нахлынули изъ Москвы въ Иваново и усилили его фабричную дѣятельность. Требованіе на ивановскіе товары сильно увеличилось вслѣдствіе уничтоженія московскихъ фабрикъ; кромѣ того, сами фабрики много выиграли въ производствѣ, черезъ опытное содѣйствіе оставшихся въ Россіи плѣнныхъ иностранцевъ, которыхъ ивановцы пригласили къ себѣ на фабрики. Все это, вмѣстѣ съ увеличеніемъ сбыта нашихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ Азію и Закавказье и съ возрастающимъ развитіемъ роскоши и вкуса въ народной массѣ, имѣло благотѣльное вліяніе на развитіе и усовершенствованіе хлопчато-бумажныхъ фабрикъ.

Самымъ блестящимъ періодомъ села Иванова, по увеличенію числа фабрикъ и обогащенію фабрикантовъ, былъ промежутокъ времени отъ 1825 по 1840 годъ: въ это время ивановцы (большая часть которыхъ состояла изъ раскольниковъ) успѣли отрѣшиться отъ предрасудковъ, не допуская ихъ до сближенія съ иностранцами, и вошли въ сношенія съ комиссіонерами различныхъ націй и всѣми торговыми городами Европы и Азіи; такъ что имена ивановцевъ не только стали появляться на ряду съ именами

первостатейныхъ нашихъ купцовъ и фабрикантовъ, но получили даже европейскую извѣстность, и одинъ изъ нихъ, Зубковъ, получилъ медаль на всемирной лондонской выставкѣ въ 1862 году.

Съ возрастаніемъ капиталовъ, улучшался, разумѣется, и бытъ ивановскихъ фабрикантовъ; а затѣмъ мало-по-малу стала проникать къ нимъ и потребность образованія, такъ что вскорѣ произошла замѣчательная перемѣна къ лучшему во всей ихъ внутренней и внѣшней обстановкѣ. Понятно, что при такомъ ходѣ дѣлъ, крѣпостное право становилось все тягостнѣе для ивановцевъ, и они никакъ не могли примириться съ мыслию, что, не только все имущество, но и они сами находятся въ полной зависимости отъ помѣщика, что всѣ ихъ фабрики и дома построены на землѣ Шереметевыхъ, что не только оброки ихъ постоянно увеличиваются, но и всѣ доходы, которые они надѣялись получить съ построеннаго ими каменнаго гостинаго двора, поступаютъ въ пользу Шереметева, что *они — богатые купцы* должны подчиняться вотчинной конторѣ!

Немудрено, что воля сдѣлалась идеаломъ, къ которому всѣ они неудержимо стремились; стремленіе это всего замѣтнѣе стало съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но, съ другой стороны, и помѣщикамъ не хотѣлось выпустить изъ своихъ рукъ курицы, несшей золотыя яйца, и они не хотѣли и слышать о выкупѣ крестьянъ, платившихъ имъ такіе громадныя оброки. Не смотря однако на всѣ затрудненія, нѣкоторымъ богатѣйшимъ семьямъ удалось таки выйдти изъ крѣпостнаго сословія, внося за себя невѣроятныя суммы, доходившія до 20,000 рублей съ души, и въ селѣ Ивановѣ, приобрѣтшемъ уже въ десятихъ годахъ европейскую извѣстность, является только въ 1825 году первый вольноотпущенный Шомовъ. Въ 1827 году откупился Гарелинъ, одинъ изъ первыхъ нынѣшнихъ фабрикантовъ и почетныхъ гражданъ, и только въ 1831 году сдѣлался свободнымъ Зубковъ, отецъ фабриканта, получившаго медаль на всемирной выставкѣ.

Освободившись изъ податнаго сословія и приписавшись въ купечество, богатые ивановцы все-таки остались въ зависимости отъ помѣщика и вотчинной конторы, такъ какъ всѣ ихъ капиталы, заключающіеся въ фабрикахъ и другихъ строеніяхъ, оставались на землѣ Шереметевыхъ, которые никакъ не соглашались продать имъ эту землю, а отдавали въ арендное содержаніе на 25-лѣтній срокъ, съ условіемъ не продавать находящіяся на ней строенія никому, кромѣ ивановцевъ или самого помѣщика.

При пересрочкахъ арендная плата часто увеличивалась и доходила до громаднхъ цифръ; недавно одинъ изъ богатыхъ купцовъ долженъ былъ платить 2,000 рублей за одну только землю, находящуюся подъ его собственнымъ домомъ и садомъ, а въ сороковыхъ годахъ фабрика платила 10,000 аренды за занимаемую ею землю. Къ вотчинной конторѣ, притѣснявшей откупившихся, присоединились ивановцы, оставшіеся еще оброчными. Они съ завистью смотрѣли на своихъ собратій вольныхъ людей, и всѣми силами старались вредить имъ. Слѣдствіемъ всего этого явилась непримиримая вражда между вольноотпущенными, сторону которыхъ приняли правительственные лица, и оброчными, присоединившимися къ вотчинной конторѣ. Эти враждебныя столкновенія партій усилили только безпорядки, которыми всегда отличалось Иваново; воровство, грабежъ и поджоги стали повторяться чаще, и вели за собою наказаніе кнутомъ и ссылку въ Сибирь. Купцы, видя плохой исходъ всего этого, стали хлопотать о приобрѣтеніи собственной земли, и такъ какъ въ самомъ селѣ Ивановѣ не было никакой возможности приобрѣсти для нихъ земли, то они стали мало-по-малу скупать у разныхъ владѣльцевъ смежныя ихъ селу участки и переносить на нихъ свои заводы и другія строенія. Такъ еще въ 1820 году была куплена купцомъ Лепетовымъ земля, находящаяся въ двухъ верстахъ отъ села Иванова, по ту сторону рѣки Уводи. Лепетовъ построилъ на ней себѣ домъ и другія зданія, необходимыя при его торговлѣ бумажной пряжью. Года черезъ три его

примѣру послѣдовали и другіе купцы и вскорѣ застроилась цѣлая слобода, названная по своему приходу Ильинской. До 1842 года, слобода эта имѣла сильное вліяніе на край въ торговомъ и мануфактурномъ отношеніяхъ: здѣсь находились огромные склады и распродажа бумажной пряжи шуйскихъ купцовъ, братьевъ Киселевыхъ, выписывавшихъ на нѣсколько милліоновъ бумаги изъ Англіи, и другія первостатейныя заведенія ивановскихъ фабрикантовъ, какъ, на примѣръ, Бабурина.

Въ 1838 году купецъ Зубковъ купилъ землю въ Дмитровской слободѣ, лежащей на правомъ берегу Уводи въ верстѣ отъ Иванова, и построилъ на ней ситцевую фабрику. По его примѣру, скоро и эта слобода застроилась фабриками и домами бывшихъ ивановскихъ крестьянъ; а затѣмъ возникла и третья слобода—Троицкая: въ 1841 году, почетный гражданинъ Гарелинъ купилъ, изъ третьихъ рукъ, бывшую землю графа Шереметева и большую часть ея уступилъ даромъ мѣщанамъ, бывшимъ крѣпостными Грачева. Въ Ивановѣ многіе купцы, находясь еще въ оброчномъ состояніи, имѣли своихъ крестьянъ, которыхъ они покупали на имя Шереметева и приписывали къ своимъ фабрикамъ. Крестьяне эти, приписавшись въ мѣщанство по разнымъ городамъ, поселились въ Троицкой слободѣ.

Вознесенскій посадъ, которому было назначено судьбой соединить всѣ эти слободы въ одно цѣлое и, уничтоживъ ихъ самостоятельность, расширится на ихъ счетъ, началъ застраиваться вмѣстѣ съ Троицкой слободой только въ 1844 году. Онъ образовался на землѣ бывшего ивановскаго крестьянина Грачева, сдѣлавшагося однимъ изъ извѣстныхъ московскихъ купцовъ. Впослѣдствіи земля эта перешла къ разнымъ владѣльцамъ и была распродана по участкамъ ивановцамъ, вышедшимъ изъ податнаго сословія и приписавшимся къ купечеству. Съ дозволенія правительства, всѣ эти слободы были присоединены къ Вознесенскому посаду и извѣстны теперь подъ этимъ однимъ общимъ именемъ. Вознесенскій посадъ тянется по взгорью на лѣвомъ берегу

Уводи, противъ своего бывшаго гнѣзда села Иванова, отъ котораго онъ никакъ не могъ фактически отдѣлиться, не смотря на всѣ старанія своихъ обитателей и на вражду и борьбу ихъ съ бывшими своими односельцами. Положеніе посада довольно живописно, но стройка его слишкомъ однообразна и портитъ видъ своей неизящной правильностью въ противоположность селу Иванову, которое строилось по горамъ и оврагамъ, какъ Богъ послалъ, безъ всякаго предвзятаго плана, какъ приходилось удобнѣе для хозяина; потому вы и теперь встрѣтите, собственно въ селѣ Ивановѣ, подлѣ высокихъ бѣлокаменныхъ церквей, многоэтажныхъ каменныхъ домовъ, дворцовъ и огромныхъ фабричныхъ корпусовъ, полуразвалившіяся лачужки, живописно и небрежно расположившіяся на той землѣ, которая взростила сосѣдей ихъ богачей, точно и онѣ, вмѣстѣ съ своими хозяевами, надѣются измѣнить свой видъ, подобно всѣмъ этимъ богатымъ купцамъ, еще такъ недавно бывшимъ оброчными крестьянами графа Шереметева.

Всякая крайность вызываетъ крайность. Такъ и жители Вознесенскаго посада, помня непріязненные отношенія крѣпостныхъ ивановцевъ къ нимъ — свободнымъ людямъ и къ ихъ перемѣщенію, старались вредить, чѣмъ только можно, прежнему своему гнѣзду, не смотря на то, что многіе изъ нихъ до того сжились съ роднымъ селомъ, что, перенеся свои фабрики на вновь ими купленную землю, остались жить сами въ селѣ Ивановѣ.

Борьба завязалась упорная. Купцы выстроили въ посадѣ огромный каменный гостиный дворъ и старались перевести къ себѣ всю лавочную и базарную торговлю села Иванова. Торговля эта имѣетъ огромное значеніе не только для фабрикантовъ, но и для всей Владимірской губерніи, такъ какъ въ Ивановѣ бывають по два раза въ недѣлю базары, на которыхъ производится всѣ важнѣйшіе обороты, а 489 лавокъ его ведутъ торгъ по мелочамъ. Но, не смотря на все это, вознесенцамъ таки удалось выхлопотать у мѣстнаго начальства запрещеніе торговать въ Ивановѣ, такъ какъ

села не имѣютъ у насъ по закону права такой торговли. Запрещеніе это, къ удовольствію вознесенцевъ, поставило бы Иваново въ самое затруднительное положеніе, если бы привычка не взяла свое: никто не хотѣлъ торговать и нанимать лавокъ въ посадѣ, а всѣ, по старому, шли въ Иваново.

Борьба дошла до того, что соперничали между собою не только фабрики и лавки того и другаго селенія, но даже улицы и соборы ихъ. О борьбѣ этой заговорили и наши журналы, такъ какъ въ обоихъ лагеряхъ появились свои литераторы, письмененно отстаивавшіе близкіе ихъ сердцу и карману интересы. Эти литераторы, вмѣстѣ съ механиками, колористами, купеческими прикащиками и всей развитой молодежью, составляютъ средній классъ въ селѣ Ивановѣ, классъ самый образованный и развитой, къ которому принадлежатъ также и иностранцы, состоящіе при фабрикахъ; только послѣдніе не принимали никогда участія въ ожесточенной борьбѣ партій.

Этотъ средній классъ былъ почти весь за меньшую братію—ивановцевъ и отстаивалъ интересы ихъ въ газетахъ и журналахъ.

Манифестъ 19 февраля 1861 года, освободивъ крестьянъ, прекратилъ эти враждебныя отношенія и соединилъ ивановцевъ съ вознесенцами. Въ это время имъ было не до междоусобій, они общими силами отстаивали свои интересы, интересы бывшихъ оброчныхъ крестьянъ, пришедшіе въ окончательное столкновеніе съ правами бывшихъ ихъ владѣльцевъ.

23 апрѣля 1863 года была введена уставная грамота въ селѣ Ивановѣ. Земли поступили въ надѣлъ крестьянамъ по 2 десятины на ревизскую душу. Всей земли 5,756 десятинъ (486 квадр. сажень,) изъ которой 235 десятинъ занято усадьбами села Иванова. Помѣщику платится оброка по 7 р. 20 коп. съ души, всѣхъ же повинностей оброчныхъ взимается по раскладкѣ 22 рубля съ тягла.

Чтобы дать понятъ читателямъ, какой видъ имѣетъ теперь Иваново съ бывшимъ врагомъ своимъ Вознесенскимъ посадомъ, мы приведемъ описаніе г. Безобразова, изъ за-

писокъ котораго мы такъ много заимствовали для этого очерка: «И по характеру своего быта, и по наружности, Иваново есть городъ; съ своими выселками, Вознесенскимъ посадомъ и слободами, оно составляетъ одну неразрывную единицу населенія, почти даже сплошнаго; только внѣшнія, искусственныя условія жизни этого цѣльнаго организма могутъ разрывать его на части. Притомъ, Иваново имѣетъ со стороны и нѣсколько издали даже фizioномію до такой степени городскую и пожалуй, въ мануфактурномъ отношеніи, европейскую, какой недостаетъ большей части нашихъ городовъ. Таково впечатлѣніе, производимое Ивановымъ: группа фабричныхъ строеній, среди нихъ множество дымящихся паровыхъ трубъ и церковныхъ куполовъ, безконечный рядъ мытальныхъ и заварочныхъ заведеній, расположенныхъ на рѣкѣ Уводи; внутри разнообразное и оживленное народонаселеніе, исключительно преданное городскимъ занятіямъ, въ городской одеждѣ и городскихъ экипажахъ; ряды гостиницъ и лавокъ; площади, кипящія два раза въ недѣлю (во время ярмарокъ) народомъ всѣхъ возможныхъ сословій. Но всему этому не достаетъ присутственныхъ мѣстъ, по которымъ различаются у насъ города отъ селъ. Зато Иваново имѣетъ особенность въ своей фizioноміи, какой нѣтъ въ нашихъ официальныхъ городахъ: эта особенность — чрезвычайная противоположность въ наружности построекъ и совершенная неправильность въ планѣ. Вы видите здѣсь многоэтажные каменные дома новѣйшей архитектуры среди развалившихся лачугъ, остатковъ русской патріархальной деревни, запоздавшихъ подлѣ огромныхъ фабричныхъ корпусовъ; вообще здѣсь существуютъ человѣческія жилища, богатые и бѣдные, всякихъ назначеній — жилища, росшія по мѣрѣ надобности, одно подлѣ другаго, не спрашиваясь ни у архитектора, ни у строительной комиссіи. Совершенно отличнымъ отъ этого безпорядочнаго, но живаго мѣста, представляется Вознесенскій посадъ, расплавленный по всѣмъ новѣйшимъ соображеніямъ, съ своимъ Невскимъ проспектомъ, но мертвый и уединенный.

Что касается до картины всего этого вблизи и въ своихъ деталяхъ, то она не представляетъ ничего изящнаго и сколько-нибудь примѣчательнаго; только на нѣкоторомъ разстояніи съ высокаго берега Уводи, эта тѣсная груда строеній, обвита внизу шевелящимся фабричнымъ людомъ, а сверху дымомъ паровиковъ, которые безпрестанно оглушаютъ воздухъ свистомъ, имѣетъ какой-то особенный, непривычный въ Россіи, запахъ мануфактурнаго города, внушающаго почтеніе. Такъ и вообще, чтобы вполнѣ оцѣнить Иваново и понять его великое общественно-историческое значеніе въ нашемъ народномъ быту—необходимо взглянуть на него и обнять это значеніе на нѣкоторомъ разстояніи отъ Иванова, вдали отъ мелочей и дразгъ его жизни.»

«Въ Ивановѣ можно изучить постепенность всѣхъ, безъ изытія, размѣровъ, коммерческихъ дѣлъ, всѣхъ формъ промышленности и всѣхъ видовъ фабричныхъ заведеній; здѣсь нагромождена, одна подлѣ другой, всѣ ступени промышленнаго развитія. Эти ступени начинаются съ первостатейныхъ купцовъ (негоціантовъ въ полномъ смыслѣ слова,) которые не имѣютъ вовсе собственныхъ заведеній, а только раздають пряжу крестьянамъ, домашнимъ ткачамъ, по деревнямъ, чрезъ такъ называемыхъ комиссаровъ, и потомъ отдають вытканый крестьянами миткаль печатать или пропускать на валахъ на фабрикахъ; подлѣ этого рода коммерческихъ операцій стоятъ обширныя, механическія паровыя фабрики съ пиротинами, многоколерными машинами, со всѣми утонченіями современной техники; спускаясь ниже по ступенямъ разныхъ категорій фабричнаго производства и техники, мы найдемъ здѣсь боже о боже съ громадными механическими заведеніями мельчайшихъ мастерковъ, или такъ называемыхъ кустарниковъ, мелочниковъ, горчечниковъ, которые до сихъ поръ печатають ситцы на ручныхъ станкахъ XVIII столѣтія и всячески охраняють свой товаръ отъ солнечнаго луча и воды, которыхъ ихъ ситець, какъ они говорятъ, *не одолеваетъ*. Наконецъ, мы здѣсь же найдемъ самыхъ мелкихъ торгашей, которые спекулируютъ и живутъ единственно

насчетъ получения нѣсколькихъ фунтовъ пряжи, или нѣсколькихъ аршиновъ ситца въ кредитъ, для продажи тогда же на наличныя деньги. Все это: и механическая и домашняя фабричная промышленность, и крупныя и мелкія капиталы, и европейское знаніе дѣла, и полное въ немъ невѣжество удивительнымъ образомъ здѣсь перемѣшивается, переплетается, сталкивается, тѣснить и давить одно другое, хотя и никакъ не подавляетъ.»

Надо прибавить, что г. Безобразовъ писалъ это въ 1861 году, и что многое измѣнилось въ Ивановѣ за эти семь лѣтъ: во-первыхъ, говорятъ, кустарное производство почти совершенно пало; потомъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, 11 марта 1865 года, не только утверждены недѣльные базары въ селѣ Ивановѣ (по понедѣленикамъ и четвергамъ,) но дозволена селу ярмарка (Крестовоздвиженская отъ 14 по 26 сентября,) а посаду дозволена Всесвятская (недѣльная съ перваго воскресенья послѣ Троицынаго дня.) Нагонецъ, въ Вознесенскомъ посадѣ устроенъ 8 іюня 1862 года общественный банкъ (съ основнымъ капиталомъ въ 13 тысячъ) и, съ 19 февраля 1868 года открыто училище для дѣтей мастеровыхъ и рабочихъ. Программа этого училища показываетъ, что оно устроилось не изъ одного желанія не отставать отъ городовъ, но съ яснымъ пониманіемъ необходимости хорошей подготовки для будущихъ фабрично-рабочихъ. Въ уставѣ училища сказано: «Оно имѣеть цѣлю; во-первыхъ, предоставить дѣтямъ лицъ, служащихъ при фабрикахъ, религіозно-нравственное развитіе. Во-вторыхъ, приготовить изъ нихъ будущихъ прикащиковъ, конторщиковъ и разнаго рода мастеровыхъ.» Въ программѣ училища особенно замѣтно желаніе познакомить дѣтей съ отечественной исторіей и географіей, и доставить имъ средства изучить устройство машинъ и фабричное производство. Съ развитіемъ училища, предполагается открыть еще классъ съ дополнительнымъ курсомъ технического рисованія и нѣкоторыхъ ремеслъ, необходимыхъ при ситцевомъ производствѣ.

Но, не смотря на всё эти улучшения села, показывающія прогрессъ развитія его жителей, еще и теперь послѣдніе бывають лишены весною всякаго сообщенія съ сосѣдними городами и селами. Причиной этому, разумѣется, плохое состояніе нашихъ проселочныхъ дорогъ, совершенно не проходимыхъ въ извѣстное время года. Выпишемъ нѣкоторыя интересныя подробности о состояніи этихъ дорогъ весною 1867 года. «Вслѣдствіе холодной весны и поздняго таянія снѣговъ,» говоритъ корреспондентъ «Владимірскихъ Вѣдомостей», нынѣшнія проселочныя дороги наши были чрезвычайно худы. Кромѣ грязи и пучинъ, мѣстами они были затоплены водою, даже и тамъ, гдѣ находятся постоянные мосты, такъ что черезъ нѣкоторыя рѣчки, за неимѣніемъ подѣзда къ мостамъ, торговцы должны были переѣзжать на плотахъ съ большой опасностью и значительными расходами. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить бывшая переправа черезъ рѣку Тезу въ селѣ Дуниловѣ, гдѣ, не смотря на постоянный мостъ, проѣзжающіе должны были переправляться на плотахъ съ платою по 3 р. сер. съ тройки. Такой трудный путь былъ причиною малаго стеченія народа, что влекло въ свою очередь къ плохой торговлѣ на ярмаркахъ, и торговля ивановскими ситцами шла очень тихо. По той же причинѣ и подвозъ сѣна на ярмарку пріостановился, и оно доходило до 1 рубля за пудъ. Въ началѣ распутицы цѣлыя три недѣли не было подвоза никакихъ товаровъ въ здѣшнія мѣстности, также и отправки отсюда; двѣ недѣли нельзя было проѣхать изъ мѣстности въ мѣстность налегкѣ. Полторы недѣли невозможно было проѣхать, даже верхомъ, изъ села Танкова до Вознесенскаго посада (30 верстъ разстоянія.) Мѣстности были положительно разъединены: по случаю снятія мостовъ невозможно было почти пробраться пѣшеходу; когда же навели мосты, и снѣгъ и вода немного сошли, сообщеніе хотя и возобновилось, но съ большими затрудненіями, доказательствомъ чего можетъ служить то, что плата за провозъ товара отъ Новковъ до Иванова (70 верстъ разстоянія) по 17 іюля стояла 60 к. сер. съ пуда, т. е. вчетверо противъ цѣнъ хорошаго пути.»

Изъ всего этого ясно видно, какъ необходимо тутъ хорошее сообщеніе и какъ важенъ проектъ шуйско-ивановской желѣзной дороги. Проектъ этотъ утвержденъ Государемъ 2 мая 1867 года. Эта желѣзная дорога соединитъ Иваново съ Шуей, а Шую съ Новками, станціей Нижегородской желѣзной дороги. Длина строящейся дороги 83 версты. Стоимость, по вычисленію инженеровъ, 5 милліоновъ, т. е. 60 тысячъ съ версты. Строить ее частная компанія. Съ грустью приходится замѣтить, что проектъ этотъ не такъ радостно былъ принятъ жителями села, какъ это можно было предположить; немногіе фабриканты вполне понимаютъ необходимость этой дороги, и содѣйствуютъ ей строенію. Въ Ивановѣ, какъ и во всѣхъ мануфактурныхъ городахъ, высшее сословіе немногимъ отличается въ своемъ развитіи отъ низшаго сословія. Недаромъ говорятъ ивановскіе плебеи: «Что Вознесенскій посадъ! Это купцы только въ свою славу построили, фамильнѣ (аристократичны) больно стали, а вчера были такіе же мужуки, какъ и мы.» Тутъ такъ быстро люди наживаются и разоряются, что немудрено каждому бѣдняку мечтать о богатствѣ и значеніи, когда сосѣдь его милліонеръ начиналъ торговать съ такимъ же ничтожнымъ капиталомъ, какъ и онъ. Тутъ нѣтъ ни одного торговаго дома, ведущаго свое начало съ XVIII столѣтія, развѣ только одни Гарелины, да и тѣ раздѣлились на нѣсколько фирмъ. Паденіе здѣсь такъ же быстро, какъ и обогащеніе, и нищій села Иванова, протягивая руку за милостыней, часто говоритъ: «Не гнушайтесь мной, вчера былъ въ золотѣ.» Эта невольная зависть бѣдняковъ къ богачамъ, на которыхъ они привыкли смотрѣть какъ на равныхъ себя, служить поводомъ къ враждебнымъ столкновеніямъ низшаго класса съ высшимъ—рабочихъ съ фабрикантами. Враждебныя отношенія эти чувствовались уже во время борьбы села съ посадомъ, когда къ послѣднему примкнула вся денежная аристократія, постоянно дѣйствовавшая противъ мелкихъ торговцевъ, заселявшихъ село Иваново. Но главнымъ предметомъ неудовольствія служатъ злоупотребленія фабрикан-

товъ въ отношеніи рабочихъ, которыхъ они страшно тѣснятъ: вмѣсто денегъ расплачиваются съ ними бракованнымъ товаромъ, взыскиваютъ штрафы, о которыхъ глухо упоминается въ условіяхъ, вычитаютъ ежемѣсячно известную сумму денегъ на поддержку больницъ, о которыхъ бѣдный классъ и слышать не хочетъ, увѣряя, что тамъ и лекарство-то отравлено фабрикантами; наконецъ *берутъ* много *силкомъ*, по выраженію рабочихъ.

Немудрено, что все это заставляетъ часто возставать рабочихъ, и они массами покидаютъ фабрики и дѣлаютъ между собою складчины деньгами или вещами, перебиваясь, такимъ образомъ, во время продолжительныхъ своихъ споровъ съ фабрикантами. Складчины эти тѣмъ удобнѣе устраивать мастеровымъ, что они постоянно живутъ дружными артелями на фабрикахъ; между тѣмъ какъ фабриканты пикируются между собою и, увлекаясь мелочными интересами и тщеславіемъ, находятся постоянно въ недружелюбныхъ отношеніяхъ. Въ спорахъ рабочихъ съ фабрикантами принимаетъ большое участіе средней классъ, и тутъ онъ является на сторонѣ притѣсняемыхъ и печатно заявляетъ о злоупотребленіи разбогатѣвшихъ ивановцевъ. Закончимъ свой очеркъ словами. Г. Безобразова, обрисовывающими въ общихъ чертахъ сходство внутренняго быта всѣхъ ивановцевъ, начиная съ богатѣйшихъ фабрикантовъ и кончая начинающими мастерами: «Какъ ни разнообразны положенія разныхъ участниковъ этого мануфактурнаго міра, и какъ ни различны условія существованія всего ивановскаго люда— весь онъ представляетъ одну стройную нравственную картину. Занятія и утѣхи во всѣхъ слояхъ здѣшняго общества тѣ же самыя; всѣ здѣсь отлично понимаютъ другъ друга. Различіе между разными группами людей здѣсь не болѣе, какъ между собственноручнымъ составленіемъ красокъ для ситца и самоличнымъ надзоромъ за этимъ дѣломъ; да и то надзоръ безпрестанно соединяется съ собственноручными *химическими опытами*. Различія здѣсь не болѣе какъ между виномъ различныхъ качествъ, упивающимъ различные

классы общества: отъ 3 руб. виноградной бутылки иностранной укупорки до очищенной хлѣбной водки, да и тотъ и другой напитокъ безпрестанно между собою смѣшиваются при употребленіи. Кстати здѣсь замѣтимъ, что пьянство составляетъ одинъ изъ общественныхъ недуговъ ивановскихъ жителей; хотя этому недугу нечужды и другія населенія Россіи, но здѣсь онъ достигаетъ исключительно грандіозныхъ размѣровъ. Этотъ недугъ также соединяетъ въ одно гармоничное цѣлое всѣ слои ивановскаго народонаселенія и служитъ значительнымъ примиряющимъ началомъ между противоположностями быта. Кореннаго нравственнаго различія во внутреннемъ образѣ жизни и обиходѣ разныхъ группъ ивановцевъ рѣшительно не замѣчается; различіе здѣсь болѣе кажущееся и наружное: купеческіе капиталы владѣютъ многоэтажными каменными домами, съ кабинетами, гостинными и залами, отдѣланными со всѣмъ комфортомъ и роскошью столичной знати; они одѣты по послѣдней модѣ, и даже парижской и лондонской модѣ; но они скорѣе владѣютъ всѣмъ этимъ комфортомъ и этими утонченіями жизни, *нежели въ нихъ живутъ*. Въ этихъ убранныхъ палатахъ они принимаютъ, а живутъ въ другихъ, совсѣмъ небубанныхъ комнатахъ и конторахъ, близко подходящихъ, по своему запаху и виду, къ самому незатѣйливому жилищу простолюдина. Добудеть денегъ любой изъ сѣраго ивановскаго народа—и завтра же заживетъ и одѣнется такъ, что вы никакъ не отличите его отъ самаго знатнаго вознесенца, а разрядится онъ непременно и разрядитъ въ пухъ и прахъ свою жену, если не для собственнаго удовольствія, то хоть людямъ на показъ. Впрочемъ, одежда вообще не служитъ различіемъ въ Ивановѣ; она если не у всѣхъ одинакова, то также опять не качественно, а только количественно. Народнаго костюма здѣсь нѣтъ и слѣдовъ; кринолины сдѣлались гораздо болѣе народною одеждою, чѣмъ сарафанъ. Притомъ въ Ивановѣ есть замѣчательный обычай, который низводитъ женскій туалетъ и женское тщеславіе на самую крайнюю степень демократическаго ра-

венства: женскія платья отдаются здѣсь напрокатъ. Этимъ объясняется тайна, которой мы сперва никакъ не могли понять: жены простыхъ мастеровыхъ, зарабатывающихъ какихъ-нибудь 300 р. сер. въ годъ, выходятъ гулять въ сто рублевыхъ шелковыхъ платьяхъ. Какіе-нибудь 10 р. сер. экстернаго прибитка могутъ доставить это удовольствіе любой ивановской женщиной. А тщеславіе наряда, тщеславіе быть одѣтой не лучше, а богаче другихъ, играетъ одну изъ главныхъ ролей въ жизни Иванова.»

29. С А Р Е П Т А.

Въ 1763 году нѣсколько иностранцевъ обратились къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою отвести имъ земли для населенія между Астраханью и Саратовомъ. Государыня, видя несомнѣнную выгоду для Россіи отъ заселенія этого края, тогда еще пустыннаго, изъявила на это свое согласіе и оказала матерьяльное пособіе поселенцамъ, даровавъ имъ на первое время значительныя льготы. Плодородіе почвы, прекрасный климатъ вскорѣ привели сюда новыхъ переселенцевъ, и число колонистовъ постоянно возрастало. Въ скоромъ времени пришлецы заняли все пространство отъ Царицына къ западу, такъ что для управленія колонистами устроена особая контора. Но правительство не мѣшало переселенцамъ свободно распоряжаться въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, и это-то обстоятельство заставляло иностранцевъ охотно покидать отечество. Между этими колоніями Сарепта, основанная въ 1765 г. Моравскими братьями, къ которымъ присоединились впоследствии выходцы изъ Голландіи и Германіи, стала быстро развиваться и въ настоящее время считается образцовою какъ по благосостоянію жителей, такъ и по трудолюбію и образу жизни колонистовъ.

Сарепта живетъ промышленностью; но виды промысловъ, на которые въ особенности обращалась дѣятельность жителей, нѣсколько разъ измѣнились. Какъ скоро въ той или

другой отрасли промышленнаго дѣла начиналась сильная конкуренція или измѣнялись благопріятныя условія, и промыселъ становился невыгоденъ колоніи, она оставляла его и принималась за другой; такимъ образомъ Сарепта съ самаго основанія получила для края значеніе разсадника новыхъ промысловъ. Въ началѣ завелись въ Сарептѣ мельницы мукомольныя и лѣсопильныя: тогда въ Сарептѣ было много воды, но потомъ, съ оскудѣніемъ ея, мельничное дѣло затихло. Сарепта славилась до 1823 года ткацкими фабриками, и въ связи съ ними распространилось въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ прядильное дѣло; сарептская бумага получила извѣстность въ Россіи и вывозъ ея усилился; въ эту пору ткацкія фабрики въ Сарептѣ ввели въ производство новую матерію, извѣстную подъ названіемъ сарпанки; но когда ткацкія фабрики въ Россіи расширили свое производство, и англійская бумага стала вытѣснять сарептскую, это дѣло ослабѣло въ Сарептѣ, а въ замѣнъ того распространилось красильное производство. Въ Сарептѣ заводились и суконныя фабрики; этотъ промыселъ прекратился, какъ скоро оказались неблагопріятныя для него условія. Табачная фабрика въ Сарептѣ была первая въ Саратовской губерніи и донныя пользуется извѣстностью такъ же, какъ мыльный и свѣчной заводы; но табачныя плантаціи въ Сарептѣ теперь почти уже оставлены, и фабрикація ослабѣваетъ вслѣдствіе конкуренціи, ею же возбужденной. Разведеніе винограда, тутовыхъ плантацій, выдѣлка сахару изъ сорго—за все это и за многое другое принималась сарептская промышленность; но опыты не всегда удавались.

Но горчичное производство издавна началось въ Сарептѣ и до сихъ поръ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали здѣсь сѣять горчицу; но въ Сарептѣ мало мѣстъ удобныхъ для посѣва, такъ какъ горчица всего лучше растетъ на влажныхъ мѣстахъ. Такихъ мѣстъ довольно въ степныхъ лощинахъ между Волгой и Дономъ, въ Черноярскомъ и Царевскомъ уѣздахъ Астра-

ханской губернии. Отсюда почти весь урожай горчицы поступает въ Сарепту на заводы. Можно сказать, что Сарепта завела, Сарепта и поддерживает здѣсь горчичныя плантаціи между жителями. Ежегодно весною фабриканты раздаютъ крестьянамъ сѣмена для посѣва, и затѣмъ, по окончаніи уборки, весь сборъ доставляется на фабрику по цѣнамъ, смотря по урожаю, отъ 80 коп. до 1 р. 50 к. за пудъ. Урожай въ здѣшнихъ мѣстахъ весьма различные, потому что зависятъ отъ множества непредвидимыхъ условій погоды и климата: при хорошемъ урожаѣ десятина даетъ до 80 пудовъ, что бываетъ рѣдко, а при плохомъ собирается и не болѣе 3 пудовъ съ десятины. Сосѣдніе съ Сарептой крестьяне охотно разводятъ горчицу, потому что сбытъ ея готовъ тотчасъ послѣ уборки; въ неурожайные годы фабриканты даютъ имъ деньги впередъ, въ видѣ задатка, безъ процентовъ. Основателемъ горчичной фабрикаціи въ Сарептѣ былъ Конрадъ Нейцъ, съ 1801 года; работа производилась у него сначала на ручной, а потомъ на лошадиной мельницѣ, но до 1815 года обрабатывалось не болѣе 1,000 пудовъ. Потомъ фабрика досталась по наслѣдству Гличу и распространилась значительно, такъ что теперь на новой фабрикѣ обрабатывается уже не менѣе 30,000 пудовъ. Кромѣ ея существуетъ въ Сарептѣ другая фабрика, г. Кноблоха, и по примѣру Сарепты, заведены подобныя фабрики въ селѣ Чамурлыкахъ Астраханской губернии и въ Дубовскомъ посадѣ.

Заводъ братьевъ Гличъ въ нынѣшнемъ видѣ существуетъ съ 1852 года. Онъ помѣщается въ новомъ каменномъ 4-хъ ярусномъ зданіи, которое по вышинѣ своей и виду выдается изъ ряда остальныхъ домовъ въ Сарептѣ. Заводъ дѣйствуетъ паровою машиной въ 18 лошадиныхъ силъ. Горчичное сѣмя въ мѣшкахъ поднимается прямо въ верхній этажъ и доставляется на очистительную машину. Отсюда очищенное сѣмя спускается въ третій этажъ и падаетъ на первые, — потомъ, во второмъ этажѣ, на вторые вальки, гдѣ оно щелушится. Пройдя черезъ вальки, зерна опять под-

нимаются въ 4-й этажъ посредствомъ черпальной машины и поступаютъ на механическія терки; съ терки транспортные винты переносятъ ихъ на вѣяльную машину. Отсюда совсѣмъ очищенное сѣмя пересыпается трубою въ нижній этажъ. Здѣсь рабочіе кладутъ сѣмя подъ жернова для размолу и составленія горчичнаго тѣста. Тѣсто должно подвергнуться нагрѣванію и для этого устроенъ особый паровой аппаратъ, подъ названіемъ жаровни, съ механическими мѣшалками. Изъ согрѣтаго тѣста добывается масло гидравлическимъ прессомъ. Выжимки изъ-подъ масла поступаютъ опять подъ жерновъ и обращаются въ порошокъ, изъ котораго посредствомъ просѣвательныхъ цилиндровъ дѣлаются разные сорта горчицы. Нынѣшніе владѣльцы завода, братья Гличъ, сдѣлали въ немъ значительныя усовершенствованія, въ особенности по примѣненію механической силы вмѣсто ручныхъ работъ; зимою заводъ отопляется парами отъ машины. При немъ существуетъ для ремонта свое механическое и слесарное заведеніе.

Осмотрѣвъ заводъ, взойдемъ черезъ крыльцо верхняго этажа на открытую террасу, съ которой открывается прекрасный видъ на всю колонію съ рѣкою Сарпой и на широкую степь вокругъ. Не привычному взору странно видѣть эту степную равнину, голую, сухую, покрытую остатками травъ, сожженныхъ солнцемъ; только весною да осенью развивается здѣсь растительность, но съ половины мая до августа невыносимые жары вмѣстѣ съ сухимъ туманомъ, теплыми восточными и юговосточными вѣтрами уничтожаютъ здѣсь всякую зелень. Близъ самой колоніи степь принимаетъ однако же менѣе однообразный видъ; на югъ и на западъ тянутся отроги Ергеневскихъ горъ, которыхъ высота близъ Сарепты доходитъ до 400 футовъ; кое-гдѣ виднѣются лѣсистыя островки. Подъ колоніей и садами не болѣе 58 десятинъ; но къ ней принадлежитъ по планамъ всего 15,821 десятинъ, въ числѣ коихъ 10,000 солончаковъ, такъ что пахатной и сѣнокосной земли приходится около 1,000 дес., да 874 десятины лѣсу, сберегаемаго съ особен-

ною заботливостью. Вблизи самой колоніи уже виднѣются кибитки астраханскихъ калмыковъ, которыхъ кочевья подходятъ къ дачамъ Сарепты.

Съ высокой террасы мы могли слѣдить за извилистымъ теченіемъ рѣки Сарпы, впадающей въ Волгу, въ разстояніи одной версты отъ колоніи. Она состоитъ изъ ряда озеръ или солончаковъ, соединяющихся въ общемъ теченіи. Озера эти тянутся отъ Сарепты къ югу въ Астраханскую степь на 200 верстъ, и питаются степными источниками такъ скудно, что въ жаркіе мѣсяцы даже пересыхаютъ; оттого Сарепта нуждается въ водѣ и дорожить ею. Близъ колоніи есть два ключа, изъ которыхъ вода проведена въ поселеніе деревянными трубами, изъ одного на 340, изъ другаго на 1,300 сажень; поддержаніе этихъ водопроводовъ стоитъ не менѣе 500 рублей въ годъ. Центральное водохранилище устроено въ садикѣ, огороженномъ посреди городской площади; изъ него вода проводится въ фонтаны, устроенные на каждой улицѣ, а также въ фабрики и заводы. Водопроводы доставляютъ въ Сарепту ключевой воды около 1,000 ведеръ въ часъ; но этого количества было бы недостаточно, потому что, по условіямъ здѣшняго климата и при продолжительныхъ засухахъ, сады, плантаціи и поля требуютъ искусственнаго поливанія. Для этого, вскорѣ по учрежденіи колоніи, рѣка Сарпа была запружена плотиной, въ 15 сажень длины, съ 4 шлюзами. Посредствомъ этой плотины удерживается весной снѣговая вода, собственно для поливки садовъ, производящейся водоподъемными машинами, дѣйствующими лошадиною силой. Нужда заставила здѣшнихъ жителей заботиться о сбереженіи воды всѣми способами. Поемныхъ луговъ и естественныхъ займищъ нѣтъ въ Сарептѣ, а сѣна, получаемого изъ степей, далеко не хватаетъ для прокормленія скота, и потому въ низменныхъ мѣстахъ устроены также малыя плотины, куда весною стекаетъ съ горъ снѣговая вода; ей даютъ разлиться по лугамъ и потомъ направляютъ ее особымъ каналомъ въ рѣку Сарпу.

Какъ ни мала однако же рѣчка, сарептяне дорожатъ и гордятся ею, соединяя съ нею память о началѣ своей колоніи. Когда первые учредители колоніи, пять членовъ евангелическаго братскаго общества, отправились въ 1765 г. въ Царицынъ, осматривать мѣста для своего поселенія, эта пустопорожняя степь, служившая до тѣхъ поръ мѣстомъ передвиженія и кочевья дикимъ племенамъ монгольскимъ, напомнила набожнымъ геригутерамъ странствованіе пророка Іліи черезъ пустыню въ мѣстечко Сарепту, и слова сказанныя имъ вдовѣ сарептянкѣ, что «мука въ ея водность не оскудѣетъ и чванецъ ея не умалится.» Принявъ эту мысль за указаніе Божіе, они остановились здѣсь, назвали новую колонію Сарептой, и избрали эмблемой для общественной печати сосудъ съ колосьями и масляную кружку подъ масличнымъ деревомъ. Не мало было затрудненій при основаніи Сарепты: всѣ строительные матеріалы и работниковъ надо было привозить издалека, всѣ инструменты для обзаведенія выписывать изъ-за гриницы. Русское правительство помогало имъ щедрою рукой, но и при этихъ вспоможеніяхъ только неослабное терпѣніе и постоянное трудолюбіе могло удержать ихъ на пустынномъ мѣстѣ и утвердить въ немъ промыслы, которыми держалась и до сихъ поръ держится колонія. Поселенцамъ приходилось жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ нападенія кубанскихъ татаръ, кабардинцевъ и калмыковъ большой орды. Въ пугачевщину жители должны были бѣжать изъ своей колоніи. Пугачевъ ее разграбилъ такъ, что по возвращеніи на мѣсто, надобно было все заводить сызнова. Съ пособіемъ отъ правительства колонія въ скоромъ времени поправилась и процвѣла снова; но жестокіе пожары 1812 и 1823 года два раза раззоряли ее. Послѣдній былъ такъ губеленъ, что многіе жители рѣшились оставить Сарепту. Однако же щедрое пособіе отъ императора Александра I и на этотъ разъ дало ей возможность поправиться. Она процвѣтаетъ и теперь, сколько можно судить по наружному ея виду и по словамъ тѣхъ жителей, съ которыми удалось намъ говорить. Они,

повидимому, очень довольны своимъ положеніемъ. Они пользуются до сихъ поръ значительными льготами, которыя были предоставлены колоніи при ея основаніи. Они освобождены отъ рекрутской, квартирной, подводной и прочихъ повинностей, платятъ только поземельную подать по $7\frac{1}{4}$ коп. съ десятины, внося ее черезъ свое управленіе; пользуются правомъ свободнаго винокурения и пивоварения и свободной продажи вина въ предѣлахъ своего округа; по торговлѣ и промысламъ уволены отъ записки въ гильдію; только фабрики, учрежденныя въ колоніи, обязаны платить по 30 коп. со стана или по проценту съ капитала. Они управляются сами собою безъ всякаго вмѣшательства мѣстныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ властей, состоя только въ зависимости отъ министерства государственныхъ имуществъ. Управление внутренними церковными и гражданскими дѣлами въ Сарептѣ состоитъ изъ одного епископа или пресвитера братской евангелической церкви, одного младшаго пастора, инспектора училищъ и директора финансоваго управленія. Для внутренняго судебного производства и для расправы по гражданскимъ дѣламъ учреждено у нихъ правленіе евангелическаго братскаго общества изъ двухъ начальниковъ, одного юстиціаріуса и двухъ выборныхъ засѣдателей. Правленіе это, считаясь наравнѣ съ магистратами, не подчинено никакому присутственному мѣсту и состоитъ въ зависимости только отъ министерства госуд. имуществъ, которому даетъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Въ судебныхъ дѣлахъ дѣятельность его примирительная, и не было еще примѣра, чтобы судебное дѣло между жителями Сарепты доходило до разбирательства общихъ судебныхъ мѣстъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ жители подчинены общему суду; но съ самаго основанія Сарепты въ ней, сказываютъ, не было ни одного уголовного дѣла. Всѣхъ жителей въ Сарептѣ около 450 обоюга пола, и около 600 постороннихъ людей работаютъ на ея фабрикахъ и заводахъ. Ежегодные общественные расходы на содержаніе колоніи и жалованье должностнымъ лицамъ простираются до 10,000 р. и покрываются дохода-

ми съ общественныхъ промысловъ, общественной торговли и личнымъ сборомъ.

Послѣ осмотра фабрики Глича, сада и виноградныхъ плантацій Гильделфальда, мы отправились гулять по широкимъ и чистымъ улицамъ колоніи. На дорогѣ попался намъ обязательный сарептянинъ, который вызвался быть нашимъ путеводителемъ; намъ совѣстно было сказать ему, что намъ хотѣлось бы побывать въ одномъ изъ домиковъ, которые такъ привѣтливо глядѣли на насъ изъ-за зелени, и посмотреть, какъ живутъ сарептяне дома. Наконецъ мы рѣшились и спутникъ нашъ, одинъ изъ здѣшнихъ горчичныхъ фабрикантовъ, предложилъ намъ войти въ его домъ, который случился тутъ же по близости. Съ улицы къ дому примыкало небольшое крыльцо. Десятилѣтній мальчикъ, сынъ хозяина, въ красной шелковой дѣтской рубашкѣ, отворилъ намъ дверь, и любезный хозяинъ прямо изъ передней провель насъ въ большую залу, очень опрятно убранную, увѣшанную картинами и портретами. Въ одномъ концѣ комнаты стоялъ прекрасный рояль: въ Сарептѣ почти всѣ занимаются музыкой, особливо женщины. Рояль принадлежалъ хозяйкѣ, и мы спѣшили ознакомиться съ ея нотами, которыми была наполнена стоявшая въ углу этажерка. Здѣсь прежде всего попался намъ Гуммель, потомъ Бетговень, котораго, по словамъ хозяина, особенно любятъ въ колоніи, Мендельсонъ — Бартольди..... Вся этажерка была наполнена классическими именами, обозначавшими вкусъ здѣшнихъ любителей музыки. На роялѣ лежало впрочемъ и нѣсколько новыхъ вальсовъ небольшою кучкой; въ другихъ тетрадяхъ видѣли мы собраніе шведскихъ и нѣмецкихъ гимновъ и пѣсень. Между нотами лежали тетрадки нѣмецкихъ журналовъ для юношества, нумера *Gartenlaube* и т. п. Черезъ нѣсколько времени вошла хозяйка, которая всѣмъ намъ показала очень любезною, и мы не замѣтили, какъ прошло болѣе получаса въ разговорѣ, очень интересовавшемъ насъ. Мы слышали, что жизнь гернгутеровъ скучна и тосклива: ничего похожаго на скуку и угрюмость

не замѣтили мы въ своихъ хозяевахъ. Они казались очень веселы, привѣтливы, словоохотливы, и не знали, какъ нахвалиться своею жизнью въ Сарептѣ. Здѣсь, говорили они, мы не знаемъ, что такое скука, мы всегда заняты, и когда бываемъ съ Саратовѣ, ждемъ не дождемся возвращенія домой. Впрочемъ хозяйка наша выѣзжала изъ Сарепты только разъ въ жизни, но не далѣе Саратова, и то ненадолго. Каждый изъ членовъ этой маленькой общины занять своимъ дѣломъ цѣлое утро. Вечера они проводятъ въ семьѣ; многіе занимаются музыкой, читаютъ (въ Сарептѣ есть общая библіотека, кромѣ того почти въ каждомъ домѣ есть своя небольшая библіотека,) выписываютъ журналы и мѣняются ими другъ съ другомъ для чтенія. «Правда ли, что у васъ запрещены танцы?» спрашивали мы. «Да, — отвѣчалъ съ улыбкою хозяинъ: — то-есть прямого и рѣшительнаго запрещенія нѣтъ, но танцы у насъ вообще не одобряются. За то, — прибавилъ нашъ хозяинъ: — въ музыкѣ предоставляется полнѣйшая свобода. Одинъ изъ нашихъ пасторовъ прекрасно знаетъ музыку, и онъ главный директоръ музыкальныхъ занятій у насъ въ Сарептѣ.» Этого пастора особенно хвалилъ нашъ хозяинъ. «Когда бъ вы видѣли, — говорилъ онъ: — какъ этотъ пасторъ любитъ дѣтей нашихъ и объ нихъ заботится. Онъ у насъ первый учитель дѣтей нашихъ.»

Каждый вечеръ въ Сарептѣ бываетъ богослуженіе, на которое сходится собраніе, Впрочемъ не обязательно. Здѣсь поются гимны и читаются иногда «Missionsbriefe.» извлечение изъ писемъ и донесеній о дѣйствіяхъ и судьбѣ миссіонеровъ гернгутеровъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Извѣстно, что миссіонерство составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей гернгутерскаго общенія и общины гернгутерскія высылаютъ миссіонеровъ во всѣ части свѣта. Изъ числа нынѣшнихъ сарептскихъ пасторовъ одинъ родился въ Гренландіи, а другой въ Лабрадорѣ. Съ 1732 евангелическое братство гернгутеровъ заявило съ успѣхомъ свою миссіонерскую дѣятельность въ Вестъ - Индіи, на Суринамѣ, въ южной и

средней Африкѣ, у индѣйцевъ Сѣверной Америки и между эскимосами. Главнымъ побужденіемъ ихъ при выборѣ приволжскихъ степей для поселенія была близость калмыковъ, между которыми они задумали распространять христіанство. До 1815 года нѣсколько членовъ Сарептскаго общества постоянно занимались изученіемъ калмыцкаго языка; одинъ изъ нихъ, Шмидтъ, бывшій послѣ того академикомъ, принявъ, по порученію Россійскаго Библейскаго Общества, переводъ Новаго Завѣта на калмыцкій языкъ, и окончивъ переводъ Евангелія отъ Матѳея, напечатанный въ 1815 году, на счетъ Библейскаго Общества. Сарептскіе миссіонеры занялись распространеніемъ этого перевода между калмыками; первые опыты ихъ миссіонерской дѣятельности имѣли успѣхъ, но съ 1823 года эти опыты прекратились, такъ какъ герингутерамъ положительно запрещено было причислять калмыковъ къ своему обществу, и первыя калмыцкія семьи, обращенныя въ христіанство сарептскими миссіонерами, причислены къ православной церкви.

Въ Сарептѣ видно очень мало молодыхъ людей: они по большей части въ отлучкѣ. Я спрашивалъ у одного изъ здѣшнихъ жителей, гдѣ его сыновья. Оказалось, что одинъ — въ Саратовѣ, живетъ комиссіонеромъ, другой — въ Германіи, доканчиваетъ курсъ наукъ въ одной изъ богословскихъ семинарій, третій — въ Сарептѣ, занимается при аптекѣ. Въ Сарептѣ есть своя школа, хорошо устроенная, для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно. Учители выписываются изъ Германіи, а курсъ, не ниже гимназическаго. Вообще всѣ члены сарептскаго общества умѣютъ читать, писать и знаютъ ариметику. Сарептяне считаютъ необходимымъ учить своихъ дѣтей и русскому языку, но учитель русскаго языка у нихъ не изъ русскихъ: они приготовили для этого нѣмца, пославъ предварительно въ Петербургъ для систематическаго изученія русскаго языка. Почти всѣ сарептяне, по крайней мѣрѣ мужчины, говорятъ довольно свободно по-русски, и это для нихъ необходимость, потому что по своимъ торговымъ и промышленнымъ дѣламъ они

должны входить въ непрерывныя сношенія съ русскими и брать русскихъ работниковъ на свои фабрики. И наоборотъ, здѣсь не рѣдкость встрѣтить русскаго работника, который свободно говоритъ по нѣмецки; даже нѣкоторые калмыки выучились нѣмецкому языку. О калмыкахъ вообще слышали мы отъ сарептянъ добрые отзывы: «Калмыки—все равно что дѣти,» говорили намъ, но въ то же время жаловались, что между сосѣдними калмыками сильно развито коноградство.

По случаю пріѣзда въ колонію Великаго Князя сарептяне устроили торжественное богослуженіе. Мы отправились пѣшкомъ въ церковь, которая помѣщается въ особенномъ домѣ на площади: храмъ состоитъ изъ одной большой четверугольной залы безъ всякихъ украшеній, кромѣ повѣшенной на стѣнѣ картины съ изображеніемъ Распятія. Стѣны просто выбѣлены; наверху съ обѣихъ сторонъ сдѣланы хоры: на однихъ помѣщалась часть собранія, на другихъ—хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ; въ послѣднихъ молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепчикахъ съ розовыми лентами. Вдоль залы съ одной стороны поставлены были рядами скамьи, занятыя братьями и сестрами въ праздничныхъ платьяхъ. Съ другой стороны по стѣнѣ, на возвышеніи, стоялъ простой покрытый столъ для проповѣдника, и рядомъ со столомъ еще рядъ скамеекъ и стульевъ, на которыхъ мы заняли мѣста вслѣдъ за Великимъ Княземъ. Кромѣ прихожанъ, въ церкви помѣстилось стоя множество народа, собравшагося изъ любопытства; въ числѣ прочихъ тутъ стояли и калмыцкіе гелюны въ своихъ желтыхъ костюмахъ. Богослуженіе открылось гимномъ изъ Сотворенія Мира Гайдна, который исполнили весьма удовлетворительно пѣвчіе на хорахъ съ аккомпаниментомъ инструментальной музыки. Потомъ всталъ съ своего мѣста пасторъ, и вслѣдъ за нимъ поднялось все собраніе. На немъ была церемоніальная пасторская одежда съ бѣлою манишкою; но намъ сказывали, что вообще эта одежда не употребляется при богослуженіи Герингутеровъ, и пасторы

ихъ остаются въ обыкновенномъ своемъ платьѣ. Обратясь лицомъ къ собранію, пасторъ произнесъ торжественнымъ, но монотоннымъ голосомъ благодарственную молитву о благоденствіи Государя Императора, Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всего царствующаго дома: молитва была довольно продолжительна, а послѣ молитвы все собраніе стоя пропѣло прекрасный гимнъ, который всѣмъ намъ очень понравился, и мелодіей и ея исполненіемъ. Музыка имѣетъ очень важное значеніе и въ богослуженіи Гернгутеровъ и въ домашней жизни. Особенно всѣ дѣйствія и событія, имѣющія религіозное значеніе, освѣщаются музыкою. Каждый хоръ или каждый отдѣлъ общественный имѣетъ свои гимны на разные случаи. Въ Гернгутъ, какъ скоро умираетъ членъ общины, раздается съ высокой башни, при трубномъ звукѣ, гимнъ, по которому можно распознать, къ какому хору принадлежалъ умершій: каждый хоръ имѣетъ свою погребальную пѣснь. При звукахъ трубъ, съ музыкою несутъ тѣло на кладбище. Въ день пасхи главное торжество совершается на кладбищѣ, куда вся община отправляется съ музыкою на восходѣ солнца. Для богослуженія у Гернгутеровъ назначены собранія, по нѣскольгу разъ въ день, обыкновенно три раза, по $\frac{1}{4}$ заразъ, и послѣднее богослуженіе соединяется всегда съ пѣніемъ тѣхъ стиховъ, которыя относятся къ такъ-называемому дневному лозунгу, или библейскому тексту: выборка и назначеніе такихъ текстовъ дѣлается обыкновенно на каждый годъ для всей общины центральнымъ церковнымъ или синодальнымъ собраніемъ. Замѣчательнъ еще у Гернгутеровъ обычай частаго причащенія, которому всякій разъ предшествуетъ такъ называемая вечеря либви: на этой вечерѣ, съ молитвами и пѣніемъ, разносятся всѣмъ присутствующимъ чай, молоко и хлѣбное печенье.

Извѣстно, что у Гернгутеровъ всѣ члены общины раздѣляются по полу и возрасту на такъ-называемые хоры, какъ—то: хоры дѣвочекъ, мальчиковъ, холостыхъ братьевъ, холостыхъ сестеръ, вдовцевъ, вдовъ, и каждый хоръ имѣетъ сво-

его блюстителя или блюстительницу, обязанных наблюдать за нравами, порядкомъ и дисциплиною въ хорѣ. На блюстителейъ лежитъ обязанность готовить членовъ своего хора къ причастию, въ которомъ по правилу участвуютъ всѣ черезъ четыре воскресенья: для этого онъ съ каждымъ по одиночкѣ бесѣдуетъ о душевномъ его состояніи, вмѣсто исповѣди. Въ Гернгутѣ холостые братья вмѣстѣ съ молодыми людьми, кончившими курсъ ученья, живутъ въ одномъ т. наз. братскомъ домѣ, гдѣ занимаются ремеслами и работами вмѣстѣ; точно также живутъ сестры, вдовицы и вдовцы. Даже и состоящіе въ бракѣ раздѣлены по хорамъ, хотя живутъ въ домахъ своихъ. Собраніе или совѣтъ старшинъ наблюдаетъ за хорами чрезъ блюстителейъ или представителей.

Сарепта имѣетъ многихъ противниковъ, которые не могутъ примириться съ мыслью, что посреди русскаго населенія и на русской землѣ существуетъ островокъ нѣмецкихъ людей, которые, не имѣя органической связи съ землею и чуждые быту ея, живутъ себѣ лишь на пользу, тяготѣя въ чужой національности и не раздѣляя съ русскимъ населеніемъ общихъ государственныхъ и земскихъ тягостей. Это мнѣніе людей, не сочувствующихъ Сарептѣ, можно понимать и не соглашаясь съ нимъ, но мнѣ представляется въ немъ увлеченіе и крайность національнаго чувства или отвлеченнаго разсужденія. Кажется, что не переставая быть русскимъ человѣкомъ и не ослабляя національнаго чувства, можно терпѣть въ русской землѣ такое явленіе, какъ Сарепта и даже сочувствовать ему: на это есть основательныя причины.

Сарептскіе гернгунтеры, пожалуй, гости въ нашей землѣ, но этихъ гостей мы вызвали и приняли, и притомъ, по особенностямъ своего общественнаго устройства, они повсюду казались бы гостями и составляли бы особенный островъ. Эти гости, можетъ-быть, прямо не заинтересованы въ нашей домашней экономіи; но они не враждебны ей, и этого покуда довольно. Войдя къ намъ въ домъ, они

никого не вытѣснили; они заняли пустой уголь, который безъ нихъ, по всей вѣроятности, оставался бы пустымъ и до сего времени. Если они завели въ пустынь цвѣтущій островокъ, и поддерживаютъ его до сихъ поръ въ цвѣтущемъ видѣ, мы можемъ только радоваться этому, хотя бы они работали на себя, думая о своей пользѣ: работая на себя, умножая свои капиталы, они и намъ приносятъ пользу хоть тѣмъ однимъ, что создаютъ движеніе тамъ, гдѣ его не было прежде. Можетъ быть, въ другомъ обществѣ, достигшемъ цѣльнаго экономическаго развитія, Сарепта, съ ея особенностями и привилегіями, была бы явленіемъ уродливымъ, заѣдала бы чужой хлѣбъ, колола бы глаза несправедливостью: у насъ, при неравномѣрности нашего экономическаго развитія и особенно въ томъ пустынномъ краѣ, гдѣ Сарепта находится, она имѣетъ значеніе и можетъ процвѣтать, ничѣмъ не оскорбляя національнаго чувства. Что касается до ея привилегій, — можно спорить о мѣрѣ, до которой онѣ могутъ простираться; но нельзя отрицать, что безъ этихъ привилегій невозможно было бы существованіе Сарепты въ степяхъ Царицынскихъ. Люди, близко знакомые съ краемъ, говорили намъ, что нельзя сомнѣваться въ великой пользѣ, которую приносить ему Сарепта: занимая много рукъ своими промыслами, она многихъ кормитъ. Еще важнѣе то нравственное и экономическое дѣйствіе, которое производитъ примѣръ ея; отъ нея распространились въ краю промыслы, о которыхъ прежде здѣсь не думали; она поддерживаетъ экономическое движеніе, заводя у себя безпрестанно новые промыслы и оставляя ихъ, какъ скоро они успѣли войти въ обращеніе: въ этомъ отношеніи особенно важно, какъ сказывали намъ, вліяніе Сарепты на остальные нѣмецкія колоніи Самарской и Саратовской губерній.

30. Рыбинскъ.

Удивительное впечатлѣніе производитъ Рыбинскъ на каждого, кто первый разъ посѣщаетъ его! Рыбинскъ распо-

жень на берегу Волги, противъ самаго устья Шексны. Весною и лѣтомъ, въ самый развалъ судоходства, Волга, ширина которой достигаетъ въ Рыбинскѣ до 230 сажень, покрывается сплошною массою судовъ, составляющихъ подобіе моста, такъ что по этому импровизированному мосту легко перейти съ одного берега на другой. А какъ разнообразенъ и пестеръ этотъ мостъ! Въ одномъ углу останавливается невольно глазъ на легкой изящной бѣлозеркѣ, съ двумя стройными мачтами и опрятной палубой, а тамъ торчитъ безобразный щитикъ съ плоскимъ дномъ, крутыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики, на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ и длинныхъ, широкихъ лодокъ. Но за то нѣтъ барки, которая бы не была изукрашена самой узорчатой рѣзьбой, причемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную и единственную роль играютъ топоръ да ножъ; — изрѣдка развѣ долото.

Наибольшее скопленіе судовъ въ Рыбинскѣ бываетъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ; сюда приходитъ ежегодно съ нижнихъ частей Волги отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ, а отсюда отправляется до 8-ми тысячъ слишкомъ судовъ. Городское населеніе, простирающееся въ обыкновенное время до 11,000 душъ обоюго пола, достигаетъ въ лѣтнее время громадной цифры 100,000 душъ. Главная причина такого скопленія судовъ и такого стеченія народа заключается въ томъ, что отъ Рыбинска волжскій фарватеръ мельчаетъ, и кладь должна перегружаться съ судовъ большихъ размѣровъ на суда болѣе мелкія, предназначенныя для плаванія по каналамъ. Поэтому-то вся дѣятельность Рыбинска состоитъ въ выгрузкѣ и перегрузкѣ товаровъ; для этой-то операціи прибываетъ громадное число рабочихъ и собирается разнаго рода людъ — хозяева, прикащики, комиссіонеры, лоцманы, коноводы и разнаго рода спекулянты. Зная число входящихъ судовъ и усиливающегося населенія во время навигаціи, можно себѣ представить легко, какое движеніе, какая жизнь и сует-